

ГЛАВА 1

БЕЛЫЙ ЛЕС

1

Рыжая такса оставляла на снегу следы широких лап и, кажется, куда-то звала за собой, постоянно оглядываясь. Александр последовал за ней, втайне радуясь беспричинности. Он вдруг осознал, что давно ничего не делал просто так, безо всякого повода, что не слишком хорошо для музыканта.

Александр играл на фортепиано, и некоторые даже считали его виртуозом, но сам он был, скорее, на стороне скептиков.

Виртуоз тот, кто, как Паганини, своей рукой и талантом заставит так звучать обездвиженный инструмент, что зрители забудут, что они на земле – растворятся в полете.

Такса повела ухом и обернулась, точно проверяя, идет ли Александр за ней.

Он тихо присвистнул. Собака нервно дернула ухом, но не сменила траектории, явно давая понять: это он, человек, идет у нее на поводу и вовсе не наоборот.

«Что ж, посмотрим, куда ты меня приведешь», – весело подумал Александр.

Собака упитанная, без желтой бирки в ухе.

«Наверное, у нее есть хозяева», – продолжал рассуждать музыкант, следуя за таксой вдоль дороги.

Светофор подмигнул зеленым – не желаете свернуть на Привокзальную?

Там под большим железнодорожным мостом поезда ждут пассажиров.

«А что если такса приведет меня на перрон?»

Александр улыбнулся, представив, как под видом провожающего проникает с таксой в поезд и зайцем едет на берег Черного моря.

Но собака даже не взглянула ни на светофор, ни на зебру, продолжая трусить по прямой и свернула с тротуара, только приблизившись к лесу на окраине города.

2

За лесом на окраине города закрепилась странная слава.

Несколько лет назад в нем ночью случился пожар по причине, установить которую не удалось.

Огонь довольно быстро усмирили. Лес же с тех пор прозвали Горелым.

Он как будто бросал вызов этому городу.

Огромные дубы наблюдали смену ни одного поколения людей и, казалось, имели право смотреть на них свысока. Но деревья были мудрее. Дубы бескорыстно дарили силу, а березы, которых тоже немало в Горелом лесу, – радость, а все вместе – вдохновение.

Александр не ошибся. Такса привела его в Горелый лес. Зимой он выглядел как-то особенно торжественно и даже сказочно и как будто приглашал приобщиться к какой-то тайне. Александр даже пожалел, что никогда не был зимой в Горелом лесу.

Похоже, сегодня утром здесь еще никто не успел побывать. Только птичьи следы уже обновили выпавший за ночь снег.

Такса еще раз оглянулась на Александра, несколько раз вильнув хвостом, довольная, что он идет за ней, и, проваливаясь в снег, Александр поспешил за ней в глубь леса, за деревья.

Такса остановилась и залаяла.

По-видимому, это означало, что они у цели, и этой целью была проглядывающая между стволами какая-то белая глыба, сливающаяся со снегом.

Приблизившись к ней, Александр даже присвистнул от удивления, и в этот раз такса радостно подбежала к нему.

Подумать только! Рояль.

Заснеженный рояль.

Концертный.

Белый.

Интересно, кто и зачем притащил его в лес и оставил его здесь с поднятой крышкой...

Но еще больше музыканта волновало другое: как звучит заснеженный рояль.

Клавиши засыпало снегом и, кажется, они слегка оледенели и только и ждали его, чтобы согреться под его быстрыми умелыми пальцами.

Александр доводилось играть и в маленьких гостиных, и в огромных концертных залах, в костелах, но в зимнем лесу – никогда.

Он будет играть для птиц и этой таксы, которая привела его сюда. Жаль, он не может узнать ее имя.

Такса уселась на снег, как будто в ожидании лесного концерта.

Александр хмыкнул и довольно провел рукой по заснеженным клавишам. Как рой недовольных потревоженных пчелок, снежинки неохотно опустились к ногам Александра.

Грубая деревянная табуретка, тоже в снегу, контрастировала с шикарным роялем.

Музыкант смахнул с нее холодную белизну и сел за рояль, нащупывая у него педали под снегом. В этом рояли похожи с автомобилями.

Нажимаешь правую педаль – и музыка или скорость уносит тебя, и вот уже чувствуешь, надо бы притормозить, и давишь на тормоз.

Разница в том, что автомобилям в отличие от роялей не превысить скорости света. Во всяком случае, пока.

Такса нетерпеливо твякнула, и Александр прикоснулся наугад к одной клавише, затем к другой, медленно погружаясь в черно-белое пространство, и оно ожило.

И вот уже сам лес стал огромным роялем и звучал то громогласно, то нежно, и сам музыкант стал на какое-то время и снегом, и музыкой, а потом в оттаявших звуках потерялось и время, содрогаясь в финальном аккорде.

Александр закрыл глаза, предвкушая восторг тишины.

4

Звуки жили сами по себе, а сердце выстукивало ритм.

Кажется, от музыки даже стало теплее в лесу. И птицы зачирикали мелодичнее и громче, и ноздри щекочет противный запах черемухи.

Музыкант убрал руки с рояля, осторожно открыл глаза и чихнул.

Черемуха. Она повсюду.

Дубы и березы куда-то исчезли. Нет, не совсем, но теперь их было заметно меньше, и со всех сторон наступала черемуха.

Таксы рядом не было.

- Дружище! – позвал Александр и свистнул.

Потом еще. В ответ послышалось твяканье.

Ломая ветки, собака подбиралась к нему.

- Милашка! – раздался из черемухи скрипучий и визгливый женский голос. – Куда же ты?

Из белой пены вынырнула белая болонка, а следом за ней ее хозяйка, тоже миниатюрная, в белых буклях.

Александр разочарованно вздохнул.

Болонка и ее хозяйка с любопытством смотрели на него.

- Скажите, это вы сейчас играли? – спросила пожилая дама.

- Я, – не слишком охотно признался Александр.

- А кто композитор? Тсс... – лицо женщины вдруг приняло озорное выражение. – Подождите. Не говорите. Я сама попробую угадать. Ведь я преподаватель консерватории, можно сказать, ваша коллега. Майя Карповна Зеленцова. Я преподаю соль-фед-жио, – сказала дама по слогам, так что «о» звучало как-то особенно кругло, как будто звук превратился в серебряный обруч и по нему ударяли серебряным молоточком. – Даже странно, что я не слышала раньше эту прекрасную мелодию. Это... да! Маклиани. Нет-нет. Что-то современное. Наверняка, это Соловьев-Ветров. Да! Нет... Да, это Скрипичный. Игнатий Скрипичный! Это ведь он?

- Нет, – ответил Александр и снова чихнул, успев удивиться, что ни одного из имен перечисленных композиторов он не слышал прежде.

Как бы то ни было, нужно поскорее выбираться из этой черемуховой западни, тем более, что на глаза уже начали наворачиваться слезы.

- Простите, – сказал Александр. – Вы не видели здесь поблизости рыжую таксу?

- Нет, – сказала дама.

- Что ж, – пойду тогда ее искать.

- И все же! – крикнула женщина вслед. – Кого вы играли?

- Вам ничего не скажет это имя, – ответил Александр и поспешил по тропинке из леса.

5

Он шел обратно той же самой дорогой, какой привела его такса, но все вокруг было совсем по-другому.

Другие дома, другие деревья... И эта черемуха – она цвела повсюду, а снег куда-то исчез.

Не могла же зима сменить весну мгновенно?

Александр остановился. Где-то здесь должен быть светофор... Но светофора не было.

- Простите, – остановил Александр прохожего, мужчину в шляпе с сенбернаром на поводке. – Вы не подскажете, где здесь вокзал?

- Вокзал? – наморщил лоб прохожий. – Какой, простите, такой вокзал?

- Железнодорожный, – ответил Александр странному прохожему, и поскольку с лица того так и не сошло недоуменное выражение, пояснил. – Там, где поезда...

- Здесь нет никаких поездов, – пожал плечами прохожий.

- «Сумасшедший», – решил Александр, а вслух пробормотал:

- Извините...

Нужно спросить кого-то другого.

Более адекватного.

Например, вот эту серьезную женщину в очках и строгом костюме цвета асфальта. Ее вид говорит, что она знает все, а в руках у нее толстая книга. Может быть, какая-то энциклопедия.

- Извините, – остановил женщину Александр. – Вы не подскажете, как уехать из этого города?

- Уехать? – кажется, от удивления у строгой дамы даже подпрыгнули очки на носу. – А зачем вам отсюда уезжать?

- Я первый задал вопрос, – едва сдержал раздражение Александр и даже заставил себя улыбнуться в то время, как ему хотелось сказать даме с книжкой, что она чересчур любопытна и вообще лезет не в свое дело.

- Да, вы первый задали вопрос, – неожиданно согласилась дама. – Но ваш вопрос очень странный, поэтому я и спросила, зачем куда-то уезжать. Если вам плохо здесь, вы будете несчастны везде, если где-то, конечно, существует какое-то другое «везде», что, предположим, чисто гипотетически возможно, но даже если предположить, что есть другое «везде», то зачем туда ехать, если здесь хорошо. А здесь хорошо, так что...

- Хватит! – неожиданно для самого себя закричал Александр. – Вы можете просто сказать, есть здесь поезда? Самолеты? Такси? Междугородние автобусы? Корабли? Пароходы? Ракеты? Хоть что-нибудь, на чем можно выбраться отсюда?!!

- Вы хам и сошли с ума, – ответила женщина и пошла куда-то дальше по городу, где ей хорошо.

И, наверняка, у нее нет аллергии на черемуху.

6

Женщина права. Он, и правда, сошел с ума. Вот она очевидная разгадка.

Александр схватился за голову и рассмеялся.

Возле него удивленно остановилась девочка в платье из разноцветных лоскутков с четырьмя пуделям на поводке – розовым, салатным, оранжевым и белым.

- Вам чем-нибудь помочь? – беспокойно смотрела на него голубоглазая.

- Да! – обрадовался Александр. – Хотя я вообще уже сомневаюсь, что кто-то когда-то сможет мне помочь. Я не могу понять, что происходит.

- Такое бывает, – согласилась девчушка. – Сегодня утром, когда Розаночка ни с того ни с сего убежала от нас, так что нам пришлось ее искать, я тоже не могла понять, что происходит, но потом поняла. Она такая обидчивая. Обижается, когда с Беляночкой, Апельсинкой или Киви играют больше, чем с ней. Такой уж у нее характер.

- Здесь так много собак...

- А у вас разве нет собаки? – удивилась девчушка.

- Нет. Но недавно за мной увязалась такса, или это я увязался за ней. В общем, была зима, а теперь вдруг сразу весна и эта черемуха!

Александр чихнул.

- Будьте здоровы!

- Спасибо, – шмыгнул носом Александр.

- Вы не любите черемуху?

- У меня на нее аллергия, и из-за этого я не люблю весну.

- Разве есть что-то кроме весны? – удивленно спросила девочка.

Александр кивнул.

– Здесь всегда была весна... – догадался Александр.

Девочка кивнула.

По ее взгляду музыкант понял, что кажется ей странным, но она пытается не подавать виду.

- И никто никогда не покидал этот город...

- Я слышала, – девочка перешла на полусшепот, – есть один человек, все зовут его Часовщик. Он иногда исчезает куда-то и снова потом появляется. Говорят, он знает ответы на все вопросы, но он немногословен.

- А как найти его, этого Часовщика? – обрадовался Александр.

- Идите любой дорогой, – сказала девочка. – Рано или поздно все дороги приводят к нему. Вам подсказать еще что-нибудь?

- Да. Где находится ближайшая аптека. Надеюсь, хотя бы аптека здесь есть?

- Вот там. Возле цирка, – показала девочка рукой в сторону большого разноцветного шатра.

7

Аптека напоминала изнутри не то музей, не то концертный зал – чего здесь только не было! У стены – арфа и гитара, мольберт, а в углу затаился белый рояль, украшенный стразами.

Наверное, необычный инструмент и звучит как-то особенно. В другое время Александр не упустил бы случая – попросил у хозяина разрешения сыграть на заинтересовавшем инструменте.

Но сейчас музыканту было не до этого.

- Мне срочно нужно что-то из антигистаминных препаратов, – произнес Александр ворчливой скороговоркой.

- С аллергией отлично справляется скрипка. Как раз поступили билеты на...

- Простите, я, видимо, ошибся дверью, – метнулся обратно на улицу Александр.

К его удивлению, над входом разноцветные буквы складывались в «АПТЕКА». Никакого намека на то, что здесь находится касса цирка или филармонии. Хотя, возможно, вывеска устарела, и ее не успели сменить.

Александр вернулся обратно в ту же дверь.

- Извините, – обратился он к стоявшему за прилавком мужчине в вишневой жилетке и в вишневом цилиндре.

Аккуратная белая борода, белоснежная рубашка, галстук-бабочка в горошек... Аптекари обычно выглядят иначе.

- Мне нужна аптека...

-Я понял, – доброжелательно ответил мужчина. – И у вас аллергия... И я вам предложил...

- Билеты на концерт, – ехидно напоминал Александр. – Арт-терапия – это, конечно, хорошо, но нет ли у вас чего-то более традиционного? Я имею в виду медикаментозные препараты. Обычные. Если это, конечно, аптека.

- Ясно... – сочувственно покачал головой аптекарь и полез куда-то в нижний ящик своего прилавка.

- Вот, возьмите, – протянул упаковку таблеток. – С вас один талант...

- У меня нет таланта.

- Странно, вы не похожи на бурдалана...

- У меня только... – Александр растерянно извлек из кармана бумажник. – Простите, но я даже не знаю такой валюты. Может, где-то поблизости есть обменный пункт...

- Возьмите просто так, – с сочувствующим видом протянул аптекарь таблетки. – И вот это тоже. На случай, если не помогут, – все с той же доброжелательной улыбкой вручил Александру два билета. – Скрипичный в приятной компании – вот что точно спасет вас от аллергии.

8

Александр уселся на скамейке у шатра и принял сразу несколько таблеток, запив их водой из фонтана, бывшего поблизости, так что брызги, превращаясь в воздухе в радуги, долетали до него.

Действительно, отрезвляюще.

«Люди здесь, конечно, безумны, но доброжелательны», – решил Александр, рассматривая два билета, подаренные аптекарем.

«Игнатий Скрипичный.

Ежедневно в 17.00, пока не кончатся билеты. Приходите в хорошем настроении. Влюбленным бонус – серенада».

Прочитав «серенада», Александр хмыкнул. Только серенады ему не хватало.

Он и влюблен-то был по-настоящему только раз в жизни еще в консерватории, в однокурсницу Анну.

Разлучил их Париж и какой-то месье, в которого Анька влюбилась в Париже с первого взгляда. А, может, влюбилась она не в месье, а в Париж, а француз – только повод расстаться.

Как бы то ни было, через год Анька укатила в Париж и стала Аннет с французской фамилией и русским акцентом, а он, Александр, остался с ментоловым холодком в сердце.

Холодок этот хоть и рождает определенное недоверие, но, как мятная нотка в чае, придает своеобразие его манере исполнения.

Музыка заменила Александру любовь, а, может быть, стала его любовью.

Время от времени в его жизни появлялись какие-то женщины – как правило, слишком напористые.

На несколько ночей Александр сдавался под их страстным натиском, но ни одна из дам не смогла выдержать конкуренции с музыкой.

9

Во всяком случае, решил Александр, в этом городе есть Часовщик, к которому ведут все дороги, а значит, есть надежда выбраться отсюда.

И чтобы попасть к нему поскорее, нужно не сидеть на месте у фонтана, а идти и быстро, а лучше – бежать.

От этого простого открытия Александр немедленно поднялся со скамьи и побежал под удивленными взглядами прохожих.

Здесь, кажется, вообще кроме него никто никуда не спешил.

Люди неспешно прогуливались, многие с собаками всех мыслимых и немыслимых пород.

Некоторые ехали на велосипедах и даже верхом на лошадях, но и кони, как люди, здесь несли себя и всадника не спеша, с чувством собственного достоинства.

Небоскребы причудливых форм здесь запросто соседствовали с деревянными одноэтажками, как будто эпохи, как ягоды в лукошке, перемешались в этом городе.

Если даже кто-то и бежал, то по выражению его лица было видно, что он не спешит куда-то, а получает удовольствие от пробежки.

Александр подумал, что, похоже, куда-то торопится он один и, наверное, в глазах этих странных людей выглядит странно.

Но сейчас ему не было никакого дела до мнения о нем окружающих, тем более незнакомых жителей неизвестного города.

И все же Александр, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, свернул на беговую дорожку.

Он бежал очень долго, пока солнце не померкло от времени, и вдруг обнаружил себя снова возле цирка и той самой аптеки.

На скамейке, где он глотал таблетки, теперь сидела уже знакомая ему девочка с четырьмя пуделями разных цветов.

- Вы нашли Часовщика? – помахала она рукой Александру.

- Нет, – угрюмо ответил он. – Похоже, я вообще бежал по кругу.

- Конечно, – ответила девочка, – ведь это беговая дорожка... К Часовщику ведут все дорожки, кроме беговой... А теперь, Розаночка, – обратилась она к розовой собаке, – давай-ка немного попрыгаем.

Девочка достала из кармана скакалку, развернула ее и сделала несколько медленных прыжков.

Радостно гавкнув, Розаночка встала на задние лапки и стала подлетать в воздухе в унисон со своей хозяйкой.

Три других пуделя терпеливо ожидали своей очереди.

Засмотревшись на спонтанное представление, Александр спохватился, что теряет время, что было сил побежал по обычной пешеходной дорожке, обгоняя хозяев собак.

Когда уже почти стемнело, вдали показалась башня с огромным часами.

Пешеходная дорожка вела напрямик к ней. На узорчатых воротах башни покачивался огромный замок.

Напрасно дергал его Александр.

Несколько раз он обошел башню с часами, надеясь обнаружить еще один вход. Но тщетно.

Войти в башню можно было только через одни ворота, и на них висел замок.

Только теперь Александр почувствовал, что очень устал за этот бесконечный бестолковый день. Устал и проголодался.

День, в котором было мало музыки и много бесполезной суеты.

Сколько еще пройдет часов или дней в ожидании этого таинственного Часовщика?

Ждать, ждать, ждать – вот и все, что ему остается пока.

Александр бессильно опустился прямо на асфальт и, прислонившись к воротам, принялся ждать.

Часы пробили девять гулких «бом», а затем город снова утонул в надушенной черемухой тишине.

Таблеток хватит на несколько дней... А что потом?

Лучше не думать об этом. Есть еще билеты на концерт – можно продержаться два дня. И нужно как-то разобраться с местной валютой. Обменять или как-то заработать эти таланты.

И все-таки оставалась надежда, что Часовщик объявится раньше, чем придется думать об этом.

Александр задремал. Ему приснилось, что он играл на рояле в каком-то зале, но зал распался на фрагменты от звона связки ключей.

Кто-то поворачивал ключ в замке.

Александр мигом взбодрился. Замок открывала старушка, сгорбленная, руки ее дрожали, опираясь на трость.

- Кто здесь? – спросила она, прислушиваясь. Глаза ее смотрели в никуда.

- Я ищу Часовщика. Он ведь живет в этой башне?.. – сказал Александр.

- Он уехал, – ответила старушка.

- Он скоро вернется? – беспокойно спросил Александр.

- Я не знаю, – ответила женщина. – Все зависит от того, куда он уехал, а он не любит распространяться об этом. Может, в Низину, там он, скорее всего, не задержится долго. Там ему не слишком рады. А если он отправился на возвышенность, тогда он может остаться там надолго. А может, он вообще в другом месте. Откуда же мне знать? Мое дело – поливать цветы в его отсутствие. Попробуйте счастья завтра утром.

Бряцнув еще раз ключами, старушка медленно пошла вдоль стены башни поливать растения.

Завтра утром. А впереди ночь.

Александр поднялся и поплелся наугад.

Ночи весной бывают довольно прохладными. Хорошо, что он в зимней одежде. В любом случае не замерзнет на улице.

Стараясь держаться подальше от черемух, Александр пересек огромную улицу, сплошь состоявшую из небоскребов, одни из которых были похожи на гроздь гигантских опят, другие – на спирали, а третьи имели шарообразную форму.

За ними пролегал огромный парк, где вращалось колесо обозрения и (какое счастье!) не ощущалось черемух.

Не цвели они и за парком, где у дороги Александра привлекла вывеска «Таверна».

Мягко светящиеся окна обещали уют, отдых и ужин тем, кому есть, чем расплатиться.

На всякий случай путник решил узнать, не принимают ли здесь другую валюту, кроме талантов.

Все-таки на ночлег в таверну могут забредать такие, как он, путешественники с другими деньгами...

В холле на кресле под ночником восседал плотный бородач.

- Простите, вы принимаете оплату только в талантах? – остановился у порога Александр.

Бородач непонимающе смотрел на него.

- У меня есть только это, – Александр достал из кармана бумажник и вытряс из него несколько тысячных купюр и банковскую карту. – Этого могло бы хватить на ночь, а потом, возможно, где-то здесь есть банкомат и обменник, и я мог бы...

- Ты хочешь... – бородач грозно поднялся со своего места, – расплатиться со мной за ночлег в моем прекрасном заведении, одной из лучших таверн города, где все включено, этой картонкой и бумажками?

- Извините, нет... – сделал шаг назад Александр.

- За все это я прошу всего лишь один талант, а ты...

Еще раз извинившись, Александр сделал назад еще один шаг и оказался на улице. С досадой он швырнул кошелек в кусты только начинающей зацветать сирени, на которую аллергии у него, к счастью, не было.

10

Под звездным небом этот город не казался таким уж безумным – всего лишь немного странным.

Значит, ночь придется провести под открытым небом и без ужина. И угораздило же его пойти за этой таксой... Хотелось приключений? Вот они, пожалуйста, а мог бы спать в своей уютной квартирке со старым пианино.

Александр застегнул пальто, в котором днем было слишком жарко, укутался в шарф, достал из кармана смятую шапку и положил под голову вместо подушки.

О таверне сегодня можно только мечтать, но рядом с ней есть пергола – не спасение от прохлады, но если ночью начнется дождь...

Александр закрыл глаза. Ему снилась рыжая такса, пробиравшаяся через заросли черемухи. Они вдвоем удирали от аптекаря, гнавшегося за ними с пуделями розового, салатного, оранжевого и белого цветов.

- Ты должен мне талант за лекарства! – кричал он.

- У меня нет таланта, – отвечал на бегу Александр.

Одним тигриным прыжком аптекарь настиг его и взял за грудки.

- Отдай мне свою одежду! – грубо сказал он.

Александр проснулся и вздрогнул от неожиданности. Его держал за воротник отвратительный взъерошенный тип с измазанной рожей.

- Не слышал, что я сказал? Снимай одежду, говорю. И обувь тоже.

В другой руке у верзилы что-то блеснуло. Нож.

За спиной у бандита теснилась кучка таких же чумазных негодяев, жаждущих что-то урвать из добычи, с огромными кулаками и такими же огромными ушами, с крупными и резкими чертами лица, искаженными злобой.

- Ловите! – бросил им Александр шапку так, чтобы она улетела как можно дальше.

Как вороны, злодеи сгрудились вокруг головного убора, угодившего в грязь.

Ночью пошел дождь, и укрыться от него под крышей перголы было благоразумно. Жаль, в ней нет дверей и стен, которые могли бы защитить от таких негодяев. Их целая банда. Остается бежать.

- Эй, стой! – бросились за ним бандиты.

Один из них ухватил его за край шарфа и, злорадно хохоча, принялся его затягивать у Александра на шее. Изловчившись, от отбрыкнулся от мерзавца и скинул шарф, вокруг которого мигом образовалась свара, но, прежде, чем

Александр успел удалиться на безопасное расстояние, один из бандитов схватил его за ногу.

- Думаешь, самый умный здесь? Умнее нас? – сгреб его в охапку верзила, и сообщники сгрудились вокруг, наваливаясь на Александра.

Он махал кулаками, брыкался, пытаясь выбраться из этой кучи-малы, но силы были слишком неравны. С него сорвали пальто.

- Отдай, мое! – рвали его друг у друга бандиты. И в этой сваре Александр услышал, как скрипнула дверь, и дождливую ночь всколыхнул выстрел.

На пороге таверны стоял бородач с ружьем.

- А ну пошли вон отсюда, крысы! – рыкнул он и для убедительности пальнул еще раз в воздух.

Куча распалась, бандиты удирали в разные стороны, не забыв прихватить с собой пальто, шапку и шарф.

Кое-как сгреб себя с земли Александр. Кажется, кости не сломаны, но все же его изрядно помяли. Далеко ему не уйти. И этот дождь!..

Бородач стоял, опустив ружье, и смотрел на Александра.

- Простите, я спрятался от дождя у вас в перголе. Мне некуда идти.

- Пойдем, – сделал приглашающий жест бородач.

- Но у меня... – не поверил своей удаче Александр, – ни одного таланта...

- Ладно, – покачал головой бородач. – Утром разберемся, а пока заходи.

Пошатываясь, Александр вошел в широко распахнутую для него дверь.

- Твой номер на втором этаже, – бросил ему ключ бородач. – Там же рядом душевая и прачечная. Найдешь там все, что нужно. Эк они тебя помяли!..

- Спасибо, спасибо вам огромное, – горячо принялся благодарить Александр. – В этом городе такие добрые люди.

- Ладно, ладно, не растрчивай слова понапрасну. В городе все очень уж любят без дела болтать... Да, утром спускайся на завтрак в гостиную.

- Спасибо, спасибо! – опираясь на перила, поплелся Александр в душ.

Завернувшись в полотенце, он бросил одежду в большую стиральную машину с сушилкой и пошел в номер.

Чувствовал он себя уже вполне сносно, хоть побои по-прежнему давали знать о себе.

На столике в номере Александра ждал горячий шоколад – так отлично и сладко заканчивался старый, а может, уже начинался новый день.

Постель пахла свежестью, а главное, в раскрытую форточку не забрался запах черемух.

ГЛАВА 2

У ЭЙО

Проснувшись и лежа в постели, Александр никак не мог понять, хорошим или все-таки не очень выдалось утро. С одной стороны он неизвестно где и не понятно, как выбираться теперь отсюда, его тело все еще болело, и все происходящее более, чем странно.

Но, с другой стороны, добрые люди рассказали ему о Часовщике, который (на него вся надежда!) может помочь выпутаться из этой неразберихи.

Аптекарь подарил ему лекарств, а хозяин таверны спас от бандитов и приютил в дождливую ночь, угостил горячим шоколадом.

В гостиную его ждет завтрак, а затем новый день, полный неожиданностей и приключений – в чем-в чем, а в этом Александр не сомневался ни секунды.

И все-таки его не покидало ощущение, что все это происходит не с ним, но зеркало в душевой убеждало в обратном: хорошо сложенный мужчина тридцати пяти лет среднего роста. Волосы темные, волнистые, почти доходят до плеч.

Карие глаза, прямой, немного широкий нос, большеватый рот и резкие скулы в кровоподтеках.

Повезло, еще нос не сломали, и зубы, кажется, на месте. Еще два повода порадоваться наступающему дню.

В гостиную Александр спустился чисто выбритым со свежeweымытыми волосами и в хорошем настроении.

- Как огурчик! – похвалил хозяин таверны. – Говорю же, у нас все по высшему классу. Меня, кстати, зовут Ардалион, но чаще меня называют Гостеприимный Ал.

- Александр, – пожал протянутую руку Александр. – Кстати, в этом городе много бывает путешественников?

- Какие путешественники! – махнул рукой хозяин таверны. – Ты первый путешественник за целый год.

В зале кроме них двоих никого больше не было.

- А для чего тогда в городе таверны? – продолжал удивляться Александр.

- Бывает, приезжают из пригорода, а путь назад не близкий.

- Из пригорода?

- Ну да. Из верхних или, что еще реже, кто-то из нижних одумается вдруг и решит начать жизнь сначала – надо же ему где-то ночевать, пока не заработает достаточно талантов, чтобы обосноваться в городе. Но ты, видно, не из тех и не из других, экзотический фрукт.

– Да, это точно, – вздохнул Александр и огляделся.

Гостиная просторная и уютная – несколько столиков из добротного дуба, такого же цвета рояль в углу среди кривых пней... Да и сам инструмент как будто прорастал корнями в пол.

- Я музыкант. Никогда не видел рояля с корнями, – признался Александр. – Какой необычный дизайн...

- Между прочим, лучшего дизайнера роялей в городе... Вот, возьми, может, пригодится, – Ардалион извлек из-за пазухи пачку визиток и протянул одну из них Александру.

- Спасибо, – взял ее музыкант, подумав, что вряд ли ему понадобится эта услуга в городе, где он совсем ненадолго, тем более, что у него нет местной валюты заплатить за нее. – А можно мне на нем сыграть?

- Не можно, а нужно, – приободрил хозяин таверны, большой и сильный, как медведь в чаще леса.

Александр открыл крышку и нажал несколько клавиш. Рояль звучал гулко, строго и вместе с тем лирично, как будто тенистая тропинка уводила в чащу, обещая приключения и, может, даже чудеса.

Идеальный инструмент, чтобы играть на нем Вивальди...

Как град на землю, пальцы музыканта опустились на клавиши, и музыка потекла бурной рекой, заполняя собой все пространство таверны и оставляя семицветное послевкусие.

- Bravo! Bravo! – зааплодировал Ардалион.

Отличное начало дня.

Гостеприимный Ал приподнял крышку на огромном блюде, предлагая Александру позавтракать тостами с авокадо и омлетом с грибами и сыром. В кувшине переливался в лучах утреннего солнца ягодный сок.

- Приятного аппетита. Завтракайте, а я пока сварю свой фирменный кофе.

- Мне даже как-то неловко, – смутился Александр. – Вы так гостеприимны, а у меня нет ни одного таланта, чтобы рассчитаться с вами.

- Вы же только что сделали это, – удивился Ардалион.

- Я... я же просто сыграл на рояле...

- Ну да, – пожал плечами хозяин таверны. – Заплатили один талант.

- Так значит вот какие таланты здесь все имеют в виду! – захохотал Александр. – Так значит у меня есть талант!

- Конечно! Он есть у всех, кроме этих бурдаланов. Неужели вы думали, что таланты – это что-то вроде бумажек, которые вы мне вчера предлагали? Неужели где-то за них, и правда, можно что-то купить?

- Я думал, таланты – это какие-то крупные золотые монеты, – признался Александр.

- Золото? – расхохотался Ардалион. – Да кому оно нужно? Его полно в Низине под ногами. Бурдаланы даже умудряются расплачиваться этими слитками друг с другом, но здесь, в Городе, эти слитки никому не нужны, разве что только для строительных работ иногда.

- А как называется этот город?

- Просто Город, – пожал плечами Ардалион. – Зачем какое-то название, ведь нет же других городов, иначе была бы вражда и все такое, а нам итак с бурдаланами хватает разборок вот так, – Ардалион провел запястьем по своей могучей, как ствол дуба, шее.

- А кто такие эти бурдаланы?

- Это те самые типы из Низины, с которыми вы имели честь познакомиться этой ночью, это у них вместо талантов куски желтого железа, за которые они покупают друг у друга брагу и самокнутки, которыми дымят с утра до вечера. Но больше ничего за эти куски металла не купишь, а талантов у бурдаланов нет, поэтому они и делают иногда такие ночные вылазки, отбирая у припозднившихся горожан одежду и еду. А весь день только и делают, что орут и дерутся, да еще едят и совокупаются.

- А другие, которые останавливаются в вашей таверне?

– У них все наоборот и тоже свои причуды. То они месяцами молчат, то месяцами молятся беспрестанно. Они обожают рассуждать о высоких материях и мечтают, чтобы все ушли не только из Города, но и из Низины однажды к ним в горы. Вы только представьте себе: из Низины – в Горы. Правда... однажды случилось такое. Чего только на свете не бывает...

2

Полдня Александр напрасно прождал у Башни до обеда.

Когда часы пробили полдень, головная боль и насморк напомнили ему, что пора бы принять таблетку от аллергии.

В таверне Александра ожидала молодая женщина. Она нервно покусывала кончик авторучки и так сосредоточенно смотрела в чашку с остывающим кофе, как будто собиралась гадать на кофейной гуще.

Бархатистое цвета шоколада платье женщины, открытое, без рукавов, почти сливалось с пнями и кряжистым роялем.

На столике возле чашки лежали блокнот и газета.

Заметив Александра, женщина одновременно выпрямилась, улыбнулась, подвинула к себе нераскрытый блокнот и приняла замысловато-красивую позу, став похожей на скрипичный ключ.

Лицо с высокими довольно широкими скулами, узким подбородком окутывало орехово-дымчатое облако волос.

Нижняя губа, слегка отвисшая, выдавалась вперед, почти как у бурдаланов, что в сочетании с верхней, тонкой губой придавало их обладательнице капризный вид.

Глаза как спелые маслины – что-то ощущалось в ней скользкое, но при этом дама производила, скорее, приятное впечатление.

– Виола Рерайт, журналист, прапраправнучка великой писательницы Виолы Рерайт, – чуть наклонила она голову. – Скажите, это на вас напали ночью бурдаланы? Полгорода слышали выстрелы, и наш фотограф успел сделать фото убегающих в низину бурдаланов.

Молодая женщина разложила на столе черно-белые фотографии, на которых негодники уносили часть одежды Александра.

- Да. Они напали на меня, когда я спал.

- Вы спали на улице? – уточнила журналистка.

Александр улыбнулся. Даже журналисты и фотографы здесь, похоже, никуда особенно не торопятся. Да, этот город – просто идеальное место для спокойного отпуска.

- Точнее, в перголе, и это спасло меня от дождя.

- Как это романтично... – сказала журналистка. – Только эйо любят спать под дождем.

- Я не эйо, – поспешил разуверить журналистку Александр.

- Но вы не из местных... И, явно, не из бурдаланов, ведь, я слышала, вы играете на рояле. Так кто же вы?

- Я музыкант.

- А-а, – многозначительно покачала головой журналистка, как будто это что-то объясняло.

Но напрасно Александр решил, что она удовольствуется коротким ответом. И в этом неспешном городе журналисты довольно настырны.

- Так откуда же вы?

- Я... из пригорода.

В этот раз журналистка, как ни странно, осталась довольна ответом и как-то заговорщицки улыбнулась.

- Как называется ваша газета?

- «Газета», – удивилась журналистка. – Как же еще может называться газета? Вы не против, если мы сделаем несколько ваших фото?

- Хорошо, – развел руками Александр.

- Так, хорошо... – отошла на пару шагов назад журналистка, пока бородатый фотограф запечатлевал Александра в недоуменной позе.

- А теперь сядьте, пожалуйста, за рояль, ведь вы музыкант, – вошел во вкус фотограф.

Александр послушно исполнил просьбу и, когда камера несколько раз нетерпеливо щелкнула затвором, быстро поднялся со стула.

- Все, мне можно идти?

И, приветливо кивнув газетчикам на прощание, направился к лестнице, ведущей наверх.

– Спасибо! А это вам! Свежие новости.

3

Утром, когда Александр спустился на завтрак в гостиную, хозяин таверны читал газету, оставленную вечером репортершей, и попивал свой фирменный кофе.

- Почитай, что творят бурдаланы, – захлопнув газету, протянул ее Александру.

«Бурдаланы устроили в Городе охоту на собак», – гласил заголовок на первой странице.

В статье говорилось о том, что бурдаланы похитили за ночь у горожан с десятков собак.

После того, как жители Низины уничтожили всех немногочисленных оставшихся в Городе бродячих собак, они принялись за домашних питомцев.

В заключение журналист призывал не оставлять своих питомцев без присмотра, особенно в темное время суток.

На другой странице рассказывалось и вовсе о каком-то странном происшествии.

«Похитить стрелки часов с Башни давно уже стало навязчивой идеей бурдаланов, – говорилось в «Газете». – Прежде многочисленные попытки заканчивались ничем, даже каким бы то ни было наказанием виновных, поскольку установить их тоже не удавалось.

И хоть «Газета» не раз выступала с инициативой выставить охрану у ворот Башни, этого так и не было сделано.

Поэтому не приходится удивляться очередной попытке похитить стрелки. Бурдаланы подобрались к ним близко как никогда, но не смогли их снять с механизма, а только искривили их, что, к счастью поправимо.

Не удивляйтесь же, когда однажды случится то, что при таком подходе должно случиться рано или поздно.

Попытка похищения предпринята в отсутствие Часовщика, который, символично, находится сейчас где-то в Низине, – сказал один из зрителей за порядком Грэг Магрег. – Можно предположить, что бурдаланы, зная, что Часовщика сейчас нет в Башне, воспользовались моментом, чтобы

попытаться похитить стрелки, которые, как известно, сделаны из золота высочайшей пробы, а жители Низины очень падки на все блестящее, особенно на желтый металл.

В смотрительстве за порядком заявили, что будет проводиться тщательное и независимое расследование инцидента, а значит, можно с уверенностью предположить, что результаты его мы узнаем еще очень скоро.

Также мы обратились за комментариями к руководителю Музея Истории Города, и в этот раз он даже не отказался высказать свое мнение.

– Стрелки часов для бурдаланов некий символ могущества, – сказал Хамелион Миллионов. – Символ могущества и превосходства над горожанами, и это для них гораздо важнее, чем то, что стрелки эти сделаны из желтого металла, что может, на первый взгляд непосвященного, показаться основным мотивом несовершенного преступления.

Сами бурдаланы традиционно отказались давать комментарии, но, как обычно, охотно попозировали нашим фотографам и потребовали привезти им в Низину побольше номеров этого выпуска «Газеты».

Газеты в обмен за эту не слишком любезно оказанную ими услугу.

3

Что-то не так в этом мире, и Александр никак не мог понять, что именно, сосредоточенно поворачивая в руке за столом в гостинной таверны в меру незрелый плод авокадо.

- У вас же здесь вроде как вечная весна? – спросил Александр.

- Вечная, – вздохнул Ардалион.

- Но откуда тогда плоды авокадо?

- А для чего оранжереи? – непонимающе уставился Ардалион на Александра, не нашедшего ответ на такой простой вопрос.

- Ну да, оранжереи...

Каждый вечер горожане приходили теперь в таверну Ардалиона послушать Александра и платили ему за игру своими талантами. Кто-то приводил в порядок цветы в таверне и на клумбах вокруг нее. Кто-то делился с хозяином таверны семейными рецептами. Кто-то начищал до блеска окна и зеркала. А одна художница написала портрет хозяина таверны, украшавший теперь гостиную. Один завсегдатай, талантливый мастер, наплел ему корзины.

В общем, Ардалион стал теперь весьма состоятельным человеком, и каждое утро благословлял ту ночь, когда у его порога Александра избили бурдаланы. А музыкант задумался о приобретении велосипеда, чтобы отправиться на нем в Горы к эйо искать Часовщика.

4

Александр назвал бы продавца велосипедов весьма милой дамой если бы не ее дотошность и непонятливость. Она продавала велосипеды прямо на улице, у дороги – прекрасные велосипеды – для улицы и горных троп.

Осталось только оседлать и мчаться навстречу новым приключениям, но сначала оплатить, конечно.

- Как? Вы хотите сказать, у вас есть собака и всего только один талант? – удивилась продавец велосипедов. – Так не бывает. Иначе в Городе было бы полно бродячих собак.

- В этом городе так много собак, – согласился Александр, – но до сих пор я не встретил ни одной кошки.

Все кошки ушли в горы к эйо поближе к птицам, – многозначительно повернулась продавец велосипедов в сторону гор, подставляя солнцу усыпанное веснушками лицо.

– Но какое отношение собаки и кошки имеют к талантам?

- Самое прямое, – рассмеялась женщина, и ее узкие глаза еще больше сузились, и веселые лучики разбежались от их уголков. – Разве дрессировать животных не талант?

- Конечно, талант!

- Вот вам и ответ!

- Но если... если у меня нет таланта дрессировать животных?

- Тогда поищите другой, – невозмутимо пожала плечами продавец, явно, не собиравшаяся делать ему скидку.

- Ладно, поищем, – решительно зашагал Александр в сторону цирка. Почему-то на площади перед ним думалось легче. Наверное, потому что освежают фонтаны.

Возле цирка музыканту помахали хвостами уже знакомых ему четыре разноцветных пуделя и рукой – их хозяйка.

В другой руке в девочки покачивалась корзинка. В ней находились мячи.

– Вы снова какой-то печальный? – сказала девочка. – Вам не помогли лекарства?

- Лекарства не помогут вернуться назад...

- Туда, откуда вы пришли?

Александр кивнул.

– Вы забыли дорогу?

- Нет, я помню ее.

- Тогда что вам мешает вернуться по ней обратно туда, откуда вы пришли?

- В самом деле!

Ведь все очень просто, это он уже несколько дней подряд зачем-то намеренно отчаянно усложняет свою жизнь.

Видимо, подсознательно ему все-таки о-о-очень не хватало в своей спокойной, наполненной музыкой жизни приключений.

Несколько секунд Александр ошарашенно смотрел на девочку, подсказавшую ему такое простое, очевидное даже решение.

Сейчас он поднимется со скамьи. Пойдет, нет, даже побежит обратно к тому лесу, сядет там за тот самый белый рояль и сыграет на нем ту же мелодию.

Все то же самое, но в обратном порядке. В этом определенно была своя строгая логика.

– Смотрите, – сказала девочка, – у моих собак тоже есть таланты. Они умеют ходить на задних лапах, подавать лапу, прыгать через скакалку и ловить мячи. Они очень талантливы.

- В другой раз, в другой раз обязательно, – пообещал Александр, понимая, что другого раза не будет, и быстро зашагал в сторону леса.

Оставшуюся часть пути Александр проделал почти бегом, предвкушая, как усядется за рояль, и клавиши, подчиняясь его рукам, наполнят лес звуками, в которых его мысли и чувства-ожидания, мечты, воспоминания, и черемуха вновь станет снегом, только что выпавшим снегом, как в тот день, слишком чистый для конца февраля.

5

Лес, казалось, узнал его. Зашептались черемухи, дружелюбно зачирикали птицы.

Белая пахучая пена уже не так пугала Александра – еще немного, и он выберется из нее, остается только отыскать в ней белый рояль.

Но черемуха как будто насмеялась над музыкантом, надежно скрывая сакральный инструмент.

А, может, его здесь больше нет? И, может быть, даже и не было. И белый рояль, и та дама с болонкой просто померещились ему...

Все просто. Он бредит. Он сходит с ума.

Александр сжал руками виски и сполз по стволу могучего дуба.

Да, сначала ведь были дубы – много дубов и никаких черемух...

Александр зажмурился...

Наваждение... Какое-то наваждение.

Сейчас он откроет глаза и снова увидит снег, и рыжая такса выведет его из заснеженного леса.

Где-то рядом затрещали ветки, залаяла собачонка.

Сердце Александра радостно забилося.

Он открыл глаза и увидел собаку. Ту самую болонку, но теперь она почему-то здесь одна, без хозяйки...

- А где же?.. – растерянно оглядывался Александр.

Никого из людей рядом не было.

Болонка вопросительно смотрела на него и жалобно взвизгивала.

- Ну что ты, дружище? Ты хочешь мне что-то сказать? – потрепал Александр собачку по шерсти. – Ну же, где твоя хозяйка?

Болонка снова жалобно взвизгнула, заглядывая в глаза Александру.

- Ты голодная? – догадался он. – Извини, ничего с собой нет.

Александр поднялся, забыв о собственных неурядицах.

У него появилась маленькая цель, даже две, – накормить голодную собачку и помочь ей найти хозяйку.

Морщась от запаха черемухи и чихая, Александр заспешил прочь из леса.

Болонка бежала за ним.

Вернувшись в таверну, Александр первым делом позвонил в «Газету».

Ему ответил уже знакомый женский голос с хрипотцой – то немного высоковатый, то, напротив, низковатый.

- За мной увязалась собака в черемуховом лесу... Пришлось забрать ее с собой в таверну, – сказал Александр.

- Какой вы... благородный! – восхитилась журналистка и кокетливо спросила. – Вы, точно, не из эйо? Мы обязательно напишем об этом, но в следующем номере. Этот уже закрыт.

- Да, напишите, пожалуйста, поскорее.

- А, кстати, что вы делали в черемуховом лесу? – поинтересовалась журналистка.

- Так, ничего, – почти не солгал Александр.

- Ясно... – вздохнула женщина на другом конце повода.

6

Образовавшееся свободное время Александр решил заполнить с пользой, посвятив его осмотру местных достопримечательностей и культурно отдохнуть, а заодно узнать, наконец, историю города, в котором он неизвестно каким образом оказался.

Болонка увязалась за своим новым хозяином. Он не возражал, только, вернувшись, попросил у Ардалиона поводок. Прежний, видимо, остался в таинственном лесу. Теперь, с собакой, Александр выглядел как самый обычный горожанин.

Обычно, оказавшись в незнакомом городе, музыкант, если не был слишком занят, старался побывать в театре, ведь здесь можно узнать о том месте, куда тебя привела судьба, ничуть не меньше, чем в краеведческом музее.

- Извините, – остановил Александр одного из горожан, высокого темноволосого господина с тонкими усиками и в шляпе-цилиндре. – Вы не подскажете, где у вас театр?

- Театр? – вскинул брови местный. – А что такое – театр?

По выражению лица горожанина Александр понял, что тот и впрямь впервые слышит это слово. Вполне возможно, театр у них называется не театром, а как-то иначе.

- Место для культурного досуга, где актеры воплощают на сцене разные роли – героев, злодеев, принцесс – кого угодно...

- Притворяются другими людьми? – удивился прохожий, и лицо его слегка покраснело от негодования. – Но это же... абсурд... это возмутительно, это же ... это же... обман, не достойный даже бурдаланов, – подобрал, наконец, горожанин слова, выражающие его чувства. – Неужели в Городе могло появиться такое ужасное место? Что стало с Городом, что стало с миром!.. Нет, я не буду молча за этим наблюдать, я... я немедленно напишу жалобу в совет горожан, в смотрительство за порядком, я буду жаловаться в «Газету»!

И, не дав Александру опомниться, прохожий помчался жаловаться.

А Александр пошел к Башне, на воротах которой все так же висел замок, а оттуда по уже привычной траектории – к цирку.

На площадке у фонтанов о чем-то оживленно беседовала стайка детей и подростков. Каждого из них сопровождала собака, а кого-то даже две и больше. Взгляд Александра выхватил в этой пестрой щебечущей компании четыре знакомых разноцветных пятна и хозяйку пуделей.

Девочка отбилась от стайки и приветливо помахала рукой Александру.

- Вы нашли свою собаку и решили остаться в Городе? – обрадовалась девочка.

- Точнее, она нашла меня.

- Вы уже видели? О вас написали в «Газете»...

Девочка с любопытством смотрела на Александра.

– Скажите, а это правда, что вы прилетели с другой планеты? – спросила вдруг она. – И ваша летающая тарелка приземлилась в черемуховом лесу?

- Какие глупости! – воскликнул Александр. – Как можно было выдумать такое?

- Я так и подумала, что это глупости, – пожала плечами девочка. – Журналисты часто пишут глупости, у них весьма сомнительный талант. Лучше бы они дрессировали собак! А еще они пишут... Вот, почитайте сами...

Девочка открыла маленькую сумочку, достала из нее сложенную вчетверо газету, но не дала ее Александру, а развернула и принялась читать вслух сама, то и дело поглядывая на его реакцию.

«Бурдаланы напали на пришельца». Это так называется статья, – пояснила девочка. – Вот, послушайте, что они пишут... Никто не знает, откуда он появился в Городе, но, точно известно, он проживает здесь несколько дней в таверне рядом с главным парком.

Мы провели свое журналистское расследование и выяснили, что первые встречи таинственного пришельца с горожанами произошли в районе черемухового леса.

Интересный факт: у загадочного молодого мужчины аллергия на черемуху, и при этом он не признает методы современной медицины и арт-терапии предпочитает медикаментозные химические средства, популярные в Низине.

На этом, к счастью, сходство с бурдаланами у Александра заканчивается.

Известно, что он обладает как минимум одним большим талантом – прекрасно играет на рояле.

Местные, живущие вблизи черемухового леса, слышали звуки пианно в зарослях. Причем, звучали в основном не знакомые им, как будто инопланетные мелодии.

Никакого рояля на указанном месте нам, правда, обнаружить не удалось, да и само событие успело обрасти слухами.

На месте, где якобы находился рояль, действительно, сильно примята трава, и некоторые всерьез полагают, что это след от летающей тарелки, на которой прилетел Александр, может быть, с другой планеты, а, может, из другой эпохи.

- Я шла на лекцию, когда увидела на улице молодого мужчину без собаки, – рассказала нашему изданию профессор философии ведущего университета Города Апрелия Жукова. – Он выглядел так, как будто заблудился во времени и пространстве, но тогда я не придавала этому особого значения.

Возможно, приезд (или прилет) пришельца так бы и остался незамеченным, если бы не недавнее громкое происшествие.

В первую ночь своего пребывания в Городе Александр решил заночевать перед таверной практически под открытым небом. В это время на него напала группировка бурдаланов.

Как сообщили в смотрительстве за порядком, по фотографиям, сделанным, кстати, фотографом «Газеты», удалось установить, что возглавлял нападение некий Рэк, больше известный по прозвищу Верзила.

На помощь Александру, отбивавшемуся от ночных бандитов, пришел хозяин таверны.

- Я услышал на улице какую-то возню и понял, что это снова что-то под прикрытием темноты вытворяют бурдаланы, – сказал Ардалион Громов. – И не ошибся. С собой я взял воздушное пневматическое шумовое ружье. Оно совершенно безопасно, но вид имеет внушительный и стреляет громко.

В этом половина Города сама убедилась той ночью, когда Александр и хозяин таверны заставили бурдаланов бежать обратно в Низину.

Бурдаланы похитили у Александра несколько вещей, которые могли пригодиться разве что в горах – для Города они слишком теплые.

Все это наводит на мысль, что Александр имеет какое-то отношение к эйо.

Сам же он сказал нашему корреспонденту, что он не из верхних, однако обмолвился, что прежде жил за городом.

Дабы больше не испытывать судьбу и не привлекать к себе лишнего, по-видимому, совершенно не нужного ему внимания Александр переселился из перголы в таверну, где чувствует себя вполне комфортно. Из неофициальных источников нам стало известно, что Александр в ближайшее время может отправиться в горы на новом велосипеде.

Останется ли он там насовсем или вернется в Город?.. Мы продолжаем следить за развитием событий.

В связи с недавними происшествиями, показывающими, что поведение бурдаланов становится все более разнузданным, мы хотели бы напомнить о нашей недавней инициативе, внесенной на равноправном собрании горожан – о расширении ведомства смотрительства за порядком.

– Вы, правда, собираетесь к эйо? – спросила девочка.

По всей видимости, этот вопрос интересовал ее еще больше, чем то, действительно ли он пришелец из какого-то другого мира. Ведь последнее, она уже решила, выдумки журналистов, раздутая из ничего сенсация.

– Не знаю, – ответил Александр. – Пока что у меня нет даже велосипеда, чтобы отправиться туда.

- Почему? – удивилась девочка.

- Потому что он стоит два таланта, а у меня всего один.

- Но у вас же появилась собака...

- И что? – удивился Александр. – У меня нет таланта дрессировать.

- Есть собака, значит, будут и талант, и велосипед, – уверенно сказала девочка. – Приходите завтра к цирку ровно в шесть. Только вместе с собакой... До свидания. Мне пора домой.

Загадочно улыбнувшись, девочка скрылась со своим питомцами за черемухами.

Александр больше не боялся, что у него закончатся таблетки, ведь хотя бы один талант у него все-таки есть, и с этим талантом вполне можно жить в этом городе.

7

В шесть часов на площади фонтанов возле цирка собралось много детей и немного меньше взрослых. Каждый пришел с собакой.

- Сегодня мы будем учиться делать «домик», и мопсы у нас не исключение, – провозгласила девушка в зеленом.

Собственно говоря, мопс на площадке был всего один, видимо, успевший отметиться ленью, упрямством или непокорностью.

Лениво растопырив лапы, он неохотно поставил их на ноги хозяину под радостные аплодисменты собачников.

Мопс снисходительно вильнул пару раз хвостиком.

Александр перевел взгляд с него на незнакомку в зеленом платье и чуть смущенно улыбнулся. Она тоже посмотрела на него, и на щеках ее появились ямочки.

Если бы девушка в зеленом участвовала в кастинге на роль дочери вождя великого племени, у нее были бы все шансы сыграть ее, так гармонично и артистично она держалась в окружении собак всех пород. Так уверенно и с чувством собственного достоинства.

Взгляд чуть раскосых светло-синих глаз заставлял душу звучать иначе, чем всегда. Как будто в руках у незнакомки был камертон.

- Лежал бы себе мопс бесцельно на диване. А так – посмотрите, он делает «домик», – обратилась ко всем сразу. Александру показалось, еще и отдельно к нему, незнакомка. – Но «домик» – это для продолжающих. А начинающие как всегда начнут с азов, и в этом им поможет Диана.

Девушка выжидающе посмотрела на девочку с четырьмя пуделями.

– Гайя – моя наставница, – гордо сообщила Александру Диана. – через три дня я буду выступать вместе с ней на арене цирка. Но, мне кажется, Розаночка, Беляночка, Киви и Апельсинка так и не научились до сих пор различать цвета, а просто ловит мячик та из них, на кого я смотрю, потому что если я смотрю в корзину или в сторону, вообще начинается путаница.

- Зрителю это не важно, – поспешил успокоить Александр.

- Вы думаете?

- Конечно! Зрителю нужен праздник... Шоу, сказка... Никто на самом деле не хочет знать, в чем секрет.

- А вы теперь знаете... – расстроилась маленькая дрессировщица. – Эх, зря я вам рассказала!

- Не волнуйся, – успокоил Александр. – За несколько дней я все забуду.

- Но не забудешь прийти на представление?
- Конечно же, нет. Об этом я, точно, не забуду.
- Она... тоже придет? – посмотрела девочка на собаку. – Милашка... Как ее зовут?
- Пусть так и будет – Милашка! Мы придем на представление вдвоем.
- Отлично! А теперь, Милашка, дай-ка мне лапу! Смотри, она уже умеет... - Собака протянула девочке лапу. - Хорошо. Значит, научим ее чему-нибудь другому. Вот смотрите, – учила Александра девочка с пуделями. – Если я легонько хлопну себя по колену, Киви заберется ко мне на руки.

Время от времени Александр поглядывал на девушку в зеленом.

Есть люди как магниты, притягивают взгляды. И не хочешь, но смотришь на них.

Никто до сих пор не дал вразумительного ответа, в чем тут дело.

В харизме, особой грации, яркой личности?..

В дочери вождя все это присутствовало, но больше всего вызывала любопытство исходящая от незнакомки мощная, почти осязаемая волна жизнерадостности. Она не просто чувствовала вкус жизни, но смаковала ее, наслаждалась каждым мгновением. Каждое движение девушки говорило об этом – то, как она поправляет волосы, как гладит собак, как разговаривает с детьми.

Такие люди все делают особенно, и этим тоже вызывают любопытство.

С каким-то смешанным чувством восхищения и удивления Александр думал, что же вызывает у девушки такую радость?

Неужели этот мир, и вправду, так прекрасен? И внутренний голос отзывался радостным «да» в ответ.

Александр думал, как бы изящнее завязать разговор с дочерью вождя, но неожиданно на помощь пришла Диана.

- Гайя! – позвала она наставницу. – Знаешь, кто это? Тот самый Александр. О нем написала «Газета!».

- Да, да, я читала, – улыбнулась девушка и обратилась к Александру. – Вы ведь музыкант. Так?

- По вечерам я играю в таверне Ардалиона. Приходите, когда пожелаете.

- А вы приходите к нам вечером в цирк на «Тяв-тяв-шоу», – пригласила девушка.

8

Милашка оказалась довольно способной, к тому же знала уже несколько команд, так что Александр решил сразу перейти от азов к Гайе.

Мы покажем этому мопсу, у кого самый лучший «домик» в Городе! – науськивал он питомицу.

Гайя смеялась.

Александр, как и горожане, теперь уже не слишком спешил куда бы то ни было, даже в горы, и все же был рад, когда Милашка поставила лапы ему на ботинки, изображая крышу домика, и в тот же день отправился за велосипедом вместе с питомицей.

Мы вернулись, – сказал Александр продавцу.

- И правильно сделали, – улыбнулась она, узнав его. – Я читала о вас в «Газете», но скидку все равно не ждите. Два таланта для всех, без исключений.

- Моя собака умеет подавать лапу и делать «домик». И это помимо моей игры по вечерам в таверне на рояле. Этого хватит на горный велосипед?

- Определенно, – ответила продавец. – Велосипед – отличное вложение. Ведь, научившись хорошо на нем кататься, вы обретете еще один талант.

- Спасибо, я неплохо катаюсь на нем, – в доказательство своих способностей Александр уселся на седло и, приподняв переднее колесо, проехал на одном, на заднем.

В детстве он обожал велосипеды.

Александр немедленно бы отправился в горы, но он не забыл: сегодня вечером представление у Дианы и ее прекрасной наставницы, и они с Милашкой обещали на нем побывать.

9

В кассе цирка Александр гордо предложил на выбор продавцу любой из трех своих талантов:

- Я могу играть на рояле, дрессировать собак и ставить на дыбы велосипед.

- Отличные умения и все три нам очень нужны. Особенно игра на рояле. Наша администратор как раз искала музыканта и дрессировщика в одном лице. Возьмите билет для вас и вашей прелестной собачки. Я читала о ней в сегодняшней прессе. Скажите, хозяйка еще не нашлась?

Александр помотал головой.

– Ничего, вы прекрасно поладили...

10

Еще немного, и Александру не досталось бы билета. Место в восьмом ряду, кажется, было последним оставшимся свободным на это представление, как будто специально для него.

Верный знак, что ему нужно быть в этот вечер в цирке.

«Тяв-тяв-шоу» пользовалось у горожан неизменным успехом, хоть и шло оно уже давно, но артисты постоянно обновляли программу.

Город на арене был похож на тот, в который попал Александр, только в миниатюре. Среди маленьких разноцветных домиков ходили, прыгали, танцевали собаки.

Последними в маленький город вошли четыре разноцветных пуделя во главе со своей маленькой хозяйкой. Каждая собака держала в лапах по небольшому флюгеру в форме кошки.

В заключение все пудели по очереди сделали «домики».

- В нашем городе построили черыре новых ярких дома! – провозгласила Гайя.

На этом шоу закончилось.

На выходе у стеклянных дверей Александра с Милашкой догнала Диана.

Тот самый, редкий случай, когда девочку не сопровождали ее разноцветные любимцы.

- Александр! – окликнула она музыканта. – Наша администратор хотела бы поговорить в вами. Вы стали настоящей знаменитостью. Я выписала «Газету», чтобы не пропустить новые новости о вас. Ведь журналисты обещают продолжение.

- Продолжение? – засмеялся Александр, который вовсе не планировал становиться постоянным героем хроник.

– Статья называется «Пришелец Александр обзавелся чужой собакой», – поставила девочка в известность.

- Ох уж эти журналисты! – вздохнул Александр.

- Вот, слушайте, – выдержав, как полагается в таких случаях интригующую паузу, начала Диана. – Не успели утихнуть слухи о появлении в Городе пришельца по имени Александр и нападении на него бурдаланов, как горожане передают из уст в уста другую новость.

Новый герой хроник обзавелся собакой породы болонка.

Горожане видели его выходящим с питомцем из леса.

В тот же день Александр сам позвонил в редакцию и сообщил, что нашел собаку и что ему доподлинно известно: у нее есть хозяйка.

Как мы выяснили, это преподаватель консерватории – Майя Карповна Зеленцова.

Несколько дней ни сотрудники, ни соседи не видели ее с тех самых пор, как в черемуховом лесу появился пришелец.

Обычно исчезновение горожанина означает, что он подался в бурдаланы или возвысился до эйо.

Однако, очевидно, здесь мы имеем дело с необычным случаем. Смотрительство за порядком пока воздерживается от комментариев.

Если кто-то видел в последние несколько дней эту женщину, просьба сказать ей, что ее разыскивает ее собака, и позвонить нам в редакцию.

Мы продолжаем следить за развитием событий.

Подписывайтесь на «Газету»!

11

Администратором оказалась хрупкая особа лет двадцати пяти – пятидесяти пяти с пучком на затылке, украшенном стразами, в расклешенном платье из широких ярких полос.

Выражение ее лица и походка были начальственны, не допускали малейшего к себе неуважения.

- Здравствуйте! – протянула она руку для рукопожатия. – Я Лали Илларионовна. Последние несколько дней весь Город говорит о вас, так что скоро вы наверняка получите много самых разных предложений, если уже не начали их получать. Поэтому мы хотели бы опередить всех. Наша задумка не только интересна, но и важна для всего нашего мира.

Диана одобрительно закивала, весело переглядываясь с Гайей.

- Что же вы хотели мне предложить? – спросил Александр.

- Научить наших собачек... – администратор слегка замялась, что шло несколько вразрез с ее обликом, и быстро закончила, – играть на рояле! Мы попыталась научить их сами, но... – она развела руками, – видно, это под силу только дрессировщику и музыканту в одном лице.

- Ну... дрессировщик я так себе... Хорошо, еще Милашка уже знала кое-какие команды... А чтобы научить собак играть на рояле... я вовсе не представляю, как это сделать.

- Ничего, у нас отличные дрессировщицы. Вашими помощницами будут Гайя и Диана.

Гайя благосклонно улыбнулась и кивнула, а Диана даже подпрыгнула от радости.

- Хорошо, – сдался Александр. – Допустим, все вместе мы научим собак играть на рояле. Но как это сделает лучше ваш мир?

- Понимаете... Уже давно мы думаем над тем, как помочь бурдаланам. Мы общались с теми из них, которые стали горожанами, и пришли к выводу, что ничто не облагораживает бурдаланов так, как музыка. Но в своем нынешнем состоянии бурдаланы не способны воспринимать мелодии, состоящие более, чем из двух нот.

- А, может, вы просто недооцениваете бурдаланов? – предположил Александр.

- К сожалению, нет, – убежденно помотала головой администратор. – Я не первый год возглавляю общество спасения бурдаланов от самих себя и знаю,

о чем говорю. Их слух испортили консервные банки. Вместо эволюции в их социуме происходит регресс.

- Но, может, им нравится такая жизнь? Разве можно спасти насильно? Кто мы такие в конце концов, чтобы принимать такие решения? – возразил Александр.

- Мы никого не спасаем насильно, – соскользнула с высокого вращающегося стула Гайя. – Но мы можем показать бурдаланам красоту музыки, красоту искусства. Собаки расширяют их кругозор сначала до трех нот, потом до пяти, а потом им откроется вся радуга звуков. Разве это вас не вдохновляет?

- Не очень, – признался музыкант. – Я так понял, у вас в Городе вообще много разных талантов и, наверняка, полно музыкантов и уж тем более дрессировщиков. Почти у каждого есть собака, и каждый не прочь обзавестись лишним талантом.

- Но нужны именно вы, – дрогнул голос Дианы. – О вас написали в «Газете», а бурдаланы обожают тех, о ком пишет «Газета». Вы для них теперь пример. Их кумир. Они захотят быть такими же, как вы!

– Какой-то бред, – помотал головой Александр, но побоялся, что девочка заплачет, и бодро, даже весело добавил. – Хорошо. Я подумаю над вашим предложением и, возможно, приму его, хотя, не скрою, оно и кажется мне странным. Не понимаю, если бурдаланы такие необразованные, не способны воспринимать музыку, как они читают газету?

- Здесь все намного сложнее, – попыталась было объяснить администратор, но Александр продолжал:

- Ладно, дело даже не в этом. Потом разберемся. Но сейчас мне нужно ехать в горы по очень важному делу.

Администратор посмотрела на Александра с уважением.

- Я могла бы, – неожиданно предложила Гайя, – составить вам компанию. Я тоже как раз собиралась в горы по одному важному делу.

Лали Илларионовна удивленно посмотрела на Гайю.

- А почему бы и нет? – ответила та на незаданный вопрос. – У меня теперь есть помощница, ведь правда, Диана? И, я уже вижу, она вполне справится без меня.

Администратор покачала головой, а Диана довольно улыбнулась.

- Мне нужно передать кое-что очень важное Амброзию, – сказала Гайя. – Он очень меня просил.

Громко вздохнув, администраторша сдалась.

Небо то розовело, то погружалось в мерцающую темноту, чтобы снова ненадолго расцвести и стать затем ровным, ярко-синим.

Александр с удивлением заметил, что по дороге из Города в Горы им с Гайей не встретилось ни одного бурдалана.

- Ничего удивительного, – сказала на это Гайя. – Они живут по другую сторону Города.

Дорогу путникам теперь то и дело перебегали стада оленей.

- Это олени Хлои, – сказала Гайя. – Она подкармливает их.

Дом Хлои, стоявший как раз посередине пути от Города к Горам и обратно, напоминал харчевню, но более гостеприимный ночлег трудно себе представить. Сама же Хлоя, женщина, похожая на птицу, с огромными глазами и длинным острым носом, кормила на крыльце оленей.

В доме Хлои пахло травами, сдобой, чистотой и уютом.

Александр невольно порадовался, что теперь у него есть два таланта заплатить за гостеприимство и сказал об этом Гайе, но она только рассмеялась.

- Здесь уже ничего нельзя купить за таланты, они здесь не особенно в цене. Совсем не то, что добродетели.

- А у меня есть хоть одна? – с надеждой спросил Александр, не вполне понимая, что в этом странном мире считается добродетелями и как ими распоряжаться.

- Конечно, Александр, есть и не одна! – ободрила Гайя. – Я вижу в тебе много добродетелей! Но это не валюта, как таланты. Сейчас ты сам все увидишь...

В дорогу Хлоя дала путникам горного меда.

- И не забудьте вот это! – протянула Александру большой, но легкий рюкзак.

В нем оказалась теплая одежда.

Хлоя дает ее всем путникам, поэтому из Города все едут в Горы налегке. И обратно тоже. А Хлоя собирает рюкзак другим.

13

Видимо, Гайя была в горах у эйо не впервые – она чувствовала себя здесь уверенно, как горная козочка, и все же раз едва не сорвалась с отвеса, но Александр подхватил ее.

- Администраторше не нравятся мои поездки в Горы, – сказала Гайя. – Наверное, она боится, как бы я не осталась однажды с эйо...

- Но, кажется, здесь все только об этом и мечтают.

- Только не наша администратор. Ведь если я останусь в Горах, кто тогда будет заниматься «Тяв-тяв-шоу»?

- Вы часто бываете в Горах?
- Стараюсь не упустить любую возможность. Если бы люди чаще бывали в Горах, все давно бы стали эйо.
- И бурдаланы?
- Конечно, но, они, к сожалению, не могут бывать в Горах.
- Почему?
- Лучше об этом расскажет эйо Амброзий. Он был когда-то бурдаланом. Можем заехать к нему вместе, если, конечно, ваше дело в Горах не слишком срочное. Я как раз направляюсь к нему...
- Я с удовольствием заеду с тобой к эйо Амброзию. Я, признаться, хотел его увидеть. Мне рассказывал о нем Ардалион. Может быть, он поможет и мне с моим делом заодно.
- Вот и прекрасно, – улыбнулась Гайя.
- Такой пример перед глазами как бывший бурдалан, ставший эйо – средство вернее собачек, играющих на рояле...
- Кто знает, – пожала плечами Гайя.

На одной из двух огромных скал, напоминающих всегда распахнутые ворота, было высечено изображение улитки. На другой красовалась надпись: «Улитка обгоняет ветер».

- Какое странное изречение, – сказал Александр.
- Что тебя удивляет?
- То, что и в Городе у вас никто никуда не спешит, а здесь вообще в почете улитки. Но что-то мне кажется, скорее мы обгоним ветер на велосипеде, чем медлительные улитки... Может, проверим?

Александр помчался вперед по горной тропинке.

- Тише, тише, – догнала его Гайя. – Мы так прослышем за бурдаланов. Представляешь, бурдаланы в горах? – Гайя даже рассмеялась, представив такую картину. – Вот они постоянно куда-то спешат. А здесь мы можем вспугнуть Горное Эхо.
- Ну и что? Мне нравится эхо! – отозвался Александр и громко повторил. – Мне нравится эхо!

И прокричал «Э-ге-гей!»

- Ты что? – зажала руками уши Гайя. – Нет, ты, правда, самый настоящий бурдалан!
 - Ты, правда, самый настоящий бурдалан! – повторило Эхо и рассмеялось.
- С гор посыпались камни.
- Вот, что я говорила! – прошептала Гайя.

- Может, проверим? – загромыхало снова Эхо, и камни посыпались с гор с удвоенной силой.

- Ну хватит, Эхо! Перестань! – прикрикнул, ерничая, Александр, как будто Эхо могло услышать его.

- Не перестану! – ответило Эхо, осыпая горы.

- Оно, что, разговаривает со мной? – повернулся к Гайе Александр.

Вздыхнув, она ответила:

- Эхо очень болтливо.

- Оно что, все понимает? – перешел на полусшепот Александр.

- Оно все понимает, все-все понимает, – громогласно и насмешливо ответило Эхо.

- Впервые слышу такое эхо! – огляделся по сторонам Александр. – Может, я еще и увижу его?

- Не увидишь. Оно невидимое, – Гайя старалась говорить шепотом, но эхо все равно ее слышало.

- Я невидимое, – подтвердило Эхо. – Но слышно меня повсюду!

- Это точно, – наморщила лоб Гайя. – Слышно и в Городе, и даже немного у бурдаланов. К счастью, Эхо почти все время спит, иначе мудрецам не было бы от него покоя ни днем, ни ночью. Но спит оно довольно чутко.

- Да, у меня довольно чуткий слух, – подтвердило Эхо.

- Но зачем же эти мудрецы эйо поселились в тех местах, где обитает такое шумное эхо?

- Ты очень любознательный, Александр. Легко быть мудрецом, если тебя никто не отвлекает, не мешает размышлять. Но если рядом такое шумное эхо, становишься терпимее, спокойнее, учишься жить незаметно и тихо...

- Ты слишком любопытный, Александр, – снова вклинилось Эхо в разговор, и камни полетели со всех сторон.

- Предлагаю помолчать, – прошептала Гайя, – пока Эхо опять не уснет, иначе нас попросту завалит камнями. И нас, и всех эйо, а потом и Город, и Низину.

Александр молча кивнул и сел на большой камень.

Гайя опустилась рядом на другой.

- Что же вы вдруг замолчали? – не успокаивалось Эхо. – Я только настроилось поболтать. Давненько со мной никто не разговаривал, разве что одни бурдаланы, но они так быстро убегают отсюда. А вы, так понимаю, здесь ненадолго? Ведь так, Александр? А как зовут твою подружку? Если я не ошибаюсь, а я не ошибаюсь никогда, это Гайя, и она здесь не в первый раз? Конечно! Она приходит к старине Амброзию. А почему ты раньше отпускал ее в горы одну, Александр? А вдруг она бы сломала ногу, или

камень упал бы ей на голову? Кстати, а зачем ты приходишь к Амброзию, Гайя? Кто твой дружок, я что-то не понимаю, Амброзий или Александр?

- Замолчи! – закричала Гайя, вскочив с камня, взяла с земли камень поменьше и бросила его в пустоту.

- Ладно, ладно, молчу, – неожиданно примирительно согласилось Эхо. – Не надо так нервничать... Я только хотело узнать... Я же очень любопытное Горное Эхо. Почти такое же любопытное, как Александр. Нет, это все-таки Александр, а не Амброзий твой дружок. Амброзий слишком умен, чтобы... Положи этот камень на место. Здесь только мне позволено бросаться камнями... Вы оба ведете себя как бурдаланы. Особенно ты, Александр. И этот камень тоже положи на место. Здесь должны быть тишина и порядок. Ты слышишь, тишина и порядок. Хотя, согласитесь, ребята, повеселились мы неплохо. Ведь так, Александр? С этими эйо такая скукота, что можно уснуть...

Эхо снова зевнуло. Гайя заговорщицки прижала палец к губам и осторожно на цыпочках сделала шаг к своему велосипеду, несколько побитому камнями.

Александр последовал ее примеру.

14

Дальше ехали молча – Гайя сосредоточенно о чем-то размышляя, а Александр – время от времени оглядываясь по сторонам: неизвестно, какие еще незнакомые ему явления природы вроде говорящего эхо таят эти горы.

Кажется, все эйо попрятались от пробудившейся болтливой стихии.

По совсем не короткой дороге к Амброзию путникам встретился на улице только один житель гор, который, кажется, даже не заметил, как только что разгневалось Эхо – уж слишком он был занят своей работой.

Эйо ваял улитку. Огромную улитку – символ Гор.

Глядя на него, Александр вдруг понял смысл изречения «Улитка обгоняет ветер».

Впрочем, ветер в этот день и сам, явно, никуда не спешил, не собираясь соревноваться с улитками. Он почти был готов превратиться в безветрие – лениво перебирал листочки на деревьях, поглаживал, как шерстку гигантского зеленого животного, нежную траву, доносил тонкие и чистые ароматы цветения и лениво подхватывал появляющиеся не известно откуда переливающиеся на солнце шары.

Чем выше поднимались Александр и Гайя, тем холоднее становилось.

Спасибо Хлое, связанные ее руками шарфы, шапки и свитера оказались по-настоящему теплыми.

Зелень постепенно сошла на нет, уступив дорогу снегам.

Их белизна успокаивала Александра, возвращала его в мыслях к тому февральскому дню, когда жизнь шла своим чередом, хоть и не всегда так, как хотелось бы музыканту.

Велосипеды здесь были уже ни к чему, и путники оставили их в одной из пещер, еще только ожидавшей своего эйо.

Александру хотелось спросить Гайю, куда она его ведет, но он побоялся снова потревожить говорящее эхо и продолжал молча следовать за девушкой. Наверняка, она знала дорогу, иначе не шла бы вперед так уверенно.

Гайя вдруг замедлила шаг и подняла голову к небу.

Над ними медленно кружили разноцветные шары из тончайшего льда.

Гайя поймала один из них и протянула Александру.

Он позволил неизвестному летающему объекту опуститься к нему на перчатку и легонько подтолкнул его обратно ввысь.

Гайя хихикнула, но, спохватилась, зажав себе рот рукой, и зашагала быстрее по серпантинной дорожке, уводящей в ледяную высь.

На вершине горы восседал мудрец и, не обращая внимания на подошедших Гайю и Александра, равно как и ваятель улитки, продолжал заниматься своим делом.

Эйо подносил к губам колечко на палочке, медленно дул в него, и в воздухе появлялись радужные шары.

Проще говоря, мудрец пускал мыльные пузыри, и они застывали в воздухе на морозце, превращаясь в те самые летающие объекты, которые Александр принял за НЛО.

Все оказалось намного проще, чем представлялось Александру, и это даже несколько разочаровало его.

Теперь понятно, что так рассмешило Гайю.

Занятие мудреца, между тем, кажется, ничуть не удивляло ее, и, примостившись рядом с эйо, она терпеливо ждала, когда же он, наконец, заметит, что не один на вершине горы.

От нечего делать Александр стал считать, сколько раз мудрец опустит наконечник в мыльный раствор, и сколько радужных шаров засверкает на солнце.

Первое число дошло до двадцати, а второе разлетелось из-под контроля волшебными шарами во все стороны и не хотело считаться с чьими-то желаниями, кроме желания эйо, чтобы легкие шары наполнили горный воздух.

И Гайя... Гайя была на стороне мудреца и вовсе не на стороне Александра.

Казалось, столь однообразное занятие эйо увлекло ее так же, как и его самого.

В какой-то момент, когда в воздухе появился особенно крупный шар, Гайя повернулась к Александру, и ее счастливые глаза говорили: я знаю ответ.

Правда, на какой вопрос, знала сама только Гайя.

Мудрец же опустил в тридцать первый раз кольцо в пузырек, медленно дунул в него и, к ликованию Александра, не увидев в воздухе новых сфер, повернулся наконец к ним с Гайей лицом и так и засиял от радости.

Так и не сказав ни слова, он наклоном головы поприветствовал гостей и махнул рукой, приглашая следовать за ним.

Дом эйо оказался пещерой с деревянной дверью.

Амброзий все так же молча распахнул ее, пропуская гостей вперед.

На соломенном топчане умывался пушистый белый кот.

– Эйо обожают кошек, – сказала Гайя, когда дверь плотно закрылась. – А кошки – эйо, а, скорее, Горы. Здесь много птиц и нет собак, а молоко горных коз очень вкусное.

– Сейчас вы убедитесь в этом сами, – Амвросий снял с полки глиняный кувшин и чашки, тоже из глины, для гостей.

Налил им молока с ароматом горных трав.

Вкус у напитка был отменным.

– Гайя! – обратился Амброзий к гостье. – Ты принесла мне, что обещала?

– Конечно! – обрадовала мудреца гостья. – Затем и пришла.

Довольная, Гайя открыла рюкзак и извлекла из него флакон мыльных пузырей, потом еще такой же и еще, заставив стол в небольшом помещении, служившим, по-видимому, и прихожей, и гостиной, и кухней, и спальней.

– Спасибо, Гайя! – ликовал мудрец.

Александр тщетно пытался скрыть изумление.

Амброзий понял причину его замешательства и засмеялся:

– Не ожидали, что здесь, в Горах, так любят мыльные пузыри? – чуть прищурившись, посмотрел на Александра.

– Не то, чтобы... – засмутился гость. – Просто... я думал, у Гайи здесь какое-то важное дело.

– Что может быть важнее мыльных пузырей? – разошлись мягкие лучики от уголков глаз мудреца. – Мыльные пузыри – это, можно сказать, наша основная валюта, после добродетелей, разумеется. Но за добродетели ничего не купишь, ими можно только делиться и одаривать.

По выражению лица эйо Александр никак не мог понять, когда он шутит, а когда говорит серьезно.

– Что это за добродетели? – спросил Александр.

– Их девять, – ответил мудрец. – Великодушие, любознательность, смелость, жизнелюбие, доброжелательность и любовь ко всему живому, самообладание, щедрость, рассудительность и скромность. Последнее особенно труднодостижимо, при имеющихся-то девяти добродетелях, – хихикнул мудрец. – Поэтому особенно ценно. К этой добродетели отчаянно стремятся все эйо, и достичь ее как раз и помогают мыльные пузыри.

– Только эйо дозволяется их пускать?

– Почему? – улыбнулась Гайя. – Ни в Городе, ни в Низине не запрещено пускать мыльные пузыри.

– Но я не видел ни одного горожанина за этим занятием, – удивился Александр.

– Горожане считают его бессмысленным, – покачала головой Гайя. – Сам посудите, для того, чтобы обмакнуть палочку с колечком в мыльный раствор и подуть, особых умений не нужно – на этом не заработаешь ни таланта. А скромность у горожан не то чтобы очень в цене, хотя при этом остальные девять добродетелей вызывают у всех восхищение, а бурдаланы – те и вовсе признают лишь одну добродетель – это смелость. И они попросту никогда не видели мыльных пузырей, потому что никто из них никогда не был так высоко в горах.

– У меня сейчас такое ощущение, что я нахожусь в своем привычном мире, но вывернутом наизнанку, – вздохнул Александр.

– Я первый, кто вскарабкался сюда, – хихикнул эйо, – и мне понадобится еще о-о-очень много мыльных пузырей и, разумеется, помощь Гайи, потому что у меня и с другими-то добродетелями, за исключением любознательности, дела обстоят неважно, а уж о скромности – только мечтать.

Мудрец погрузился и вздохнул:

– Любознательность и привела меня сюда, иначе сидеть бы мне в Низине, как бедным моим сородичам, но метанойю я пережил еще раньше, в Городе...

– Метанойю? – переспросил Александр.

– Да. Родился заново. Спасибо доктору... Я не раз рассказывал эту историю Гайе и готов повторить ее снова, так что если хотите...

- Конечно! – вскричал Александр.

- Как вы уже поняли, – начал издали Амброзий, – бурдаланы не любят мыльные пузыри потому что никогда их не видели. Они любят желтый металл и камни – тоже разноцветные и тяжелые.

Бурдаланы проделывают в своем теле столько дырок, сколько возможно, чтобы в каждую из них повесить побольше желтого металла и камней. Из-за этой тяжести уши у них так сильно оттягиваются вниз, что становятся похожими на уши сенбернаров.

К грудям женщины бурдаланов тоже привязывают камни, и чем больше вытягивается грудь, чем красивее считается женщина.

Ягодицы бурдаланши также стараются сделать как можно больше, а губы увеличить настолько, чтобы они не уступали в размере и повторяли форму ягодиц. Чтобы достичь такого эффекта в ход идут самые разные средства от укусов насекомых, которых содержат в домах в банках, до ношения оттягивающих камней из желтого металла.

Бурдаланы любят украшать свою одежду множеством перьев и носят жилетки из меха.

В отличие от истинных эйо, бурдаланы любят попадать на обложку «Газеты», хоть никогда ее не читают, а только украшают вырезками из нее свои пещеры. Тех, у кого таких вырезок больше, бурдаланы называют баловнями звезд и во всем равняются на них.

А больше всего фотографий из «Газеты», насколько мне известно, сейчас у Рэка по прозвищу Верзила, но теперь, я слышал, он называет себя Бурдалан в Пальто Александра. Под его предводительством совершаются самые дерзкие вылазки в Город.

Рэк слишком безрассудный даже для бурдаланов и очень любопытный при этом. Поговаривают, он отважился даже уходить в неизвестность, за Долину Предков, откуда каждый раз возвращался с весьма озадаченным видом и ничего никому не рассказывал.

Бурдаланы держат дома крыс и ненавидят кошек. Впрочем, собак они тоже не любят и шьют из них меховые жилетки.

Особым шиком у бурдаланов считается манто из кошки любой породы, но похвастаться таким пока никто не может. От горного воздуха у них начинает сильно кружиться голова. Поэтому бурдаланши перекрашивают шкуры собак и выдают их за леопардов, и каждая при этом прекрасно понимает, что это ложь.

Бурдаланы вообще постоянно лгут себе. Когда-то я был одним из них.

- Так значит, вы и есть тот самый...

- Тот самый? – засмеялся бывший бурдалан. – Неужели обо мне уже слагают в народе легенды? Ведь так недолго и зазнаться, а это самое страшное для эйо. Зазнавшийся эйо мигом превращается в бурдалана, и поскольку от чистого воздуха его начинает мутить, он мчится в смрадную Низину.

- Мне жалко этих бурдаланов, – вздохнул Александр. – Неужели им самим нравится такая жизнь?

- Они не знают другой, – покачал головой эйо.

- А почему вы решили измениться?

- Это случилось в ту ночь, когда бурдаланы в первый раз пытались похитить стрелки часов с главной Башни.

- Но зачем бурдаланам стрелки часов?

- Ха! Они из золота высочайшей пробы и инкрустированы бриллиантами, чтобы их лучше было видно в любое время суток. Так рассуждали, создавая их, горожане, но у бурдаланов своя философия. Стрелки часов для них символ власти над временем, символ могущества и превосходства.

Конечно, часы высоко от земли, но если дело касается желтого металла и камней и возможности показать горожанам, кто самый ловкий и смелый, бурдаланы весьма смекалисты.

Взобравшись друг другу на плечи, мы выстроились в живую пирамиду, на вершине которой был я.

Я почти дотянулся до минутной стрелки, когда Часовщик увидел нас и стал в окно звать на помощь горожан.

В общем, наша пирамида рассыпалась, сообщники мои разбежались, а я остался лежать на асфальте.

Я сильно ударился головой, в ушах у меня звенело.

Меня обступила толпа.

Горожане шептались: «Бурдаланы хотели украсть стрелки часов», «Так ему и надо», «Поделом», «Зло должно быть наказано» и все в том же духе.

И вдруг я услышал чистый звучный голос:

- Расступитесь. Я врач.

Толпа послушно пропустила его.

Он осторожно осмотрел и ощупал меня и сказал:

- У него сотрясение мозга и множественные переломы. Помогите мне перенести его в мой дом.

- Может, лучше в больницу? – посоветовал кто-то. – Он ужасно вонюч.

- Совершенно естественный запах для бурдалана, – возразил мой врач.

- Несколько сильных горожан пусть и не слишком охотно, но все же помогли ему перенести меня в дом.

О, это был прекрасный дом с садом недалеко от Башни. Так что двадцать четыре раза в день я слышал бой часов на ней, и с каждым разом мне становилось все стыднее и стыднее за то, что я пытался украсть с них стрелки.

Мой врач очень богатый человек – у него много самых разных талантов – лечить людей, выращивать деревья, понимать животных, вальсировать, смешно рассказывать анекдоты, сочинять стихи и рассказы, составлять букеты, изысканно стричь газоны и превращать клумбы в маленькие цветущие миры. А еще он восхитительно играл на скрипке вечерами.

В первый день мне хотелось убежать, но тело не слушалось меня.

Бурдаланы ненавидят музыку. Не всю, конечно. Нам нравится, когда ритмично стучат по пустой консервной банке, напевая что-то вроде «Будь со мной в эту ночь,

я рожу тебе дочь»

или

«Надену шкуру леопарда
и больше ничего не надо».

Это мы зовем поэзией и музыкой.

Совсем иную музыку играл мой врач. От него я узнал, как звучат Маклиани, Соловьев-Ветров, Скрипичный. Особенно поразили меня «Времена года» Маклиани.

Сначала я страшно удивился. Какие могут быть времена года? Есть только вечная весна. Композитор сумасшедший или просто глуп!

Но глуп и безумен был я, и музыка открыла мне это постепенно.

Я увидел в звуках «Лета» пышность цветения, в «Осени» – торжественность и яркость увядания, а в «Зиме» – блистательный покой и мудрость.

– Но как же так? – недоумевал я, внезапно открыв внутри себя новые миры, которые оказались настолько больше моего сознания, что оно могло вот-вот рассыпаться на части.

Потом я отважился на совершенно тогда для меня невероятное – я попросил своего врача научить меня играть на скрипке. И он согласился.

Оказалось, это больно, играть на скрипке, и морально, и даже физически. Первое время мои руки были все время в крови, как после охоты на птиц. И все же горожанам научиться играть на скрипке еще сложнее, чем нам. Пальцы у бурдаланов короткие, с толстой кожей. Такие руки созданы для того, чтобы будить струны смычком. Жалко только, мои сородичи не осознали этого до сих пор.

Но вы видите, на что способна скрипка. Все бурдаланы могут стать однажды эйо, только как их заставить слушать скрипку?..

По-видимому, вопрос этот волновал Амброзия с тех пор, как он сам переселился в горы.

- Музыка и доброта творят чудеса с бурдаланами, – сказал убежденно эйо.

- А этот врач стал эйо? – спросил Александр.

– Нет, – помотал головой Амброзий. – Он мог бы им стать, но считает, что пока нужнее в Городе. Вдруг когда-то какой-то бурдалан снова свалится с вершины пирамиды – они ведь постоянно пытаются украсть с Башни стрелки часов... К тому же, у него есть одна слабость, которую нужно победить прежде, чем стать эйо... У каждого из нас есть какие-то слабости, и они-то и

делают нас сильнее, ведь их приходится преодолевать. Мой врач обожал кофе, не мог обходиться без него, а эйо пьют чай и молоко.

- А вы решили остаться в Городе?

– Оклемавшись, я переехал в таверну. Теперь у меня были талант и скрипка – подарок моего врача – и я мог заплатить за ночлег и еду.

Я хотел поделиться своим знанием с моими сородичами, но они встретили меня с булыжниками и палками и криками:

«Вон отсюда, паршивый предатель!».

Мне и самому не особенно хотелось задерживаться в Низине, где стояла такая вонь, что оставалось только удивляться, как я раньше ее не замечал. Я мог бы обосноваться в Городе. Общественная организация спасения бурдаланов от самих себя, заметив и оценив мои усилия, предложила мне первое время помогать в цирке с уборкой за еду и жильем, но далеко не все предложения, кажущиеся заманчивыми, стоит принимать. Хотя только спустя какое-то время станет понятно, что решение правильное, а пока стоит доверять своей интуиции, – изрек эйо.

- Вы не подскажете, случайно, где отыскать в горах Часовщика? – помолчав, спросил Александр.

– Значит, это и есть твое важное дело? – догадалась Гайя.

Александр кивнул.

– Если так, ты зря приехал в горы, – с сожалением покачала головой Гайя. – Потому что Часовщик сейчас в Низине, а, может, даже дальше.

– Дальше, чем Низина? Разве есть еще в вашем мире что-то еще кроме Низины, Гор и Города?

– Конечно, – ответила Гайя. – С одной стороны Город полукругом окружают Горы, с другой стороны – Низина, а вокруг – Долина Предков – уходя, они становятся там землей и небом...

– А там, где кончается Долина Предков?.. – спросил Александр.

– Она не кончается, – уверенно помотала головой Гайя, – ведь, правда, Амброзий?

– С вершины моей горы ее конца не видно, это точно.

– Тсс! – приложил палец к губам Амброзий и, к ужасу Гайи, сделал неслыханное – настежь распахнул двери.

– Мы же разбудим Эхо! – удивленно воскликнула Гайя и, как и эйо, замерла, вслушиваясь в тишину.

Александр тоже подошел к двери – откуда-то сверху доносились звуки прекрасной мелодии.

– Соловьев-Ветров «Снег», – прошептала Гайя.

– Напрасно беспокоитесь, – сказал Амброзий. – Эхо уже разбужено музыкой, и, когда она звучит, эхо молчит, а потом засыпает.

– С каких это пор у вас в горах появилась музыка? – спросила Гайя.

– С недавних, – ответил Амвросий. – Если не считать, конечно, птичьих трелей.

– Я хочу увидеть пианиста, – ринулся Александр из пещеры. – Он так вдохновенно играет...

– С каждым разом все лучше и лучше, – одобрительно покачал головой эйо. – Следуйте за мной.

15

Даже если бы эйо не вызвался показывать дорогу, звуки музыки все равно привели бы Александра и Гайю на вершину соседней горы, еще более мощной, чем та, на которой Амброзий растворял свое эго в радостном кружении мыльных пузырей.

Пианисткой оказалась седовласая женщина.

Она сидела спиной к подошедшим в окружении эйо, самозабвенно слушавших ее.

Похоже, артистка не готовилась к концерту специально, а просто выбралась в горы, где случайно увидела рояль.

Тот самый белый заснеженный рояль.

Александр сразу узнал его, а Гайя до неприличия сосредоточенно рассматривала концертный инструмент и пианистку, играющую на нем в окружении облаков.

Играла она виртуозно.

Пианистка вдохновенно помотала головой, повернулась на мгновение к зрителям вполоборота.

– Она ведь не из эйо? – обратилась Гайя к Амброзию.

Он помотал головой.

Александр наморщил лоб и вдруг вспомнил. Майя Карповна!

– Я узнал вас! – почти закричал он и, растолкав локтями эйо, оказался возле пианистки.

– Мы встречались в Горелом лесу. Или как он здесь у вас называется? В лесу, где много черемухи...

Александр наморщился.

Пианистка продолжала играть и не обращала на него внимания.

Ее мысли были, видимо, там же, где мысли Амброзия, когда он пускал пузыри.

Но Александр продолжал:

– Вы были еще с собакой, белой такой болонкой. Она увязалась за мной, и мне пришлось забрать ее с собой в таверну, а сейчас за ней приглядывает Ардалион.

– Какой еще Ардалион? – оторвалась от клавиш пианистка.

– Хозяин таверны.

– Значит, у него теперь моя Изабелла?

– Я зову ее Милашка.

– И она откликается? – ревниво спросила хозяйка болонки.

– Да. Но она очень скучает по вам, ищет вас повсюду.

– Ах! – встала из-за рояля пианистка. – Спасибо, что позаботились о ней. Я совсем забыла о своей Изабелле. Это все он! – гневным взглядом женщина указала на рояль, как будто он был живым существом. – Я села за него и забыла обо всем на свете, затерялась во времени и пространстве. Я поселилась поблизости в пещере и, пожалуй, еще немного, и я стала бы эйо, но только как там без меня моя Изабеллочка?

– Ничего, теперь вы можете вернуться к ней, а я... а я вернусь в свой мир.

Эта мысль была такой простой и неожиданной, что Александр засмеялся.

– Я вернусь в свой мир, – с наслаждением повторил он и вдохнул воздух вершин полной грудью.

Все просто, и его безумное и, как в конце концов оказалось, даже весьма приятное путешествие-приключение заканчивается, осталось только сесть за рояль, сыграть ту самую мелодия, и она вернет его обратно.

– Концерт окончен? – разочарованно переглядывались эйо. Возмущено было и Говорящее Эхо тем, что кто-то бесцеремонно прервал игру.

Мелкие камешки, предвестники больших проблем, полетели с вершин.

– Я продолжу концерт, – объявил Александр. – Кстати, кого вы играли?

– Соловьева-Ветрова, кого же еще!

Дама охотно уступила Александру место за роялем.

Ей не терпелось увидеться с Изабеллой, оставшейся у какого-то там Ардалиона.

Александр сделал шаг назад и обернулся.

Ему вдруг стало немного грустно от того, что сейчас он навсегда покинет этот странный, но по-своему прекрасный мир, в котором живет эта необычная, как ожившая музыка, женщина.

Гайя смотрела на него теперь с легким беспокойством, догадываясь, что его что-то волнует.

– Скоро я покину ваш мир навсегда, но прежде мне хотелось бы сделать что-нибудь хорошее для вас, – вздохнул музыкант.

Александр вспомнил, что в кармане у него ждали ни то особого случая, ни то сильного обострения аллергии два билета на концерт Игнатия Скрипичного.

– Как вы относитесь к скрипке? – спросил Александр.

– Прекрасно, – ответила Гайя. – Она всегда меня спасает от аллергии на черемуху.

Беспокоило Александра и кое-что еще... Как будет звучать он в компании Соловьева-Ветрова, которого, видимо, по праву все считают великим композитором...

Собственное творчество показалось вдруг Александру еще меньше, невесомее, мыльным пузырем поднялось и разлетелось над головами...

Эхо принялось угрожающе сотрясать горы.

Не смея взглянуть в глаза зрителей, боясь прочесть разочарование во взгляде Гайи, Александр оборвал едва начатую им мелодию, сочиненную им незадолго до того, как он оказался в этом мире.

Что ж, композитор он, конечно, по сравнению с Соловьевым-Ветровым неважный, но и ему есть чем удивить Говорящее Эхо и эйю, и Гайю.

Он удивит их Моцартом и Бетховенем, Чайковским и Свиридовым.

Теперь пальцы Александра властвовали над клавишами уверенно и смело, и все вокруг, даже Эхо, были довольны его игрой.

Одно великое творение сменяло другое, и только вокруг по-прежнему были все те же горы.

Вот если бы он был здесь один, за этим волшебным звучащим роялем... Один, без зрителей, но даже, если бы никого рядом не было – у болтливого Эхо очень чуткий слух...

Закончив играть, Александр встал из-за рояля, поклонился зрителям.

Они молча улыбались, боясь, что снова разболтается громко зевающее Эхо.

16

На обратном пути Александр и Гайя снова остановились у Хлои. Вернули ей теплую одежду, которая может пригодиться еще кому-нибудь.

– Удачной была поездка? – спросила хозяйка, когда они все трое пили чай с листьями малины и смородины у камина.

Александр вздохнул – врать Хлое ему не хотелось.

Гайя с сочувствием посмотрела на Александра.

– Раз уж ты задержался пока в нашем мире, может, вместе сходим на этот концерт, как вернемся из гор? – предложила она.

– С удовольствием, – ответил Александр.

ГЛАВА 3

СНОВА В ГОРОДЕ

1

Александр совершенно не хотелось новой встречи с бурдаланами, тем более в их родной Низине, где в случае чего, уж точно, никто не придет на помощь.

Тем более, найдет ли он там Часовщика, – еще не понятно, а то, что столкнется с бурдаланами – это наверняка.

В общем, Александр решил, что разумнее будет подождать его возвращения в Город, тем более помощница Часовщика сказала, долго он в Низине не задерживается, а значит, вернется со дня на день.

И куда интереснее провести это время в самом Городе, где хоть в переулках и пахнет черемухой, зато, похоже, можно встретить интересные рояли.

На столике в номере у Александра лежала визитка лучшего в городе дизайнера роялей.

Глупо будет вернуться в свой мир, не познакомившись со столь уникальным человеком.

Ведь, кто знает, может быть, именно для этого он и оказался в этом мире, где не кончается весна.

Телефон в таверне Ардалиона, конечно же, в ретро-стиле. Огромный, с круглым диском.

Когда никуда не спешишь, крутить его даже приятно.

- Алло! Дизайн-студия роялей, – ответил Александру веселый молодой мужской голос. – Да-да, вы, конечно, по адресу – это ЛУЧШАЯ дизайн-студия роялей в Городе – вас сориентировали абсолютно верно.

2

Александр отправлялся в студию на велосипеде с каким-то даже волнением.

Рояли всегда отзывались в его сердце трепетом – особенно особенные рояли.

Студия оказалась просторной, со светлыми стенами, на которых не было ничего лишнего – только яркие картины-акценты, словно созданной специально для него. Такие мысли у клиентов – верный признак того, что заведение не просто самопровозглашает себя элитным, а, действительно, здесь каждого обслуживают по высшему классу, дав возможность ощутить – он особенный клиент.

- Видеть вас у себя – большая честь для нас, хотя, конечно, мы надеялись, что вы не обойдете нас стороной, – признался сотрудник студии. Все студии дизайна роялей в нашем городе мечтают, чтобы именно на их рояле играл тот самый Александр.

- В Городе много студий дизайна роялей? – спросил Александр.

- Конечно. Почти как собак, – улыбнулся молодой человек. – Никто не хочет играть на скучных роялях. Они и звучат как-то скучно... Я покажу вам примеры наших работ... Будем рады, если вы посчитаете возможным поделиться своим впечатлением о наших роялях в книге отзывов.

ОТЗЫВ ПРИШЕЛЬЦА АЛЕКСАНДРА (АЛЕКСАНДРА ГОЛДИНА)

Махатма Ганди сказал: «Показателем величия нации и уровня нравственности в обществе может служить то, как ее представители обращаются с животными».

А уровень креативности я бы измерял обликом роялей.

В нашем мире шаблонов и правил принято, чтобы рояли были строгими, даже скучными.

Нет, конечно, нельзя сказать, чтобы в нем совсем уж не встречалось интересных, как правило, антуражных, роялей. Но это, скорее, исключение, подтверждающее незыблемое правило.

Рояли здесь – совсем другое дело...

Они могут быть, например, в форме огромной морской раковины.

Жаль только, в Городе нет ни моря, ни океана. Но есть река, а значит, она куда-то да впадает.

Видимо, в тот самый океан, на берегу которого прекрасно смотрелся и звучал бы этот рояль.

А здесь уместнее рояль в форме раскрытой книги. Такой мне тоже был предложен. На обложке – человек с тремя смешными шпиками на поводке.

Но больше мне понравился ярко-оранжевый рояль, похожий на огромный музыкальный чемодан, хотя и его нельзя было назвать инструментом, на котором мне хотелось бы играть бесконечно.

– Согласно вашим предпочтениям завтра мы подберем для вас идеальный рояль, – сказал менеджер. – Если, конечно, завтра ничто не помешает вам прийти к нам.

- Вряд ли что-то сможет мне завтра помешать, – ответил Александр.

– Вот и отлично.

3

На следующий день Александра встретил в дверях студии тот же молодой человек с той же дружелюбной улыбкой, к которой теперь добавилось выражение лица профессионала, прекрасно выполнившего свою работу, пусть даже проделала ее целая команда, в которой не он – первая скрипка.

- Пройдемте, – уверенным жестом пригласил он лучшего клиента следовать за собой и привел его на просторный балкон-лоджию.

С него открывался вид на большой прекрасный цветник, в котором каких только цветов не было. Подснежники дерзко присоседились к нарциссам, а ирисы поднимали изящные головы над ландышами, и все вместе сливалось в прекрасную живую картину, которая почти что звучала, и частью ее был разноцветный рояль, так гармонично вписавшийся в эту симфонию цветов, что Александр не сразу увидел его.

- Рояль как любое истинное произведение искусства должен быть хорош с разных ракурсов, – со знанием дела произнес сотрудник студии. – кстати, цветник – тоже дело рук нашего директора.

- Не зря говорят, талантливые люди талантливы во всем, – покачал головой Александр. – Ваш директор, сразу видно, очень талантливый человек.

-Как хорошо вы сказали... Талантливые люди талантливы во всем. Надо запомнить и повторить при случае...

- Вообще-то это сказал не я, а даже не знаю, кто, – признался Александр.

- Пойдемте теперь вниз, посмотрим с других ракурсов, – продолжал улыбаться сотрудник, всем своим видом говоря «такого товара, как у нас, вы не найдете больше нигде, и пытаться – значит потерять напрасно время и больше ничего».

На поверхности рояля мирно уживались разные эпохи, цивилизации, плавно перетекая одна в другую.

Стадо оленей бежало за радугой, раскинувшейся над дворцами и небоскребами.

Орнаменты, похожие на марокканские, соседствовали с ледяными статуями, протягивающими руки навстречу северному сиянию, горы подружились с океаном, на берегу которого еще одним, земным, океаном розовела сакура.

От восхищения у Александра на секунду остановилось дыхание.

Несколько раз обошел он рояль.

Ходячий лейбл все с тем же самоуверенным жестом пригласил Александра подождать в перголе среди цветов их директора и предложил чашечку ароматного цветочного чая.

Ждать пришлось недолго.

Через несколько минут из той служебной двери, в которой скрылся сверкающий лейбл в костюме, появилась царственная и нежная, прекрасная, как сама весна, Гайя с подносом, на котором поблескивали серебром чайник и две чашки и чайные ложки.

Наряд Гайи напоминал кимоно гейши.

- Здравствуйте, – улыбнулась Гайя, поставила перед Александром поднос и опустилась на скамейку в перголе.

- Значит, вы работаете здесь, – был ошарашен Александр.
- Главным дизайнером и директором по совместительству, – ответила Гайя на догадку Александра.
- И дрессировщицей в цирке?
- Почему нет? – засмеялась Гайя.
- В самом деле... – отхлебнул чаю Александр.
- Как вам чай?
- Восхитительный.
- А рояль?
- Он волшебный...
- Мы долго трудились над ним, – улыбнулась Гайя. – Старались довести почти до совершенства. Но самым сложным было не это, а выбрать музыканта, достойного играть на нашем лучшем творении...
- И вы выбрали ... меня? – чуть не захлебнувшись чаем, замахал руками Александр. – Но я не, я не...
- Да, – спокойно кивнула Гайя и махнула рукой стоявшему в лоджии лейблу. Через минуту он был у инструмента.
- Лой, покажи, на что способен наш рояль. Он не только красив, но и отлично звучит.
- Сотрудник студии усердно кивнул, всем своим видом выражая готовность служить любимой компании. Играл он не столько вдохновенно, сколько старательно, аккуратно – так отличник идет по бордюру, не желая получить четверок и от жизни. Но рояль все равно вздыхал и радовался, и надеялся на чудо...
- Сколько стоит это чудо? – спросил Александр, подозревая, что вряд ли найдет в себе столько талантов, чтобы купить такой шедевр.
- Один гений.
- Что?
- Один гений, – повторила девушка.
- А сколько это в талантах?
- Нисколько. Талантов может быть сколько угодно, но гений все равно больше.
- Я так и знал, что эта вещь мне не по карману... – расстроился Александр.
- Вы носите свой гений в кармане? – рассмеялась девушка, похожая на дочь вождя.
- У меня и с талантами-то не густо – едва хватило на велосипед... – вздохнул Александр.

Его признание еще больше рассмешило девушку.

- Подозреваю, у вас в кармане... или где там вы его носите, имеется гений, но почему-то вы не хотите потратить его на этот прекрасный рояль.

- Да нет же, у меня нет, иначе я бы...

- Хорошо, – сказала девушка. – Я поняла, в чем дело. Вам не нравится именно этот рояль, потому что... Но я создам рояль специально для вас, и готова поспорить на что угодно, у вас не останется сомнений: он стоит гения!.. А не захотите купить его – я попрошу отнести его в лес, и пусть на нем играют дожди. Дожди – гениальные импровизаторы!

Александр усмехнулся, помотал головой.

Вот так вызов! И его конкурентами могут стать весенние дожди.

От этой мысли музыканту неожиданно стало легко и весело. Что ж, пусть ему и не переиграть весенние дожди. Во всяком случае, он попытается купить этот поистине волшебный инструмент.

Даже если у него не хватит гения... все равно!

- Имейте в виду, она способна на это... – усмехнулся Лой.

– Имеешь в виду мой первый рояль? – улыбнулась Гайя. – Я хотела сделать его как будто присыпанным снегом, точно он стоит на вершине огромной горы, а он получился просто белым. И я попросила увезти его в лес. Но, надеюсь, этот рояль ждет счастливая судьба...

3

В фойе филармонии Александр почувствовал вдруг себя рыбой в аквариуме, экзотической рыбой, за которой интересно наблюдать.

Не привыкший быть объектом столь пристального внимания, Александр даже ощутил неловкость.

Такой же рыбой была и Гайя, но, кажется, совсем не чувствовала себя в аквариуме – легко и свободно проплыла из фойе в зрительный зал.

В стоявшей у входа рядом с билетершей дамой в длинном платье цвета масала Александр узнал журналистку, которая приходила к нему в таверну – Виолу.

Она исподтишка с любопытством поглядывала на него и Гайю, не слишком убедительно делая вид, что просто пришла на концерт и ничто кроме музыки ее не волнует в данный момент.

Как бы ни так – такие, как Виола, никуда не приходят просто так.

В своем привычном мире Александр редко сталкивался с журналистами, и, вопреки стереотипам, это были милые вменяемые ребята. Но в том мире он был известен разве что узкому кругу.

Теперь же музыкант начинал понимать, за что эту братию недолголюбивают знаменитости – те, кого здесь бурдаланы именуют баловнями звезд.

Виола, появившаяся в зале одной из последних, многозначительно улыбалась. Она-то знала, как делаются сенсации. Достаточно было по секрету сообщить пяти-шести болтливым горожанам, что на одном из концертов Скрипичного будет сам Александр и, возможно, даже не один – и вот вам – пожалуйста.

Будь горожане попроницательнее, они сами бы догадались, что, поскольку у пришельца аллергия на черемуху, рано или поздно он окажется на концерте Скрипичного, ведь никто не играет на скрипке так, как он.

Но умение прослеживать закономерности – свойство эйо и лучших журналистов и, конечно же, Часовщика.

Только эйо и Часовщик не используют этот непризнанный, но важнейший талант в своих интересах в отличие от нее, Виолы.

Ждать, когда случится что-то интересное, иной раз можно вечно, а «Газета» выходит каждый день.

Вокруг Виолы Рерайт увивалось несколько мужчин самых разных мастей, как самцы гиббона вокруг самки в брачный период.

Она же не обращала на них ровным счетом никакого внимания, а, может, делала вид, что не замечает.

На какое-то время музыка заставила горожан забыть об Александре, затмила его неожиданными переходами.

Музыка Скрипичного была настолько самобытной, что Александр даже не знал, с кем из известных ему композиторов он мог бы его сопоставить.

Звуки как будто бросали вызов, как молодой репейник весной, тянущийся к солнцу. Еще немного, и окрепнут колючки, потемнеет, загрубеет нежность листков. Но это потом не наступит, пока в мире есть музыка, способная укрощать время, легкая, немного нервная, она будила воображение, но не уносила его далеко-далеко, а то приземляла, то поднимала, чтобы вновь вернуть на землю.

- Bravo! Bravo! – закричал Александр и встал, аплодируя.

- Bravo! Bravo! – подхватили горожане, вскочив следом за ним со своих мест.

Суевливый и нескладный, похожий на огромного кузнечика Скрипичный раскланялся, светясь, как мыльный пузырь на солнце.

- Давно у нас не было такого аншлага, – шепнула на ухо Александру Гайя.

Когда аплодисменты стихли, наконец, Скрипичный подошел к микрофону.

- Спасибо, очень тронут вашим вниманием. А теперь я буду рад ответить на вопросы зрителей, – благосклонно сказал Скрипичный.

На сцену быстрыми шагами направилась женщина.

- Позвольте... – так же решительно взяла у мэтра микрофон и вдруг обратилась не к скрипачу, а к другому музыканту и к зрителям:

- Наверное, все заметили, – сказала она, что сегодня в зале присутствует еще один виртуоз, который, как донесло до нас Горное Эхо, еще и великий композитор, а не только прекрасный музыкант.

- Что вы? – смутился Александр, – это не я, а (вы правы!) великие композиторы – те, чью музыку донесло до вас Горное Эхо, но я, действительно, могу ее при случае исполнить для вас.

- Сейчас! Сейчас! Этот случай – сейчас! – наперебой закричали горожане, к замешательству и неудобству Скрипичного, неловко пятывшегося в глубь сцены.

- Значит, вы и есть тот самый пришелец Александр, о котором все только и говорят в последнее время? – спросила та же зрительница.

- Видимо, да, – привстал Александр.

- И вы музыкант? Вы состоите в братстве композиторов? Где можно услышать вашу музыку? Вы сыграете сегодня для нас? – спрашивали зрители наперебой.

Скрипичный нервно постучал пальцами по верхней крышке рояля и обратился к Александру:

Даже не мечтайте вступить в братство композиторов! Ваш предел – играть для бурдаланов!

- Я не мечтаю даже о всенародной любви, – выдержав многозначительную паузу, Александр добавил. – Потому что она у меня есть! А без искусства раздувания щек, которому, видимо, учат в вашем братстве, я, пожалуй, как-нибудь обойдусь.

- Не скромничайте, – злорадно расхохотался Скрипичный. – Вы прекрасно освоили его. Музыкант, который играет по вечерам в таверне! Не удивлюсь, если скоро таковой начнет давать концерты в Низине!

- Сначала я сыграю здесь и сейчас!

К немалому восторгу зрителей, Александр поднялся на сцену.

- Я сыграю вам «24-й каприс» Паганини. Он, кстати, был скрипачом, – объявил Александр и обернувшись к Скрипичному, спросил с вызовом, точно бросал ему в лицо перчатку. – Может, маэстро подыграет нам на скрипке?

Зал встретил предложение овацией, а маэстро презрительной гримасой.

- Да вам только в цирке играть! На арене, – злобно вскричал Скрипичный, воинственно отступая за кулисы и уступая место другому музыканту.

Одно беспокоило Александра: как будет звучать он в компании Скрипичного, которого, видимо, по праву все считают великим.

Александр играл вдохновенно, как никогда прежде, не обращая внимания на продолжавшиеся выкрики Скрипчного, утонувшие в прекрасной музыке.

–Еще! Еще! – неистовствовал зал.

- «Лунная соната», Бетховен, – объявил Александр, и пальцы его снова вступили в лирический сговор с роялем.

– А теперь свое, свое! Свою музыку! – требовал зал. И хоть в нем не было бурдаланов, казалось, еще немного, и зрители настойчиво затопчут, совсем как жители Низины.

Горожан можно понять. Они считают, его музыка, Александра Голдина, так же прекрасна, как Пагинини, как Бетховен, но он всего лишь Голдин. Александр. Даже до Скрипчного, хоть тот и порядочный сноб, ему далеко...

Чтобы не разочаровывать зрителей он решительно сказал:

–Простите, но в компании Паганни, Бетховена и... – он проглотил «Скрипчного», – я буду чувствовать себя неловко.

И, поклонившись, Александр сбежал по ступенькам со сцены.

4

На следующий день «Газета» восхищалась скромностью Александра, уверяя, что музыка его, как донесло до Города Горное Эхо, ничуть не хуже Скрипчного и других известных и неизвестных горожанам великих композиторов, но Александр предпочитает пока скрывать свой талант, возможно, ожидая подходящего момента явить его миру.

Также «Газета» обнародовала, что Александр пришел на концерт со спутницей, той самой, что сопровождала его в Горах.

И в завершение сообщалось:

«Интересный факт: как нам стало известно из неофициальных источников, у Александра аллергия на черемуху.

- Скрипка – лучшее из известных средств от аллергии. Уверена, она поможет Александру, – комментировал врач, а редакция как всегда обещала следить за развитием событий.

В тот же день, а точнее вечер, позвонила и Виола.

- Александр, я хочу показать вам одно удивительное место, феномен которого никто не может разгадать. Там время как будто течет иначе. Хотелось бы узнать ваше мнение об этом... Интересно, встречались ли вы с подобным там, откуда прибыли к нам?

- Что за место такое, Виола? – с улыбкой перебил ее Александр.

- Это сюрприз, – сказала Виола. – Я хочу сама вам все показать и попутно задать несколько вопросов...

- В этом я даже не сомневаюсь. Готовите очередную сенсацию, очаровательная Виола?

- Если вы, конечно, не против ответить на них, – пропустив мимо ушей реплику Александра, продолжала Виола.

- Я не против. Вы меня заинтриговали, что за место такое?

- Вам понравится, – пообещала Виола. – Считайте, что это подарок вам от редакции. Наш водитель заедет за вами завтра в шесть.

- В шесть... – замаялся Александр. – В это время я обычно на «Тяв-тяв-шоу»...

- Поверьте, ради этого стоит пропустить один вечер «Тяв-тяв-шоу». Я уже обо всем договорилась. Нас будут ждать.

5

В назначенное время к таверне Ардалиона прикатил фаэтон, запряженный двумя лошадьми.

– Никогда не катался в экипаже, – признался Александр.

- Что-то не так? – беспокойно спросил молодой извозчик, которого Виола почему-то назвала «наш водитель».

- Вы, конечно, тоже не скажете мне, куда мы едем? – весело спросил Александр, усаживаясь поудобнее в фаэтон.

- Виола просила не говорить, – с чуть виноватым видом подтвердил парень, – но если вам очень уж...

– Не буду портить сюрприз, – засмеялся Александр. – Скажите только, нам долго ехать?

- Если поторопиться, не меньше часа... Вы ведь еще не были в Старом Городе?

Старый город, как называли старую часть Города, как будто придуманный гениальным ребенком, состоял в основном из одноэтажных и двухэтажных домов, похожих на пряничные, а скорее, игрушечные. Так и хочется, став великаном, повесить их на елку где-нибудь в лесу.

Фасады и боковые стены украшали разноцветные камешки и изображения, повсюду красовались нарисованные кошки, хотя самих мяукающих в Городе, где так любят собак, не наблюдалось. Впрочем, последних изображали тоже, хоть и не так часто.

Вообще сюжетов для надомных изображений в Городе множество – этакий огромный вернисаж уличного искусства, где каждый ценитель найдет что-нибудь на свой вкус среди всех этих простых и замысловатых узоров, петушков, жар-птиц, бабочек, цветов, разноцветных зонтиков, а на некоторых домах красовались домики, выстроившиеся в улицы и целый город.

Явно, в воображении у горожан нет недостатка.

Многие крыши украшали флюгеры в виде единорогов, лошадей, деревьев с крупными цветами.

Надо всем этим многообразием возвышался огромный стеклянный ананас с дверями, но без окон.

У входа в причудливое здание Александра и ждала Виола. Ветер трепал ее полупрозрачное синее платье. Увидев выходящего из фаэтона героя своих хроник, Виола помахала ему рукой.

- Здесь прохладно. Пойдемте скорее внутрь, – легко пожал протянутую ему руку Александр. – Мне не терпится узнать, что там внутри, ведь это и есть сюрприз?

- Да, – довольно и даже торжественно сообщила Виола.

Александр распахнул двери, пропуская вперед спутницу, и оказался в облаке разнообразных ароматов. До самого потолка во множество этажей вверх тянулись растения. Настоящие живые цветущие, плодоносящие небоскребы.

Виола игриво подставила ладонь плоду граната.

- Ведь правда, чудо? – спросила она. – Мне нравится здесь бывать, вот только времени все время не хватает. Но сегодня под благовидным предлогом – репортаж о пришельце из оранжереи – я вырвалась в свой любимый Старый Город. Надеюсь, вы простите меня за то, что я использовала вас как предлог.

- Ради нашего общего дела, спасения бурдаланов от самих себя, конечно, – шутливо поклонился Александр Виоле.

Она, подыграв, присела в реверансе:

- Ради нашего общего дела готова на все, – и, резко посерьезнев, добавила. – Александр... я хотела поговорить с вами о парадоксе нашего мира.

- Значит, следующая статья будет об этом...

- Нет... Не знаю... Это важно не для статьи, это важно для меня самой... Это... вопрос, на который я давно ищу ответ и не могу найти... - Виола даже развела руками, чтобы убедительнее продемонстрировать Александру собственное бессилие. – Почему здесь, в оранжерее, цветы превращаются в плоды, а на улице никогда этого не происходит?

- Почему вы думаете, что я знаю ответ?

- Потому что вы можете посмотреть на наш мир отстраненно, а я нет...

- Да, это верно, пожалуй...

- У вас тоже так? Все время цветут цветы?

- Нет, цветы у нас становятся плодами.

- Значит... ваш мир – сплошная огромная оранжерея? – радуясь собственной догадливости, предположила Виола.

- Нет, нет, – засмеялся Александр. – Совсем наоборот. Цветы у нас становятся плодами на улице.

- Как странно... – стали задумчивыми глаза-маслины. – Как интересно... А что нужно для того, чтобы цветы стали плодами? Я имею в виду не в оранжерее, а на улице?

- Нужна осень, а сначала лето, тепло, дожди, жара, снова дожди, а потом листья становятся желтыми, красными, даже лиловыми и падают с деревьев.

- Здесь тоже иногда они падают, – сказала Виола.

- Нет, это не то. Здесь же нет ветра, а там он их подхватывает, и они кружатся – много, много листьев.

- Вот так? – засмеялась, закружилась Виола по оранжерее. – Я похожа на синий опавший лист, Александр?

- Синих листьев я не видел, – усмехнулся он.

- А леопардовые?

- Леопардовых много.

- А золотые?

- Их часто называют золотыми, особенно поэты, говорят даже «золотая осень». Но на самом деле никакой позолоты на них нет. Они ярко-желтые.

- Наверное, я говорю и спрашиваю глупости? – заволновалась вдруг Виола.

- Нет. Вы же никогда не видели ни лета, ни осени...

В этот момент Виола казалась Александру забавной, даже трогательной, хотя, конечно, не такой прекрасной, как Гайя.

- А здесь сейчас в оранжерее это что – лето или осень – как вы это называете? Когда одновременно цветут цветы и зреют плоды?

- Не знаю, – задумался Александр. – Наверное, и то, и другое одновременно. В оранжереях времена года перепутаны.

- А снег... как в горах... Он тоже кружится вместе с листьями?

- Первый снег может прийти и с последними листьями, – согласился Александр, – но обычно он выпадает позднее. Зимой.

- Зима? – переспросила Виола, точно пробуя слово на вкус.

- Да, зима, холодная, снежная, но по-своему красивая.

- Снег. Я знаю, как у эйо в горах. Я никогда никому не признавалась в этом, но, знаете, Александр, у меня в Горах очень кружится голова, совсем как у бурдаланов, хотя я ведь коренная горожанка. Правда, странно? Но однажды я все же забралась так далеко, что увидела немного настоящего снега, правда, сразу потеряла сознание и пришла в себя уже у Хлои. Эйо перенесли меня туда. Вы же знаете, они очень участливые, эйо. Но, извините, я что-то сегодня болтлива.

- Вы сегодня одна, без фотографа? – спросил, взглядываясь в заросли папоротника, Александр.

- Он заболел... простудился, – добавила Виола. – Ничего страшного. Мы сделаем коллаж, у нас достаточно фотографий и ваших, и оранжереи.

Александр хмыкнул.

- Так вам понравилось?

- Угу, – ответил Александр. – Конечно.

- Ладно, – засуетилась Виола. – Наш водитель отвезет вас обратно в таверну.

- А вы?

- Я еще побуду здесь. Мне нужно обдумать все то, что вы сейчас сказали. Мне кажется, я начинаю понимать... хоть это странно, очень странно...

Виола затерялась в пальмах.

6

Утром без особой надежды, а, скорее, уже по привычке, Александр снова отправился к воротам Башни и вдруг с удивлением и даже какой-то непонятной досадой увидел, что замка на них больше нет.

Толкнув ворота, Александр двинулся ко входу в башню.

Внутри нее вела наверх широкая деревянная лестница.

Александр поднялся по ней, тем более другого пути не было, и увидел Часовщика, который был так увлечен чтением книги, что не заметил, как вошел Александр.

Своей аскетичностью комната могла сравниться с пещерой эйо. Из мебели в ней были только стол и табуретки. На одной из них сидел человек такого небольшого роста, что книга в его руках казалась огромной и какой-то особенно значимой. А, может, таковой она и являлась, потому что брови читавшего ее мужчины буквально выплывали на лице танец изумления, и хотелось подойти сзади и заглянуть через плечо.

Еще немного, и так бы, пожалуй, и поступил Александр, на которого Часовщик, кажется, еще долго не собирался обращать внимания, но брови его подпрыгнули еще раз, и книга громко захлопнулась и так же громко ударилась о стол, а брови читающего вытянулись в одну сплошную линию.

«Я знал, я всегда чувствовал!...» – обратился он к вошедшему и сосредоточенно замолчал, вспомнив, что его гость не читал таинственной книги, а значит обсудить ее с ним он не сможет.

Однако счел нужным объяснить Александру свое странное поведение.

- Книгу раскопал некий парень из бурдаланов по имени Рэк, – сказал Часовщик. – Отлично роется в помоях, хоть пока не умеет читать. Очень толковый бурдалан.... Вот он, точно, со временем мог бы стать настоящим Часовщиком!

- Бурдалан Часовщиком? – недоверчиво засмеялся Александр, вспомнив тех троих, убегавших с его одеждой.

- Он дал мне эту книгу на время, и я уже узнал из нее очень много интересного. Я всегда подозревал, что с этим миром что-то не так, но что? Как назло в книге не хватает последних страниц, где наверняка есть разгадка.

Часовщик потряс в воздухе тонкой книгой, отпечатанной на такой прекрасной бумаге, что даже время не смогло ее уничтожить.

- Ясно, – покачал головой Александр. – А вы, вероятно, Часовщик...

- Так меня называют гораздо чаще, чем по имени, хотя зовут меня Юлий. А вы, вероятно, тот самый Александр, о котором все говорят и о котором пишут в «Газете»?

- Да, это я, – нескромно подтвердил Александр. – Здесь, в Городе, говорят, вы знаете все.

- Врут, как бурдаланы! Я не знаю вообще ничего, и сегодняшний раз убедился в этом.

- Моя история довольно странная. Не знаю, успели ли вы прочитать ее в «Газете»... – не знал, с чего начать Александр.

- «Газету» я еще не читал, но слышал сплетни горожан, а это примерно одно и то же. Сначала они читают «Газету», а потом с глубокомысленным видом обсуждают тех, о ком в ней написано.

- Вы тоже считаете, что я пришелец?

- Да, – вздохнул Часовщик, – потому что я и сам пришел оттуда же, откуда и ты.

«Не может быть!», – хотелось радостно воскликнуть Александру, но вместо этого он довольно сдержанно спросил:

- Вас тоже привел сюда заснеженный рояль?

- Нет, – ответил Часовщик. – Я вообще не умею играть на рояле. Собственно говоря, и талантов у меня особых нет – только один, правда, очень ценный здесь. За него мне продают здесь все, что угодно, точнее, попросту дарят, как это.

- Что же это за талант?

Часовщик как будто не расслышал вопроса.

- Меня привели сюда часы, – продолжал он.

- Часы? – удивился Александр.

- Огромные часы, белые с позолотой, – сломанные кем-то. Я нашел их в Горелом лесу. И починил. И оказался здесь.

Часовщик вздохнул.

- Я не знаю историю тех часов. Тот белый заснеженный рояль когда-то был самым обычным роялем, – сказал Часовщик, – но «самый обычный» явно не то, что устроило бы его создательницу, с которой вы уже успели познакомиться. И она отдала его дождям и ветрам – гениальнейшим из всех

музыкантов, и однажды в грозу рояль стал больше, чем рояль... Каждый, кому посчастливилось играть на нем, оказывался именно там, где должен быть в данный момент, получает тот опыт, который поможет достичь гениальности. Кем вы были в том мире?

- Пианистом, – ответил Александр.

- А я часовщиком. Вот видите, привести сюда может что угодно – то, что любишь, то, в чем знаешь толк...

- Значит, оно же может и вернуть обратно! – вскричал музыкант. – Я нашел здесь такой же рояль... заснеженный рояль. И я сыграл на нем, но... – Александр развел руками. – Но почему-то по-прежнему здесь. Значит, я играл недостаточно вдохновенно?

- Нет, дело не в этом, – возразил Часовщик, – а в том, что еще не время. У тебя появилась какая-то миссия, и когда ты исполнишь ее – вернешься обратно. Заснеженный рояль не возвращает кого-то куда-то немедленно. Достаточно сыграть на нем, чтобы сонастроиться с зимним временем, временем нашего мира, дальше он все сделает сам.

- Но как же я узнаю, что это за... – поперхнулся словом Александр, уж слишком возвышенно оно звучало для того, кто просто праздно слоняется по незнакомому миру, – миссия?

– Не волнуйся, придет время – узнаешь. Насколько я знаю законы этого мира, а знаю я их не очень хорошо, что стало причиной нашего появления здесь, то же, действительно, поможет вернуться обратно, но не все так просто... Я тоже обрадовался, когда нашел такие же часы, как в Горелом лесу. И они как будто специально были сломаны. Я починил их, к счастью горожан, но... Меня качали на руках... и тут же подняли на Башню, решив, что именно для этого я и послан в этот мир. Чтобы охранять часы и чинить их, если снова сломаются...

Александр сочувственно вздохнул.

- Разве раньше в башне не было часовщика?

- Никто не удостоился такой чести, – усмехнулся Часовщик. – Башня – главный символ Города, в нем все решает совет горожан, и посадить кого-то в Башню означает признать его превосходство. Поэтому долгое время с тех пор, как появилась Башня, горожане по очереди охраняли стрелки часов на ней от бурдаланов, что было очень неудобно. Поэтому мое появление, как они говорят, неизвестно откуда, стало спасением для всех, но назад я так и не вернулся...

- Так же как и я... А вы знаете, в чем здесь ваша миссия?

- Конечно! Охранять часы от бурдаланов. Если починить часы горожане еще могут сами, то с этим... – Часовщик громко вздохнул. – С этим не справится никто кроме меня.

- Но почему бы просто не выставить охрану у часов?

- Охрану, ха! Может, еще полицию? Да горожане еле-еле после долгих дебатов согласились создать смотрительство за порядком и ни в какую не хотят его расширять, ведь это все равно что признать, что морально-нравственный облик горожан падает и они все ближе к бурдаланам и все дальше от эйо.

В свое время много говорилось о том, что рано или поздно бурдаланы, вдохновившись примером горожан, захотят быть на них похожими, начнут постепенно меняться и тоже станут горожанами. Но этого не произошло. Бурдаланы остаются бурдаланами. Хотя... в последнее время... Может быть, ты именно для этого здесь, Александр?

- Для того, чтобы бурдаланы стали горожанами? – удивился музыкант.

- Чтобы помочь бурдаланам, окультурировать их. Может, это и есть твоя миссия? Александр пожал плечами.

Он уже начал сомневаться, что когда-нибудь вообще сможет вернуться отсюда.

- Вы давно здесь? – спросил музыкант Часовщика.

– Почти пятьдесят лет... Мои дети давно уже выросли. А моя жена... Дождется ли она меня когда-нибудь? – погрузился в мысли Часовщик. – Там я не слишком ценил минуты, проведенные с ней. В первое время я даже был доволен, что оказался здесь... Часовщик здесь гораздо нужнее, чем там... Но порой я очень скучаю по своей семье.

7

Обложку следующего выпуска «Газеты», действительно, украшал большой коллаж, центральную часть которого занимал Александр.

В руке он держал ананас, а вокруг свисали с тяжелых ветвей апельсины, яблоки, манго и киви. И надо всем этим изобилием кружились в воздухе снежинки и разноцветные листья винограда.

«Вот на что похож наш мир», – гласила подпись к коллажу.

Новая статья об Александре называлась «Время у нас течет иначе».

А подзаголовок интриговал: « «Газета» выяснила, как устроен мир пришельца Александра».

«Возможно, уже постоянному герою наших хроник Александру для того, чтобы попасть в Город, пришлось преодолеть не только пространство, но и... время, – писала Виола Рерайт. – В мире, откуда к нам прибыл пришелец Александр, оно течет иначе: так, как обычному горожанину даже и представить невозможно.

У нас не одно, как у вас, а четыре времени, – сказал Александр в интервью «Газете».

Причем, времена в мире Александра имеют цвета, определенную температуру и их даже можно попробовать на вкус также, как мы пробуем в оранжерее спелые вишни, которые на улице мы можем увидеть только цветущими.

Логично было бы предположить, что мир Александра похож на огромную оранжерею, но он отверг наш домысел.

Со слов Александра мы составили этот коллаж, который позволит нашим читателям наглядно представить богатую и живописную природу его мира.

Правда, пришелец намекнул, что в том пространственно-временном измерении тоже далеко не все так благополучно, как на обложке «Газеты».

Поэтому (как знать?), может быть, нам повезло жить не в том, по словам Александра, огромном и многогранном, мире, а в этом, вечно цветущем, уютном и спокойном?

За комментарием мы обратились к известному своими экспериментами со временем ученому Гифу Цифеблатову, и вот что он нам сказал:

- Представить то, о чем говорит Александр, не так уж и сложно. Не буду углубляться в суть наших многочисленных экспериментов – это тема для отдельного разговора. Скажу только, что каждый горожанин может легко и быстро ощутить неоднородность времени. Для этого достаточно войти в любую из оранжерей города и выйти на улицу. Осознанно или неосознанно каждый из нас не раз проводил этот эксперимент.

Также руководитель и сотрудники исследовательского центра выразили надежду, что Александр заглянет к ним лично – это даст возможность для новых обоюдных опытов, которые помогут методом сравнительного анализа лучше понять и тот, и этот мир.

Не исключено, что в Город Александр прибыл именно с исследовательскими целями, а это, согласитесь, благородная миссия. Ничуть не менее благородная, чем дело окультуривания бурдаланов, которое объединяет все больше и больше горожан. Вместе мы обязательно достигнем нашей общей цели.

Дальше читать «Газету» Александр не стал, отложил ее с раздражением в сторону.

Она итак достаточно испортила ему аппетит, ощущение было такое, как будто в тарелке с сочными фруктами попался гнилой плод.

Несколько минут Александр молча смотрел, как остывает кофе, злясь на самого себя за то непонятное ему самому разочарование, которое он испытал, прочитав «гвоздь номера».

Поэтому, когда в холле зазвонил телефон и Адралион сказал, что его, Александра, спрашивает небезызвестная Виола Рерайт, музыкант скривился, как от мигрени, и все же поплелся к телефону.

- Доброе утро! – как ни в чем не бывало начала Виола. – Александр, у нас для вас хорошая новость. Но сначала... ответьте, пожалуйста, на пару вопросов.

Александр молча положил трубку. А чего, собственно говоря, он ожидал? Извинений?

Вздыхнув, Александр вернулся за стол.

Не успел он допить кофе, как к таверне подкатила Виола Рерайт.

В этот раз в обтягивающем комбинезоне под леопарда, она выглядела одновременно эффектно, безвкусно и агрессивно.

В руках журналистка держала стопку каких-то писем.

Голос ее, между тем, звучал, точно извиняясь, хотя слова шли вразрез с его интонациями.

- Похоже, вы не так поняли меня. Обещаю, не отниму много времени. Как обычно задам пару вопросов...

- Зачем вам задавать мне какие-то вопросы, если все равно вы все истолковываете по-своему? – буркнул Александр. – Не даром говорят, что журналисты врут, как бурдаланы. Из нескольких сказанных мной междометий вы сочинили целую историю. Причем, историю с продолжениями.

- А вот зачем...

Журналистка положила перед Александром стопку писем.

- Вы не поверите, они – от бурдаланов. Они учатся писать ради вас. И еще... Мне не нужно задавать лишних вопросов, я давно научилась видеть суть, – грустно усмехнулась Виола Рерайт. – Несколько лет подряд я возглавляла общество спасения бурдаланов от самих себя, но потом переизбрали эту Лали, и она превратила серьезную организацию в балаган.

Виола, как фокусник, ловко перемешала письма на столе, взяла легкую стопку из этого вороха наугад и раскрыла их веером.

- Возьмите любое из них наугад.

- Виола, опять вы со своими фокусами... – снова скривился музыкант, подумав, что она ведет себя навязчиво, совсем как какая-нибудь бурдаланша. Но вслух этого Александр, конечно, не сказал, а вздохнув, покорно вытащил одно письмо и неохотно надорвал плотно заклеенный конверт и пробежал взглядом по письму.

С каждой фразой выражение лица его смягчалось. Виола уже не вызывала у него раздражения. Нужно просто принять как факт: она всего лишь делает свою работу и, кажется, делает ее хорошо, хоть, на взгляд музыканта, и весьма своеобразно. Но кто он, собственно говоря, такой, чтобы устанавливать свои порядки в этом мире, который существовал до его появления...

- Виола, – спросил Александр. – А сколько лет вашему миру?

- Очень спорный вопрос, – ответила Виола. – Лучше спросите об этом моего брата Гифа, тем более, он будет очень рад вас видеть...

Она многозначительно посмотрела на такой же яркий, как она сама, свежий номер «Газеты».

- Вы о чем-то хотели спросить?

- Да, – ответила Виола. – Можно открыть и прочитать эти письма, адресованные вам?

- Хорошо, – разрешил Александр.

- Честно говоря, мы их уже открыли и прочитали, а потом сфотографировали и заклеили обратно, – призналась журналистка. – Они все очень похожи в общих чертах.

- Тогда зачем вам мое разрешение? – снова почувствовал раздражение Александр.

- Мы... мы хотели бы опубликовать подборку, но так как письма адресованы не нам, а вам, нужно сначала спросить у вас разрешение, чтобы не вышло недоразумение. В свою очередь обещаю, мы не будем публиковать что-то очень личное – только общие моменты – то, что вдохновит других бурдаланов совершенствоваться, а от этого зависит будущее всего нашего мира.

- Делайте, что хотите, – махнул рукой Александр. – Тем более, что вы все равно все делаете так, как хотите. Только не задавайте мне больше никаких вопросов. Полагаюсь на ваш профессионализм и...

– До новой встречи, – закончила за него Виола и ярким огоньком метнулась к выходу.

8

Представление в цирке в этот раз началось еще до начала представления, сразу после первого звонка, когда зрители стали рассаживаться на свои места вокруг арены.

Передние ряды постоянно оглядывались с шепотом:

- Смотрите, смотрите, бурдаланы!

- Бурдаланы на «Тяв-тяв-шоу»!

- Невероятно!

- Да еще и с собаками!

- Они же терпеть не могут собак!

Бурдаланы настороженно поглядывали на собирающихся под разноцветным куполом горожан: в случае свары перевес сил, явно, будет за последними.

Собаки беспокойно лаяли на коленях у зрителей, пришедших из Низины. На многих из них были шубы из собачьих шкур, перекрашенные под леопардов, что, конечно, не могло не укрыться от тонкого животного обоняния.

Массивные украшения бурдаланш обещали затмить собой даже разноцветных пуделей, появления которых на арене все ждали с большим нетерпением.

В довершение всего после второго звонка одна из горожанок узрела на коленях у бурдаланши свою собаку.

Узнав прежнюю хозяйку, она радостно залаяла и укусила бурдаланшу.

- Мой песик! Абрикосик! – радостно бросилась к нему навстречу горожанка, но бурдаланша крепко держала поводок.

- Это теперь моя собака, не отдам! – кричала она.

- Ты украла ее! Они воруют наших собак!

Абрикосик встал на сторону горожанки и еще пару раз хорошенько тяпнул бурдаланшу, так что, бросив поводок, она со слезами удалилась из цирка, а горожанка продолжала призывать отбирать собак у бурдаланов, и не известно, чем бы все это закончилось, если бы не прозвенел третий звонок...

Под смачные аплодисменты на арену выкатил экипаж, запряженный красавцем-жеребцом в «яблоках».

Из повозки одна за другой посыпались собачки, заполонив собой всю арену.

Их оказалось так много, что было непонятно, как они все вместились в этот фаэтон.

Последней из него вразвалочку выбралась рыжая такса.

- Неужели, – забилося чаще сердце у Александра, – та самая собака?

Точно прочитав его мысли, она как-то особенно дружелюбно и заговорщицки посмотрела на него, или это только показалось Александру...

Как бы то ни было, его взгляд точно прирос к рыжей таксе.

Та как будто нарочно поддразнивала его, то ходила на задних лапах, то пританцовывала, то вскакивала на повозку, а оттуда на коня, и он послушно вез ее по кругу. То перепрыгивала через других собак, и те послушно ложились, позволяя рыжей творить, что ей вздумается. Все слушались ее, эту таксу.

Наконец, окончательно обнаглев, такса, перемахнув через бортики, прыгнула в зал и стала протягивать лапу то одному, то другому.

- К нам, к нам! – вопили задние ряды, и, радостно тьякнув, такса, перебирая быстро ножками, поспешила наверх, не обойдя вниманием ни одного из бурдаланов.

Особенно ликовали малыши, ни в какую не хотевшие отпускать собачонку обратно на арену.

- Давайте заберем ее с собой! – требовали они.

Когда, наконец, обласканная бурдаланами, такса скатывалась вниз по порожкам, Александр позвал ее тихим свистом.

Она повернула голову в его сторону, радостно тьякнула, как будто узнала, но побежала дальше.

Экипажи уже уезжали с арены.

Александр вдруг показалось, что такса как будто обозначила взглядом его изо всей публики, ставшей на время представления одним единым многоликим, многоголосым организмом.

Да, наверняка, показалось.

Александр вздохнул.

Он хотел немедленно мчаться за кулисы выяснить все об этой таксе и заставить ее отвести его обратно, в тот, другой, знакомый мир, где пусть о нем не пишут в каждом номере «Газеты», но у него есть друзья, дом, работа... Но в этот момент на арену вышла Диана со своей наставницей. Теперь на Гайе было ярко-лиловое платье с красным лифом, украшенное разноцветными плюшевыми шариками.

Те, которые свисали по низу, легко и игриво покачивались в такт каждому шагу.

Диана вышла в голубом наряде, как у принцессы. За ней послушно следовали ее четыре пуделя.

Гайя остановилась посередине арены, и все лучи прожекторов сошлись на ней.

- Дорогие горожане и горожанки! – обратилась она к зрителям и, пробежав взглядом по задним рядам, торопливо добавила, – и гости Города! Я рада представить вам сегодня свою юную помощницу, которая тоже теперь будет вести «Тяв-тяв-шоу», и наших новых артистов! Знакомьтесь...

По лицу девочки Александр понял, что она страшно волнуется, хоть и старается не подавать виду.

- А это... – девочка достала из корзины розовый мячик и бросила его перед собой. Розовая собака поймала его зубами. – Розаночка! А это... – она бросила зеленый шарик, и его подхватил зеленый пудель. – Это Киви! А этот оранжевый шарик для...

- Для оранжевой собаки!!! – неистово закричали бурдаланы, и их крики переросли в торжествующий вопль, когда шарик подхватила Апельсинка.

Беляночка поймала свой белый шарик, положила его обратно в корзинку и взяла ее в зубы.

Розаночка опустила в нее свой шарик, то же самое проделали к восторгу публики Апельсинка, Киви и Беляночка, понесли поклажу за кулисы под

аплодисменты горожан, но бурдаланы закричали: «Вернись!» и «Еще!», «Мы хотим еще!», «Пусть собаки повторят то же самое!».

Диана вопросительно посмотрела на Гайю и та, улыбнувшись, незаметно кивнула ей.

Разноцветные пудели повторили номер с шариками, за который так волновалась Диана, и Беляночка снова понесла было корзинку с шариками за кулисы, но возгласы бурдаланов опять вернули ее.

- Еще! Еще! – требовали они, размахивая руками.

Собаки с согласия Гайи снова повторили номер с шариками, но бурдланам было мало.

- Послушайте, уважаемые бурдаланы, – растерянно обратилась к зрителям с верхних рядов Гайя. – Наши собаки еще много всего умеют. Они прекрасно прыгают через скакалку. Хотите посмотреть?

С этими словами Гайя достала из кармана скакалку.

- Да! Хотим! – закричали горожане, но бурдаланы еще громче завопили:

- Неет!

- Они умеют делать «домик». Четыре разноцветных домика – уже маленький разноцветный город. Хотите увидеть разноцветный город?

- Неет! – еще больше завозмущались бурдаланы.

- Нам не нравится Город!

- Мы любим свою Низину!

- Пусть собаки ловят разноцветные шарики!

Представление грозило затянуться допоздна.

Причем, горожане, которым наскучило смотреть одно и то же, стали позевывать, но выход из создавшегося нелепого положения неожиданно нашли сами собаки.

Поймав последний свой белый шарик, Беляночка не стала класть его в корзину, а побежала с ним по проходу между рядами наверх и вручила одному из бурдаланов.

То же самое сделали Розаночка, Киви и Алельсинка.

- Эй! Это несправедливо! – зычно обратился вдруг к собакам один из бурдаланов. Заросли его темных кудрей венчала шапка, хоть на улице было тепло и даже немного жарко. – Безобразие! Что за цирк? Я буду жаловаться! Почему мне не досталось шарика? Между прочим, я теперь не просто какой-то там бурдалан, а бурдалан в шапке Александра! И первый шарик должны были вручить мне, потому что Рэка и Фата здесь нет, а значит главный здесь я!

Но никто не слушал бурдалана в шапке Александра.

Бурдаланы, которым достались шарики, издавали победные кличи, однако другие их сородичи не слишком остались довольны таким оборотом событий.

Им тоже хотелось разноцветных шариков и, не долго раздумывая, они принялись отбирать их у счастливиц.

Те бросились к выходу, и под аплодисменты горожан задние ряды быстро опустели, а зрители, сидевшие впереди, поднявшись со своих мест, стоя аплодировали артистам, явно давая понять, что представление было интересно и оно закончено.

Самое любопытное происходило в этот вечер не на арене, а в самом зрительном зале, и оставаться больше не было смысла.

9

За кулисами цирка порой разворачивается ничуть не менее интересное действие, чем на арене, и это был тот самый случай.

- Все прошло не так, как я ожидала, – сетовала Диана в кабинете Лали Илларионовны.

- Все часто проходит не так, как мы ожидаем, – улыбнулась Гайя. – Главное, что все прошло отлично. Прекрасный дебют! Окажись я в твои годы на твоём месте, я бы, наверное, растерялась.

- Я тоже растерялась, – опустила ресницы Диана. – Беляночка выручила меня...

- Да и я не знала, что делать, – засмеялась Гайя. – Но ты молодец. Теперь ты видишь, что можешь полагаться на своих собак.

Они хорошие артисты, – согласилась девочка, и очень верные друзья.

Александр выждал подходящий момент, чтобы ненавязчиво и как будто невзначай вставить в разговор свой вопрос. В таких случаях на помощь часто приходит слово «кстати».

- А, кстати, что это за рыжая такса выступала сегодня на арене?

– Вот эта? – показала Лали Илларионовна взглядом на приоткрытую дверь, в которую любопытно заглядывала та самая такса.

Александр на пару секунд показалось, что это таинственное и хитрое создание прекрасно владеет человеческим языком, как минимум понимает все, о чем они говорят, старательно делая вид, что она просто в меру умная собака.

- Мне кажется, я видел эту таксу очень далеко отсюда... – скорее даже обличительным, чем подозрительным взглядом посмотрел в глаза собаке Александр.

Она завиляла хвостом, как показалось музыканту, суетливо и беспокойно.

- Это собака Феликса, – будничным тоном ответила Гайя. – Моего друга, соседского мальчика. Я помогала ему дрессировать ее, и меня она слушается тоже.

- А где сам этот Феликс? – в этот раз у Александра не получилось спросить как бы невзначай. Он понял это по удивленным взглядам, направленным на него со всех сторон, а наглая такса и вовсе твякнула, что, вероятно, на ее, собачьем, языке означала что-то вроде «не твое собачье дело» .

Но Диана, пожав плечами, ответила:

- Сегодня он слишком разволновался, так что Тайне пришлось выступать без него. Но Феликс тоже скоро выйдет вместе с нами на арену, ему только надо немного подготовиться, ведь правда, Лали Илларионовна?

- Конечно, мало кто способен выйти на арену без соответствующей подготовки, – согласилась администратор, которую в этот момент больше волновал другой вопрос. – Вы видели, что творилось сегодня в цирке? – заговорщицки обратилась она ко всем сразу.

- Был полный аншлаг! – радостно отозвалась Диана.

- Нет, я не об этом, – махнула рукой Лали Иллальевна и обратилась теперь уже персонально к Гайе, видимо, уверенная, что она-то, уж точно, поймет и разделит ее радость. – Бурдаланы пришли в цирк! Гайя, это что-то неслыханное!

- Мы долго к этому шли, – с мягкой улыбкой ответила Гайя.

- И это не фантастика! Это реальность! – ликовала администратор. – Они заняли все задние ряды! Я знала, я всегда знала, что доживу до этого великого дня! Красавицы мои, – обратилась ко всем сразу, кроме Александра. – На арене сегодня вы были подобны эйо! Искусство цирка творит чудеса!

- Конечно, они не доросли еще до того, чтобы посещать концерты классической музыки, но бурдаланы стали ходить в цирк, и это уже большое достижение, – согласилась Гайя.

- Гайя, – весело вздохнула Лали Илларионовна. – Будем все-таки реалистами. Вряд ли бурдаланы станут когда-нибудь такими же, как мы с вами.

- Но известно достаточно случаев, когда бурдаланы становятся горожанами, – растерялась Гайя.

- Не будем лукавить, дорогая, – вздохнула Лали Илларионовна. – Допустим, они становятся не горожанами, а... похожими на горожан, и все же их бурдаланья сущность видна, как красная заплатка на белоснежном платье, сколько бы они не тешили себя, что она совсем не заметна. Я так, например, легко определяю в толпе бывшего бурдалана.

- Но... эйо Амброзий! Бурдалан может стать даже эйо, и это не первый случай! – козырнула Гайя.

- Вы имеете в виду полумифического Гифа? – закатила глаза Лали Илларионовна.

- Почему полумифического? – возразила Гайя. – Есть факты, подтверждающие, что...

- Ну кто, кто, скажите, подтверждает эти факты? Виола Рерайт, которая, как мы все прекрасно знаем, подтверждает только то, что ей выгодно подтверждать, чтобы «Газету» не перестали читать. Хотя я сама и не читала эту ее бездоказательную статью, но... Ладно, не будем спорить, пусть спорят историки. Но, хорошо, пусть даже два бурдалана за всю историю цивилизации стали эйо – что это как не исключения, подтверждающие незыблемое правило?

- Кстати, – снова вставил как бы невзначай свое «кстати» Александр, незаметно тем самым занимая сторону Гайи. – Бурдаланы стали не только ходить в цирк, но и писать письма. Удивительный прогресс, если вспомнить, какими они были...

- Это вам Виола сказала? Не стоит стопроцентно доверять столь достоверной информации. Журналисты врут как бурдаланы и вечно все преувеличивают. Бурдаланы пишут письма в газету... – покачала головой администратор. – Не смешите меня. Он пристают с этой просьбой к прохожим, что лучше, конечно, чем отбирать у горожан еду и одежду. Хотя... не исключено, конечно, что нашлось несколько бурдаланов, которые, действительно, пожелали освоить грамоту и учатся писать потихоньку. Но, вы же сами прекрасно понимаете, невозможно за день научиться писать, причем так, чтобы писать письма.

– Вот! Прочтите одно из них наугад, – Александр перетасовал письма так же, как это делала Виола, и предложил администраторше самой вытянуть любое из них.

Она с благосклонной улыбкой приняла эту игру.

- Можно прочесть? – забралась тонкие пальцы с нежно-розовым маникюром в конверт и замерли на полпути.

- Конечно, – кивнул Александр.

- Дорогой Александр! – начала с насмешливо-торжественной интонацией читать Лали Илларионовна. – Я восхищаюсь вами с тех самых пор, как узнала о вашем существовании, и мне совершенно безразлично, кто вы – бурдалан, горожанин, эйо или пришелец, как пишут в «Газете». В любом случае вы для меня герой.

Ваш поступок, когда вы приютили найденную в лесу собаку, вдохновляет. И, возможно, я тоже однажды заведу себе псину, хотя они и воняют ужасно до тех пор, пока не становятся шубами.

Я уже перестала носить псиные шубы, даже перекашенные в леопардов. Ведь это глупо перекрашивать псов в леопардов. Я поняла это так вдруг, как будто меня ударила молния, когда увидела ваше фото в «Газете».

Я даже учусь читать понемногу. У нас есть одна жительница Низины – мы содем ее безумная Марта.

Она умеет читать и писать, и теперь она не кажется мне уже такой сумасшедшей.

Именно от нее я узнаю теперь, что буквы складываются в слоги, а слоги в слова.

И сейчас, когда я пишу это письмо при свечах, я думаю о том, что мне не с кем поделиться своими мыслями, кроме как с Вами.

А Вы, я знаю, поймете и не осудите меня. Надеюсь, однажды Вы приедете к нам в Низину с концертом. Я никогда не слышала рояль, все вокруг всегда говорили мне, что звучит он ужасно – настоящая какофония – не то, что консервная банка, но почему-то я уверена, что это не так.

Ваша преданная фанатка,

Мия».

Ведь не нужно проводить никакого лингвистического анализа, чтобы уловить очевидную ложь, – администраторша резко подчеркнула что-то ногтем в письме. – Вот. Только вслушайтесь. «И сейчас, когда я пишу это письмо при свечах». У бурдаланов нет никаких свечей. Они жгут лучины или греются у костров. В общем, дикие люди. И все время врут. Вот и здесь. Ваша фанатка придумала это... или попросила придумать что-нибудь этакое, поэтичное, того, кто писал письмо за нее. Только сопоставьте: «узнаю, что буквы складываются в слоги» – это же уровень детского сада. И тут же «пишу это письмо», да еще и «при свечах».

Администраторша рассмеялась.

- Скажите... – Александр положил письмо, аккуратно сложив его, обратно в конверт. – Вы любите бурдаланов?

- Люблю ли я бурдаланов? – стало серьезным и каким-то растерянным лицо администраторши.

- Да. Любите ли вы бурдаланов? – спросил немного отчетливее Александр.

Администраторша опустила глаза:

– Я хочу им помочь, я искренне надеюсь сделать их жизнь лучше и прилагаю к этому всевозможные усилия. И надеюсь, вы все мне поможете в этом нашем непростом, но важном деле.

Никогда еще не доводилось Александру дрессировать собак, но с веселыми и умными помощницами дело спорилось.

Специально для Розаночки, Беляночки, Апельсинки и Киви из лучшей в Городе студии дизайна роялей привезли розовый рояль в белый горошек с большими оранжево-зелеными клавишами и всего двумя октавами.

Научить собак бегать по клавиатуре или нажимать клавиши наугад было бы гораздо проще, но как сделать так, чтобы собаки не просто играли, а играли мелодии, Александр не представлял, и вскоре ему пришлось признать: он самоуверенно взялся за невыполнимую задачу. Собаки не могут играть на рояле – разве что только совсем уж простые мелодии, и чтобы научить их этому, нужен гениальный дрессировщик, а не он – посредственный музыкант и известный только очень узкому кругу композитор Александр Голдин.

Но совсем уж отчаиваться было рано, у артистов цирка свои секреты, и одним из них Диана сразу же радостно поделилась, достав из кармана джинсов какой-то флакон.

- Здесь ароматизатор, созданный специально для цирковых собак. Если нужно, чтобы она выбрала какой-то предмет среди многих других похожих, его просто-напросто намазывают этим средством, а потом дрессировщица говорит, например: «Киви, принеси-ка мне букву, на которую начинается твое имя».

Услышав свое имя, Киви радостно гавкнула и подбежала к хозяйке, виляя хвостом.

Девочка погладила ее.

- Так вот, – продолжала Диана. – Киви хоть и не знает алфавита, но по запаху выбирает букву «К», а зрители аплодируют и думают «какая умная собака». Так что дрессировщику приходится быть иногда немного фокусником, правда, Гайя?

Девушка заговорщицки улыбнулась.

- Кстати, Гайя, – довольно сообщила Диана. – Этот номер очень понравился бурдаланам, почти так же, как номер с разноцветными шариками. Некоторые даже начали изучать алфавит, причем, с буквы «К». Лали Илларионовна очень хвалила меня за это и сказала, что я... – Диана выпрямилась, став немного выше, придала своему лицу строгое и важное выражение и, подражая голосу администраторши, закончила фразу, – «внесла немалый вклад в наше общее важное дело». Да-да, именно так она и сказала, – завершила Диана. – Кстати, Гайя, я постеснялась спросить, что это за общее важное дело? Лали Илларионовна сказала таким тоном, как будто все, и я в том числе, прекрасно знают о нем, и стыдно не знать об этом.

Гайя засмеялась.

- Лали Илларионовна имеет в виду, что мы будем учить бурдаланов, а собаки – помогать нам в этом.

- Ах, вот что! – улыбнулась девочка.

- Я всегда говорила, ты отлично справишься без меня, – ласково посмотрела Гайя на помощницу.

– В общем, ароматизатор не был лишним и при подготовке этого номера, во всяком случае как вспомогательное средство.

10

Вокруг Александра постепенно сформировалось что-то вроде клуба ценителей его исполнения.

Как-то на один из его музыкальных вечеров в таверну Ардалиона пожаловал сам Соловьев-Ветров. Маэстро оказался круглолицым пожилым мужчиной в очках, из-за стекол которых доброжелательно, весело и чуть отстраненно и близоруко смотрели на мир молодые глаза.

- Поверьте, вы великий композитор, столь же великий как Маклиани, – восхитился он, услышал Моцарта. – Ваша музыка совершенна.

Александр поспешил разочаровать мэтра: безусловно, произведения, звучавшие здесь, гениальны, но сам он, увы, исполнитель и довольно посредственный.

Восхищение сменилось на лице Соловьева-Ветрова недоумением.

Больше в таверну он не заглядывал.

Зато как-то на музыкальный вечер Александра нагрянул совсем уж неожиданный и нежданный гость.

- Эй! – услышал сквозь музыку Бетховена Александр голос Ардалиона за спиной. – Если у тебя нет талантов, убирайся отсюда!

- У меня есть талант! – возразил самоуверенный голос. – Я отлично нахожу на свалке нужные вещи!

Дружный смех горожан заглушил Бетховена.

- Вы только посмотрите на него!

- Вот это талант так талант!

- Куда нам всем до него со своими талантами!

- Талант копаться на свалке - вот это я понимаю!

- В Старом Городе и свалок-то уже не осталось, спасибо нашим ученым!

- Не волнуйтесь, бурдалан всегда найдет помой! У них в Низине мусорок полно!

Оборвав на середине «Лунную сонату», Александр обернулся.

- Вот, что я нашел, – протягивал Ардалиону большие часы бурдалан. На Верзиле нелепо топорщилось пальто Александра, в которое бурдалан еле влез.

- Неет, это даже не талант, а целый гений! – продолжали глумиться горожане.

- Я видела его фото в газете, это же Рэк Верзила. Зачинщик всех безобразий в Городе. Наверняка он опять что-то задумал! Гоните его отсюда!

Пальцы свободной руки бурдалана сжались в увесистый кулак, но лицо его выражало предельное спокойствие.

- Экая наглость прийти сюда, да еще в пальто Александра, – продолжал ворчать Ардалион, разглядывая часы.

- Ошибаешься. Меня привела сюда не наглость, а любопытство. Посмотри, они еще идут...

- Старина Ал, оставь его. Каждый вправе интересоваться любой музыкой. Пусть слушает, если хочет, – заступился за любопытного гостя Александр, которому весьма польстило внимание бурдалана.

- Ладно, принимается, – небрежно положил часы в карман Ардалион.

Бурдалан в пальто Александра посмотрел на музыканта почти благодарно.

- По-моему, это ничуть не хуже консервной банки, – показывая взглядом на рояль, произнес он неожиданно неуверенно, чем снова развеселил горожан. Но бурдалану, кажется, было все равно.

Специально для неожиданного посетителя Александр сыграл несколько мелодий попроще – фольклорные мотивы.

Бурдалан потоптался немного у входа в гостинную, всем своим существом вслушиваясь в звуки, а потом тихо покинул таверну...

А Александр отметил, что, пожалуй, этот бурдалан, если захочет, вполне может развить в себе талант слушателя – это вообще редкий талант умение слушать. Жаль, даже в Городе за него ничего нельзя купить.

И все же никто не умеет слушать так, как Гайя – вдохновенно, но не как актриса, когда вживается в роль, а искренне, как будто становится на время тем человеком, который делится с ней сокровенным.

Когда публика начала расходиться, Александр поделился с Гайей своими мыслями:

- Интересно, что сказала бы Лали Илларионовна, увидев бурдалана на концерте? Мне кажется, он даже начал постигать величие музыки... У него было такое... я бы даже сказал, по-своему одухотворенное лицо. Он ведь, этот негодяй в моем пальто, искренне хотел прикоснуться к великому и прекрасному, и, кто знает, может быть, это ему даже и удалось...

- Может быть, – согласилась Гайя.

- Я просто считаю своим долгом тебя предупредить, – не знал, как перейти к щекотливой теме Александр. – Я знаю, как ты уважаешь Лали Илларионовну, но, мне кажется, она не та, за кого себя выдает... Ей вообще плевать на бурдаланов...

– Да, она формалистка, – согласилась Гайя. – Я сама частенько от этого страдаю, но привыкнуть можно, если не придавать большого значения.

11

Из непритязательных зрителей бурдаланы становились все более и более взыскательной публикой, что приводило в восторг администраторшу и беспокоило Диану.

Не окажись тогда такой смекалистой Беляночка, их дебют обернулся бы провалом.

Гайя, зная, а скорее догадываясь об опасениях помощницы, подбадривала:

- Для артиста совершенно нормально волнение перед выходом на сцену. Хуже, когда его нет. Значит, артист перестал расти как артист, достиг своего максимума в этом искусстве.

На случай, если вдруг что-то пойдет не так, как отрабатывалось изо дня в день на репетициях, Гайя давала помощнице простой совет: «Сделай вид, как будто именно так все и было задумано...»

- Но тогда мне придется обманывать зрителей, – неуверенно заметила как-то Диана.

- Это не совсем обман, – возразила Гайя, – зритель сам хочет в этом случае быть немного обманутым. Ты же знаешь, дрессировщик иногда немного фокусник.

Наряды жителей Низины были уже не столь обильно украшены перьями, а украшения – не столь массивными.

Многие бурдаланы знали уже четыре буквы «К», «И» и «В» и умели складывать их в «Киви».

И из-за этого на очередном представлении «Тяв-тяв-шоу» едва не случился конфуз...

...Под аплодисменты Киви привычно вытащила из вороха букв ароматизированную «К», и вдруг с задних рядов раздался женский голос: «Пусть вытащит теперь букву «И»!».

- Букву «И»! – затребовали, топая ногами, бурдаланы!

- Хорошо, хорошо! – подняла руки вверх Диана. – Какую, вы говорите, букву, вот эту?

Она достала из кармана флакон и понюхала его, незаметно смазав при этом руки.

- Тише, тише немного, пожалуйста, а то у меня закружилась голова.

- Да! – завопили бурдаланы. – Букву «И»! Ты что, не знаешь алфавит?

- Хорошо, – Диана положила букву «И» обратно. – Киви, принеси нам букву «И».

К восторгу зала, и не только бурдаланов, Киви достала из кучи букв «И». Боясь, что зал попросит еще и «В», и самые наблюдательные разгадают ее трюк с ароматизаторами, Диана торопливо объявила:

А теперь любимый всеми номер с разноцветными шариками!

- Многозначительно и насмешливо переглядываясь, горожане косились на задние ряды, где вот-вот начнется обычная свара из-за безделушек, между тем, не наскучившая сидевшим поближе к арене.

К разочарованию последних, в этот раз бурдаланы, кажется, вовсе не собрались таскать друг друга за волосы, кусаться, царапаться и махать кулаками.

Они стали хитрее и вместо этого принесли похожие шарики – каждый того цвета, который ему больше нравился, а некоторые даже несколько, и теперь эти шарики летели с криками «Розаночка, лови!», «Апельсинка, принеси мне оранжевый шарик!», «Беляночка, это тебе!», «Зеленый шарик для тебя, моя милая Киви!».

Собаки, сбитые с толку таким поворотом событий, нервно металась по арене, хватая шарики наугад. И не известно, чем бы все это закончилось, если бы на арену не вышла Гайя с большим флаконом мыльных пузырей, ставших бы дорогим подарком любому эйо.

В воздух полетели мыльные пузыри, и, побросав шарики, пудели принялись их ловить.

Восторгу бурдаланов, вмиг позабывших про свои разноцветные шарики, не было предела, теперь каждому из них, никогда прежде не видевшему мыльных пузырей, хотелось унести с собой не просто какие-то разноцветные шарики, а эти, невесомые, волшебные, переливающиеся, как невозможное, недостижимое чудо в свете прожекторов. С неистовыми воплями бурдаланы бросились на арену, чтобы поймать и унести с собой почти неуловимое, но, словно насмехаясь над ними, неуловимое лопалось, превращаясь в брызги на руках.

12

Ни Гайя, ни Александр, не сговариваясь, не стали рассказывать Лали Илларионовне о странном визите бурдалана на концерт фортепианной музыки, но слухи об этом все равно донеслись до нее.

- Почему вы оба ничего мне не сказали? – набросилась она на Гайю перед очередным представлением.

- Подумала, что вы все равно не поверите, – ответила Гайя.

- Пожалуй, я, и правда, не поверила бы, – неожиданно согласилась Лали Илларионовна. – Действительно, это очень и очень странно, бурдалан на концерте фортепианной музыки. Может, он пришел туда, чтобы что-то незаметно стащить?

- Нет, – уверенно помотала головой Гайя. – На концерт его привело любопытство, и, я считаю, это хорошее любопытство.

- Да... Очень рада, если я, действительно, ошибаюсь.

В общем, все были довольны и счастливы кроме Дианы, которой вот уже несколько ночей подряд снился один и тот же страшный сон, в котором она растерянно стояла с Киви на арене, а зрители кричали хором: «Букву «В»!»

В реальности от кошмара каждый раз спасали мыльные пузыри еще до того, как бурдаланы успевали прокричать «букву «И»!».

И все же никто не был заинтересован в том, чтобы поскорее отрепетировать номер с роялем так, как была заинтересована в этом Диана.

... Ужасный сон повторялся неспроста, он как будто предупреждал Диану, но она все равно оказалась не готова к воплощению своего страха в реальности, хоть и продумывала тысячу раз прежде, как ей выйти из такого затруднительного положения.

Всего-то нужно намазать ароматизатором вторую букву.

«Зритель хочет быть немного обманутым», – в который раз мысленно повторяла, как заклинание, слова наставницы и добавляла от себя «и будет рад ничего не заметить».

Но Гайя не учла, что на задних рядах теперь сидели крайне наблюдательные зрители.

Когда на арену уже вышла Гайя с флаконом мыльных пузырей, с задних рядов вдруг раздался детский голос:

- Пусть собака найдет букву «И»!

- Букву «И»! – подхватили другие бурдаланы.

Диана достала из кармана платья заветный флакончик, пролепетав: «Что-то у меня закружилась голова».

Девочка и впрямь была близка к обмороку, когда тот же малыш, довольный, что собака принесла букву «И», прокричал:

- А теперь букву «В».

- Букву «В»! – подхватили бурдаланы.

Кошмар Дианы воплощался наяву.

Покачнувшись, она попыталась улыбнуться:

– Становится жарко, – сказала она и снова полезла в карман.

- Смотрите! – вскочила с места зрительница, сидевшая рядом с дотошным малышом. – Ей всегда становится душно перед тем, как собака ищет буквы, – бурдаланша подскочила к Диане и выхватила из ее рук флакон.

- Она мажет буквы чем-то вкусным!

Киви угрожающе зарычала.

- Тише, тише, – погладила ее Диана, взяв себя в руки.

- Посмотрим теперь, как эта собака знает буквы!

Торжествующе потрясая флаконом в воздухе под одобрительные возгласы бурдаланов, шумная зрительница вернулась на свое место в заднем ряду и приготовилась злорадствовать.

Киви, понимая, что от нее хотят, чтобы она нашла букву, принялась метаться от одной к другой.

Но как понять, какая именно нужна, если все они похожи и пахнут одинаково?

- Дай букву, Киви, – спокойно сказала Диана, когда зеленая собака оказалась между «В» и «А».

Собака посмотрела на девочку, а девочка не сводила взгляд с буквы «В».

– Ну же! – нетерпеливо закричали бурдаланы, и Киви, схватил наугад букву «А», услужливо понесла ее хозяйке.

Возгласы сочувствия с передних рядом смешались со злорадными – с задних.

По лицу Дианы покатались слезы, и она заплакала бы в голос, но в проходе между рядами показался Александр.

Подойдя к Диане и Киви, он победно поднял букву «А», поворачивая ее таким образом, чтобы все зрители в зале хорошенько рассмотрели ее.

- Молодец, Киви! – потрепал Александр собаку. – В трудных случаях нужно звать на помощь друга. А на какую букву начинается мое имя?

- На букву «А»! – закричали, улыбаясь, горожане.

- Именно! На первую букву алфавита, которую нашла наша Киви!

- На букву «А»! – запоздало подхватили бурдаланы, только что узнавшие еще одну букву.

- А теперь, Киви! – найди-ка букву «В», – чуть заметно хлопнул себя по колену Александр. – Но учти, я о-о-очень хорошо ее спрятал.

В этот раз Киви совершенно точно знала, что ей делать и мигом взгромоздилась на колени музыканту.

- Молодец, Киви! – одной рукой он поднял пуделя, а другой – злополучную букву «В».

Горожане выдохнули с облегчением. Значит это было частью игры.

И как убедительны артисты!

Среди сотен направленных на него взглядов Александр заметил благодарный – Дианы и восхищенный – Гайи, смотревшей на него из-за кулис.

- На этом, – сказал Александр, к радости Дианы, – мы завершаем программу, но не прощаемся со зрителями, и ждем вас всех на премьеру нового представления – в Низине! А пока мы уходим на каникулы!

...Зрители первых рядов негодовали. Премьера в Низине – это что-то неслыханное. Ладно, когда оттуда приходят в цирк – еще куда ни шло, но чтобы еще теперь самим ехать к вонючим бурдаланам – подумать только! – на премьеру!..

Униженные горожане недовольно водили носами.

13

Неожиданно на сторону администрации цирка встала «Газета», прежде вообще о цирке не писавшая, казалось, даже не замечавшая, что в Городе есть огромный цирк.

Лучшая журналистка «Газеты» называла случившееся на арене цирка небывалым прогрессом.

– Еще недавно горожане со свистом встретили бы подобную новость, – писала она, – но теперь отнеслись с пониманием к возросшему интересу к знаниям и культуре у бурдаланов. И в этом есть несомненная заслуга Города и, в частности, цирка в лицах его администрации, не первый год обеспокоенной вопросом просвещения бурдаланов.

Все вместе мы постепенно приближаемся к этой общей цели, что ярко свидетельствует: наше общество становится по-настоящему гуманным.

Нам даже удалось получить по этому поводу комментарий одного из эйо, для чего мы специально отправились в Горы.

- Ни одного мгновения я не сомневаюсь в том, что бурдаланы могут стать лучше, и помимо смелости у них появятся другие добродетели, и поможет им в этом музыка, – сказал эйо Амброзий, и мы не можем, конечно, не разделить столь авторитетное мнение, рядом с которым приводить другие комментарии излишне.

Газета умышленно или ненамеренно опустила тот факт, что Амброзий бывший бурдалан, чего он совершенно не скрывал. Тем не менее знали об этом немногие.

И подпись – Виола Рерайт.

Для горожан не было секретом: автором почти всех самых интересных статей в газете была именно она, хоть и часто скрывалась за псевдонимами.

И только в тех случаях, когда Виола считала тему по-настоящему значимой, она ставила под статьей собственное имя, неразрывно связанное с историей Города.

Поскольку ничто кроме недоуменного и оскорбленного выражения лиц горожан на эпохальном представлении в цирке не выдавало их негодования, они решили, что и впрямь проявили гуманность, промолчав и не набросившись с кулаками на бурдаланов и артистку, тем более, что, видимо, она подруга самого Александра, и многие даже видели их вместе на

концерте Скрипичного в филармонии, где в тот вечер, по слухам, на сцене творилось что-то неприятное и странное, в чем виноват этот Скрипичный, но, разумеется, никак не Александр, и поэтому об этом умолчала «Газета».

Лали Илларионовна была так ошарашена появлением подобной статьи, да еще и за подписью Виолы Рерайт, что немедленно написала благодарность в редакцию и ей лично.

В довершение всего в следующем выпуске «Газеты», опять же за подписью Виолы Рерайт сообщалось, что учить знаменитых пуделей играть на рояле согласился сам Александр, восхищенный гуманностью и посвященностью горожан.

- Мы польщены, что Александр принял наше предложение, – сказала Лали Кишкидрал. – И, конечно, мы счастливы обрести единомышленников в редакции «Газеты», каждый номер которой по много раз перечитываем, а поскольку в самом прямом смысле слова затираем ее до дыр – оформили сразу несколько подписок на «Газету» – каждый из членов нашего дружного творческого коллектива.

Виоле Рерайт Лали Илларионовна торжественно вручила перед началом одного из представлений «Тяв-тяв-шоу» знак почетного члена общества спасения бурдаланов от самих себя.

– Огромная честь для меня быть преемницей несравненной Виолы Рерайт, – провозгласила с арены Лали Кишкидрал, к удивлению горожан и удовольствию самой Виолы.

Кто бы мог подумать, что соперницы станут однажды единомышленницами и даже почти подругами.

Впрочем, решили горожане, чему удивляться, если сплотило их такое благородное дело как спасение бурдаланов от самих себя.

14

С Феликсом творилось что-то странное: музыка звучала снаружи, музыка звучала изнутри, и мелодией были слова, которые отыскивали друг другу рифму, выбрав его, обычного мальчишку, своим проводником.

Внутри него рождаются стихи! Феликс был так поражен этим открытием, что принялся беззвучно их повторять.

«Наш мир застыл, как муха в хрустале.

Он хрупок и прозрачен, как бокал,

а я, как бурдалан, навеселе.

Я даже пьян. Я дерзок. Я устал».

На самом деле Феликс никогда даже не пробовал спиртного, но он и тот, кто говорит в его голове, а может, сердце стихами, это совсем не один и тот же человек.

Он может быть разным, как будто это не один, а много людей, и все они это он и есть.

Сидя на бортике арены, Феликс вертел в руках скакалку и ждал опаздывающую на репетицию Диану.

Диана привела его в цирк. За кулисы.

Он теперь не просто учит командам собак на дрессировочной площадке возле цирка. Он теперь артист.

Пусть не совсем. Пока он всего лишь помощник Дианы, но когда-нибудь станет настоящим артистом.

Все ребята во дворе уже сейчас ему завидовали. И хоть зависть, говорят, плохая черта, он и сам бы чувствовал то же самое, будь на его месте кто-то другой.

И все же счастье, даже такое огромное, не было полным. А бывает ли оно полным когда-то?

Феликса расстраивало, что Диана старше его всего на год, но выше почти на голову. И это бы не имело особого значения, но эта девочка очень нравилась ему, но на взаимность рассчитывать не приходилось.

Как и все девчонки в Городе, Диана была влюблена в Александра, что глупо и несправедливо.

Всем вокруг известно, Александр любит Гайю, а Гайя Александра.

Ничего, когда-нибудь он станет таким, как Александр. Научится хорошо играть на рояле – не даром же записался в музыкальную школу. И вдобавок – лучшим дрессировщиком в Городе – тогда-то Диана, уж точно, полюбит его.

Он тоже будет спасать бурдаланов от самих себя...

«Бокал разбить так просто невзначай.

Над бездной, на столе он, на краю.

Проснусь и утром выпью свежий чай.

Я устою над бездной. Устою».

За кулисами послышался лай, и Диана с Розаночкой, Беляночкой, Апельсинкой и Киви ворвались на арену.

- Сейчас привезут рояль для собак! – радостно сообщила Диана, совершенно не замечая мучавших друга противоречий. – И... – девочка загадочно улыбнулась. – Приготовься... в новом шоу у тебя будет особая роль...

Внутренний голос не давал покоя Лали Илларионовне вторую ночь. Ей снились странные сны, как будто она одна на концентре фортепианной

музыки из горожан, а все остальные места заняли бурдаланы. Они недоуменно переглядываются, показывают на нее толстыми пальцами и громко шепчутся.

- Она-то что делает на концерте?

- Ей здесь не место.

- Нет, не место.

– Разве такая поймет Маклиани?

Спаниель беспокойно будил вскрикивающую хозяйку, тычась ей в лицо мокрым носом.

Лали Илларионовна просыпалась и снова погружалась в свои кошмары.

Ей снился Маклиани.

- Маэстро, неужели это вы? Все вокруг говорят, что вы давно в Долине Предков?

- Я живу в своей музыке, – поворачивается Маклиани к Лали Илларионовне. И она в ужасе вскрикивает. На ее глазах великий композитор превращается в бурдалана.

Вконец измученная сновидениями, забыв про нормы этикета, прямо среди ночи Лали Илларионовна принялась обзванивать своих знакомых и таинственным голосом сообщала, что не решилась бы, конечно, их будить, если бы не дело особой срочности.

- Бурдаланы похитили стрелки часов? – вскрикивали разбуженные горожане, предполагая самое ужасное.

- Пока что нет, – отвечала Лали Илларионовна, – но чтобы этого не произошло, я должна знать о бурдаланах все и прямо сейчас...

И сонные знакомые рассказывали, где видели в Городе бурдаланов и что в их поведении показалось им странным.

Под утро Лали Илларионовна позвонила в таверну Ардалиона и потребовала позвать Александра. Она торжествующе и отчетливо произнесла всего три буквы, после чего смогла наконец уснуть спокойно, без тревожащих снов и с чувством собственной правоты и восстановленной справедливости.

16

Очередь от БПА растянулась на несколько кварталов.

В этой очереди из одних бурдаланов больше всего было женщин и подростков. Почти каждый держал собаку на поводке.

Завидев Александра, бурдаланы бросились врассыпную с криками:

«Это он!», «Я узнала его по фотографии!».

Некоторые однако не стали убегать далеко, а засели в ближайших кустах черемухи, где их выдавали лаем собаки, а также собственные большие торчащие уши и резкий запах, который сами бурдаланы не замечают, но горожане, учуяв его, начинают беспокойно водить носами.

«БПА» – три буквы, которые знал теперь, пожалуй, каждый бурдалан, переливались над входом.

Александр резко толкнул дверь ногой и оказался в просторном помещении, сплошь уставленном письменными столами, как школьный класс.

За каждый стол сидел горожанин.

Все взгляды впились в Александра десятками невидимых стрел. Пронзенный ими, Александр закричал:

- Что здесь происходит?

- Для начала здравствуйте, – ответил один из горожан.

Судя по тому, с каким достоинством он держался, он был здесь главным.

- Знал, что рано или поздно вы нагрянете к нам. Не рады вас видеть, – не протянул руки горожанин.

- Взаимно, – ответил нелюбезностью Александр.

- Во всяком случае, мы честны друг с другом.

- Не сказал бы, что вы со мной слишком честны... вы не сочли нужным сообщить мне об открытии этого БПА.

- А зачем? – вскинул брови начальник. – Вы итак бы узнали. И узнали. Что бы изменилось, если бы вы узнали о БПА раньше? Вам нужны таланты? Вам мало своих? Не думаю... Но готов, если что, поделиться... Или, может, вам так важно, кто пишет эти письма? Вы разочарованы... Ох, простите тогда, мы не знали, что вы так наивны и думаете, что бурдаланы мигом превратились в образованных горожан, и все благодаря вашей неотразимой персоне.

Александр сжал губы от злости и занес кулак над говорившим.

- О-о, – еще выше взлетели у того брови. – Теперь я, кажется, начинаю понимать, за что вас так любят бурдаланы. Но в знак признательности и уважения к вам мы ничего не расскажем «Газете» о вашем неблагоприятном поведении, ведь правда, коллеги?

Коллеги дружно закивали головами.

- Мы искренне вам благодарны, – робко сказал один из них. – Вы возродили древнейшую профессию – писец. Мой прапрадедушка был писцом, а прадедушка печатал уже на машинке, как и мой дедушка и отец.

- Что ж, я рад, – шумно вздохнул Александр.

- Мы тоже очень, очень рады, – кажется, вполне искренне улыбнулся главный писец. – Не приходите к нам еще.

– Не приду, – пообещал Александр.

17

Утро в редакции «Газеты» начиналось как-то сонно, а потом как-то сразу зазвонили все телефоны, заходили люди по коридорам...

С довольным видом пчелы, несущей мед, почтальон несла большую пачку писем.

- С каждым днем у вас все больше и больше работы, – не менее довольно приветствовала ее Виола.

И все в ваш отдел. Почти на каждом письме пометка «Виоле для Александра».

- Значит, работаем не напрасно, раз читатели нас любят, – самодовольно наклонила голову из стороны в сторону, как заводная кукла, Виола. – Нас и Александра. Кстати, вот и он.

Почтальон поспешила удалиться, смущенно поглядывая на любимца публики.

- Все женщины вас просто обожают, – заговорщицки хихикнула Виола. Накануне она позвонила Александру, чтобы сообщить: его ждут новые письма от фанатов-бурдаланов, много-много писем.

- Кроме тех, для кого я неиссякаемый источник информации. Эти меня просто используют, – пошутил Александр, заходя в открытую дверь кабинета.

- Вы преувеличиваете. Хотите кофе?

Не дождавшись ответа, Виола включила электрический чайник. Здесь явно все старались сделать побыстрее и попроще.

Александр, отвыкший за последнее время от спешки, даже напрягся слегка.

- Значит, здесь ваша кухня жареных новостей?

- Точно! – засмеялась Виола. – На другую времени не хватает – только на жареные свежие новости.

Беспорядок на кухне жареных свежих новостей казался Александру каким-то тщательно продуманным, как будто прежде, чем бросить какой-нибудь исписанный лист или старую газету на спинку кресла или край стола, здесь думали сначала: стоит ли им быть именно здесь?

Все здесь было как-то слишком не случайно и вместе с тем в этом хаосе ощущался какой-то свой уют и своя логика.

На ручках шкафа с книгами и папками и на орхидеях и кактусах красовались какие-то бэйджи на ленточках. Карикатуры на стенах, небрежно пришпиленные, соседствовали с яркими абстрактными и черно-белыми

фотографиями. В углу над пишущей машинкой покачивался букет из павлиньих перьев.

- Вы набираете тексты на пишущих машинках? – удивился Александр.

- А что еще нам оставалось делать после того, как роботы решили, что они умнее журналистов, и сами стали писать статьи? Только оценить всю прелесть ретро, вдумчивого, неторопливого. Он позволяет пить жизнь медленно, наслаждаться ее вкусом...

- Вы сказали, роботы заменили журналистов? – остановил Александр монолог Виолы.

- Я сказала, «роботы»? Заменили? Журналистов? – пожала плечами Виола.

- Именно это вы сказали.

- Так шутила моя прапрапрабабушка великая писательница Виола Рерайт. Она была большой поклонницей научной фантастики.

- И тоже журналисткой?

- Да. Кажется, она тоже работала в «Газете». Ее имя довольно известно. Виола Рерайт – меня зовут также. Ее памятник в Долине Предков украшает эпитафия «Она всегда говорила правду», но, к сожалению, в архиве не сохранилось ни одной ее статьи, кроме обрывков пары интервью с самой собой...

- Не находите это странным?

- Нет, не нахожу. В архиве был Большой Пожар, уничтоживший многие важные документы, в том числе и первые выпуски «Газеты».

- И все равно это как-то странно...

В последнее время у Александра возникло стойкое ощущение, что что-то не так в этом мире, почти идеальном, на первый взгляд, если бы не эта черемуха.

Даже к бурдаланам, избившим его в первые дни пребывания в городе, он теперь испытывал симпатию.

Конечно, жители Низины, судя по всему, диковатые и странные ребята, но, судя по тому, что рассказывал Амброзий, совсем не так безнадежны, как может показаться кому-то на первый взгляд.

- Вы всегда верите в то, что пишете?

- А вы всегда пытаетесь поддеть собеседника, который расположен к вам? Но хорошо, я отвечу на ваш вопрос, хоть он и коварен. Не убедишь себя – не убедишь и читателя. Все просто и ... безо всякого цинизма.

- Вы хороший журналист, – сказал Александр, испытующе заглядывая в глаза-маслины.

- Спасибо, – засияли они. – Но звучит не как комплимент.

- Это не комплимент.

Маслины потускнели.

– А что же тогда?

- Констатация факта. Ведь вам, наверняка, известно о новом агентстве БПА?

- Да, – сказала Виола. – Я знаю о БПА.

В голосе ее не было ни вызова, ни чувства вины. Он звучал совершенно спокойно:

- Бюро писем Александру – агентство, которое пользуется большой популярностью у бурдаланов, а особенно у бурдаланш. Появилось такое агентство. И что же из этого следует?

Глаза-маслины выражали такое искреннее недоумение, что Александру даже стало немного неловко.

- Из этого следует, что вы мне лгали и лгали намеренно. Когда сказали, что бурдаланы пишут мне письма.

- Но это – правда, – Виола поднялась со стула и заходила по помещению. – Они пишут вам письма. Для вас так важно, каким образом они это делают? Пишут сами или диктуют кому-то? Важно не то, чьей рукой написано письмо, а то, что бурдаланы захотели делиться мыслями и оформлять их красиво.

За это мы должны быть только благодарны БПА. И ведь что в этом самое главное? Чтобы заплатить за эту услугу, бурдаланам нужно обзавестись хотя бы одним талантом – ровно столько она стоит.

А бурдалан, имеющий хотя бы один талант, – это уже не бурдалан.

И чтобы обзавестись этим самым талантом, они теперь похищают собак не для того, чтобы шить из них шубы и перекрашивать в леопарда, а чтобы дрессировать.

Низина постепенно становится пригородом, и это уже не фантастика, а реальность! Вот чего мы с вами достигли!

И это правда – я проверяла и перепроверяла этот факт – среди бурдаланов и раньше были те, кто искал свой путь, и этот путь может привести не только в Город, но и в Горы, к эйо. В мире очень мало невозможного.

В своем искреннем негодовании Виола была, пожалуй, даже прелестна, в ней в этот момент не было ничего от скользкой особы, охотницы за историями, не думающей о чувствах окружающих.

– Да, таких случаев, конечно, немного, но их становится все больше. Разве это не большая победа? И это наша с вами общая победа. Вы – кумир бурдаланов, а мы, репортеры, сделали вас их кумиром.

Александр усмехнулся и помотал головой. Да уж! Кумир бурдаланов!

- Не только бурдаланов, но и горожан. Есть те, кого вы раздражаете, но это обычное дело, без этого не бывает известности.

- Я не стремился к известности.

- Очень странно, – развела руками журналистка. – Ведь вы же музыкант. Для кого же вы играете?

- А для кого играют эйо на вершинах гор?

Виола улыбнулась:

- Вы были в Низине?

- Нет, – ответил Александр.

- Но собираетесь?

- Пытаетесь выудить из меня новый факт и оплести его кружевом слов и домыслов?

Журналистка рассмеялась.

- Как замысловато вы сейчас выразились. Но интересно. Надо записать себе в блокнот. Может, пригодится для нового репортажа о вас... Я пытаюсь... сказать вам, что быть кумиром бурдаланов это совсем не так ужасно, как могло бы показаться какому-нибудь нашему рафинированному музыканту. Но вы, насколько я знаю людей, не такой. Когда вы оправитесь с первым концертом в Низину...

- Я пока не собираюсь ни в какую Низину.

– Я не имею в виду «прямо сейчас». В таких случаях, вы правы, не стоит торопить события. Но когда вы все же побываете в Низине, вы увидите, что в бурдаланах немало хорошего. Да, они агрессивны и у них примитивные вкусы, они не слишком разбираются в искусстве и врут на каждом шагу, но в то же время они простодушны, как дети, умеют радоваться каждому мгновению. Они ничего не боятся – даже призраков, пауков и позора, и еще у них есть особый талант, который, к сожалению, совсем не ценится в нашем обществе – они принимают жизнь такой, какая она есть, они не мнят себя героями или гениями, они просто живут... Ладно, простите, мне некогда. Нужно разобрать еще письма...

ГЛАВА 4

РОЯЛЬ ДЛЯ ГЕНИЯ

1

В Низину артисты цирка отправились на своей просторной кибитке, в которой хватило места всем, хоть пудели были иного мнения, постоянно толкали друг друга, и каждая собака, делая вид, что именно она здесь лишняя, норовила забраться на колени Диане.

- Тише, тише, перестаньте! – пыталась она урезонить любимцев. – Вы испортите мне платье!

В этот раз на ней было серебристое платье, как будто покрытое чешуйками. Такое же, только подлиннее и золотистое, украшала собой Гайя. Она воинственно смотрела вдаль, и Александр невольно залюбовался ею.

«Нас ждет триумф и никак иначе», – говорил весь ее вид.

И только Феликс спокойно и буднично угощал собак с руки сырными шариками.

Его важная роль в новом шоу оказалась не такой уж и важной.

За кибиткой следовали два рояля – один для собак, другой – созданный лучшей дизайн-студией роялей Города специально для Александра – пока не видел даже он.

Рояль, накрытый белоснежной накидкой, скрывавшей интригу до поры, напоминал огромный сугроб.

Музыканта ждал сюрприз, и Гайя была уверена: Александру понравится, но насчет вкуса бурдаланов слегка сомневалась.

Целую эпоху в Низине не было и одного музыкального инструмента, кроме консервных банок, а сегодня привезли сразу два.

Бурдаланы соорудили большую круглую сцену, напоминавшую арену цирка, в самом центре Низины и попросили Безумную Марту написать на фанере: «Место для разных выступлений», которую установили здесь же, рассчитывая удивить Александра своей образованностью.

Крупные крысы сновали у подножия сцены, смущая и пугая горожан, которых тоже в этот день на необычное представление собралось в Низине немало.

Рэк и его лучший друг Фат, больше теперь известный как бурдалан в шарфе Александра, легко вдвоем перенесли оба рояля: розовый и накрытый накидкой, причем так аккуратно и ловко, что она почти не шелохнулась.

Осталось проверить, исправны ли микрофоны.

- Ууу! – прогудел в один из них Рэк. – Здравствуйте, уважаемые зрители! Вы хорошо меня слышите?

- Да! – отозвались бурдаланы и горожане.

- Я тот самый будалан, который подрался с самим Александром и так заполучил его пальто. Оно, как вы видите, и сейчас на мне! Теперь я не просто какой-нибудь бурдалан, а будалан в пальто Александра!

Подражая походке музыканта, бурдалан прошел несколько раз по сцене туда и обратно, прежде чем сойти с нее.

Вышло слишком вальяжно, но бурдаланы все равно приветствовали своего баловня звезд радостным «у-у-у!».

Зрители, собравшиеся задолго до представления, нетерпеливо ждали, когда закончатся, наконец, приготовления, и оно начнется.

Несколько раз они принимались аплодировать, все, даже неторопливые горожане, но любимые всеми пудели все равно появились на сцене в строго объявленное время.

Девочка и девушка в блестящих нарядах моментально наполнили, к восторгу бурдаланов, пространство над сценой мыльным пузырями, а когда они один за другим растаяли в воздухе, на сцену вышел собственной персоной Александр.

В руках он держал музыкальную консервную банку, в традициях бурдаланов разукрашенную разноцветными камнями.

Пианист ударил в нее несколько раз.

- Красивый инструмент, – похвалил он, - но нашим пуделям больше понравилось играть на другом.

Горожане злорадно захихикали.

А пудели, виляя хвостами, подбежали к созданному для них роялю и стали по очереди нажимать лапами клавиши.

Получилась простенькая мелодия, которая привела в восторг бурдаланов.

Некоторые даже стали напевать ее: «Ла-ла-ла» и пританцовывать на месте.

Мелодия становилась все сложнее. Она состояла уже не из трех нот, а из пяти.

- Надо же, какие талантливые собачки! – восклицали наперебой бурдаланы, но из Низины стали раздаваться и другие голоса:

- Собаки не могут быть умнее бурдаланов!

- Здесь что-то не так!

- Какой-то фокус!

- Давайте проверим, в чем тут дело!

В ту же минуту толпа бурдаланов оказалась на сцене и обступила рояль, трогая его, обнюхивая, а кто-то додумался открыть крышку рояля и закричал:

- Там мальчик!

Бурдаланы торжествующе подняли брыкавшегося Феликса в воздух и победно сотрясали им.

- Он дергал за веревочки, и поэтому рояль играл!

- Собаки не умеют играть на рояле!

- Нас обманули!

- Обманули!

Александр и Гайя тщетно пытались протиснуться сквозь живую стену к роялю с другого конца сцены.

Никто не хотел их слушать.

Бурдаланы были в ярости из-за обнаружившегося обмана.

- Мы знали, что собаки не могут быть умнее бурдаланов! – кричали они.

Обманутые бурдаланы гневно наступали со всех сторон. Глаза жителей Низины блестели от обиды, а рты скривились от злости. Так глупо разыграть их, прожженных бурдаланов, с этими собачками, а они-то и поверили!

Живые стены сдвигались вокруг гастролеров все сильнее, и вдруг в воздух поднялась рука с шарфом, некогда принадлежавшим Александру, и следом раздался зычный голос:

- Эй! Да что вы в самом деле! Ведь это же – искусство, а в искусстве все чуть-чуть понарошку!

- Конечно! – выдохнул с облегчением Александр. – Искусство. Чуть-чуть понарошку. Но что-то и в самом деле. По-настоящему. Сейчас вы услышите настоящее.

Под все еще недовольное и недоверчивое ворчание бурдаланов Александр подошел ко второму роялю, лучшему роялю лучшей студии роялей города, созданному Гайей специально для него.

- Прежде, чем я начну, вы можете заглянуть за крышку рояля, проверить, не сидит ли там еще кто-то, – примирительно предложил Александр.

Несколько бурдаланов, поднявшись под одобрительные возгласы сородичей, именно так и собирались сделать.

Но Гайя и Феликс сняли накидку с рояля, и бурдаланы ахнули.

Ахнули горожане, даже те из них, кому доводилось видеть снег в горах, но никто из них никогда и представить не мог, как может быть прекрасен простой заснеженный рояль.

В разряженной в пух и прах толпе Александр заметил вдруг Виолу.

Ее наряд так сверкал и переливался, что бурдаланши поглядывали на нее с завистью, а бурдаланы – с интересом.

Один из них, стоявший поблизости, даже ущипнул ее за ягодицу. Виола вскрикнула и хлопнула нахала по руке.

- Ах ты, цаца какая тут нашлась! – взревел бурдалан и схватил журналистку с явным намерением тащить ее к себе в пещеру. – Да ты хоть знаешь, с кем разговариваешь? Я тот самый бурдалан, который подрался с Александром и забрал его шапку!

- А ну отпусти немедленно даму! – сделал шаг к краю сцены Александр.

- А ну отпусти немедленно даму, негодяй! – подхватили бурдаланы, и их посрамленный сородич поплелся в пещеру один.

- Спасибо! – беззвучно прошептала Виола, с благодарностью глядя на Александра.

Одетая по моде бурдаланов, с ярко-разукрашенным лицом, она тем не менее казалась в этот миг беззащитной и нежной.

Успокоившись, зрители замерли в предвкушении прекрасного, и даже казалось, что их сердца бьются в унисон.

Александр видел, а скорее, чувствовал всех собравшихся сразу и каждого по отдельности.

Легкое беспокойство на лице Виолы, спокойная уверенность и восхищение в глазах Гайи и выражение какой-то внезапно открывшейся им сопричастности во взглядах будаланов.

Их лица были были одухотворенными.

Музыкант подошел к роялю, созданному специально для него.

Снег на его крышке был как настоящий, рояль – необыкновенной белизны, клавиши – черно-белые, но только наоборот: белые стали черными, а черные – белыми.

Единственным, кроме снега, украшением рояля была надпись на нем.

Название, точно сделанное синим инеем, – «Александр Голдин».

Александр вдруг заметил, как мелодично звучит его имя. Мелодично и мужественно.

- Спасибо, – улыбнулся Александр Гайе и закрыл на секунду глаза, уже зная, что будет играть.

Нет, не Моцарта, не Баха, не «24-й каприс» Паганини. Он будет играть сегодня то, что ближе всего ему самому, то, что он сумеет рассказать, касаясь пальцами этого фантастического рояля.

Он расскажет обо всем – о том, как случайно родился, о том, как часто чувствовал себя ненужным в том мире и как случайно попал в этот и встретил здесь свою любовь.

Снег был теплым и не таял, снег был восхитительно мягким и совсем не боялся этой вечной весны.

- Сегодня, – сказал Александр, – я впервые исполню для зрителей композицию собственного сочинения.

Он играл ту самую мелодию, которой будил инструмент в заснеженном лесу.

В ней было и предчувствие весны, и сбивчивый ритм первых капель, и пение птиц, и грусть о несбывшемся, и надежда, и радость, и любовь, готовая вот-вот прорваться сквозь ледяные прутья клетки, лететь над деревьями, над крышами. Но нет, морозы не хотели отпускать свою белоснежную отраду из холодного плена.

- Солнце, – чирикнула птица огромному кругу на небе, – растопи мою клетку своими лучами...

Вместе с птицей, взмывшей ввысь, взлетели ввысь и руки Александра над роялем.

Бурдаланы рыдали в голос, и грим сходил со слезами с лиц бурдаланш. Они не кричали, как в цирке «еще!», но глаза их говорили о потрясении, которое Амброзий называет красноречивым «метанойя».

Александр встретился взглядом с взглядом Гайи и увидел в ее глазах продолжение своей мелодии и не заметил, как расталкивая бурдаланов, Виола торопливо выбиралась из толпы.

2

По возвращении в гостиную таверны в облаке кофейного аромата Александра ждала Виола.

Она совсем не была похожа в этот день на охотницу за приключениями и чем-то еще непонятным, хотя, похоже, именно за всем этим, а вовсе не для того, чтобы попить кофе, и пришла сюда сегодня.

Вид у Виолы был какой-то растерянный. Она накручивала на палец прядь волос и, заметив вошедшего музыканта, как-то виновато улыбнулась.

Александр часто сталкивался с такого рода женщинами. Они напоминают охотниц семейства кошачьих, но охотятся часто не за мужчинами, а за чем-то неосязаемым, почти неуловимым, фактами, например, чему они отчаянно пытаются придать нужную форму. Но мир упрям и упруг, и у него свои законы.

Окружающие часто считают их прагматичными и правы, но, пожалуй, отчасти. Охотницы на мужчин ведут себя похоже, но цели у них другие.

Александр поймал себя на том, что Гайя не подходила ни под одну из известных ему категорию женщин, которых он давно классифицировал в своем сознании. И в то же время обладала лучшими чертами всех этих категорий, но собранные в ней одной они звучали особенно – уверенно и утонченно, пронзительно-нежно и головокружительно-ярко. Так звучит рояль на вершине горы или где-нибудь в заснеженном лесу.

Ее нельзя было отнести ни к интеллектуалкам, ни к милашкам, ни к светским львицам, ни к охотницам на мужчин, ни к охотницам на призраки, ни к феминисткам, ни к железным леди, ни тем более к злобным сплетницам. Нет, она была слишком собой. Слишком особенная.

Открытие Гайи было для Александра сродни открытию этого нового мира. Он чувствовал себя Кристофором Колумбом.

Виола так сосредоточенно смотрела в кофейную гушу, как будто собралась гадать на ней.

- Пришли за новыми фактами? – насмешливо спросил Александр.

- Факты сами обычно приходят ко мне,— ответила Виола. — У меня достаточно информаторов, и кто-то все время что-то сообщает о вас, я даже стала привередливой — выбираю самое интересное.

- Тогда зачем вы пришли?..

- Просто так... Зашла поблагодарить вас за то, что вы спасли меня от этого бурдалана. Страшно представить: если бы не вы, никто бы не пришел ко мне на помощь.

- Если бы не я, вы бы там вообще не оказались, — усмехнулся Александр.

- Не знаю, — как-то грустно улыбнулась Виола. — Я прежде бывала в Низине, но, конечно, не в таком наряде, — рассмеялась журналистка. — Не было повода. Так что мне удавалось до сих пор оставаться в их среде незаметной.

- Рад, что вас развеселил, — улыбнулся Александр, присаживаясь за соседний столик.

Неожиданная гостья вспорхнула в своем легком разноцветном платье со своего стула и опустилась, как бабочка с цветка на более желанный цветок — за столик Александра.

- Хотите увидеть то, что не видел никто никогда, кроме меня? — заговорщицки прошептала Виола, наклонившись через столик к Александру.

- Я заинтригован... — признался Александр, догадываясь, что речь идет о чем-то неординарном.

Другого ответа от вас я и не ожидала, — усмехнулась Виола.

- Вам не впервой предугадывать мои ответы, — усмехнулся Александр.

Виола быстро достала из сумочки легкую стопку сложенных вдвое листов и решительно и довольно, как главный козырь в игре, выложила ее на стол перед Александром.

- Что это? — спросил он.

- То, что вас, наверняка, очень заинтересует. Вырванные страницы из книги моей прапрапрабабушки Виолы Рерайт...

- Действительно, это очень интересно, — подвинул руку к листам Александр и встретился на этом недолгом пути с изящной рукой Виолы, украшенной кольцом с зеленым камнем. — А где сама книга?..

- Никто не знает, где она, хотя есть проныры, мечтающие ее найти...

- Разве эта книга в одном экземпляре?

- Может, не осталось ни одного. Только это... — глаза Виолы так блестели, что Александру показалось, такой взгляд способен поджечь бумагу. Он хотел было даже сказать ей об этом, но передумал. Одно неосторожное слово, одно неловкое движение — и он никогда не узнает тайну этого мира.

- Что же там? — затаив дыхание и не отдергивая руки, спросил Александр.

- Я сама почитаю вам. Только ... никто не должен слышать... Пойдемте наверх... – Виола потащила Александра наверх в его номер, видимо, успев вызнаться, где он находится, у Ардалиона. Не теряла ни минуты ожидания.

В этой сумасшедшинке было даже что-то неожиданно трогательное. Во всяком случае, Александр послушно следовал за Виолой и разгадкой, а может, новой загадкой в ее руке.

Он открыл перед ней дверь, и она уселась на подоконник, глядя сверху вниз на Александра, устроившегося на краю кровати.

Слетевшая туфелька покачивалась на изящной ножке, но Виолу это совсем не беспокоило.

– Я никогда никому это не показывала, – тихо произнесла Виола, – но тебе, я знаю, я чувствую, я могу доверять...

- Виола... – прервал Александр.

- Послушайте, Александр, – быстро-быстро зашептала она. - Здесь несколько страниц. И знаешь, мне кажется, это не фантастика... Это было на самом деле. Здесь, на этих нескольких страницах, то, что все мы знаем, чувствуем, о чем так или иначе догадываемся, но боимся признать. Но теперь с тобой мне не страшно ничего.

– Виола...

– Нет, ты послушай, послушай... Здесь разгадка всего...

Она торжественно развернула лист и, бросив взгляд из-под ресниц на Александра, начала читать...

«Что случилось с нашим миром и когда это произошло? Он так стремительно меняется, что, кажется, само время ускорило свой бег, хотя стрелки часов все так же медлительны.

Что стало с нами, горожанами? Неужели только проклятые вирусы во всем виноваты? Но ведь они появились не сами по себе. Никто иной как мы сами – причина их появления.

Но мы предпочитаем делать вид, что мы не причем. Нас как будто нет. Совсем как тот человек, которого не было. Он улыбался с афиш и экранов, махал рукой из своей машины, давал интервью налету, при этом был неуловим. Его называли не иначе как Восхитительный Эррис. Им восхищались и хотели быть похожими на него, ему беспрекословно подчинялись, а потом оказалось, его не было вовсе.

Представляю, как будут смеяться над нами потомки, узнав эту историю, которые, конечно, будут умнее и дальновиднее нас.

Эти, иные люди, которых не отличить от нас... Когда я была маленькой, я и представить не могла подобное. Более невероятным мне могло тогда показаться лишь то, что я стану великой писательницей.

Да, но только кто будет читать мои книги, если вскоре в мире останутся только сверхразумные, а все мы раньше времени окажемся в Долине Предков?

Сверхразумные совершеннее нас, они умеют читать мысли. От них уже не скрыться, и я стараюсь думать правильно, чтобы иметь возможность дописать эту книгу до конца. Надеюсь, у меня хватит для этого мудрости и опыта.

Когда-то, когда я жила у подножия гор, я услышала одну старинную легенду...

Однажды на рассвете цивилизации, когда люди не делились еще на эйю, горожан и бурдаланов, трем первым юношам явились три девушки.

– Выберите каждый одну из нас себе в спутницы, – обратились они к юношам.

Каждая из них была по-своему прекрасна.

Одна в длинном платье, сплошь расшитым золотом и в золотом шлеме, из под которого роскошными черными кольцами спускались волосы до поясницы. Ее властный взгляд звал за собой, а грациозные движения, как у пантеры, обещали изысканные наслаждения.

На плече у красавицы сидела жар-птица. Изящную длинную шею девушки, как роскошные змеи ствол сакуры, обвивали нити с разноцветными камнями. Руки тоже сплошь в драгоценностях. Красавица поманила тонким длинным пальцем за собой юношей, и один из них, не раздумывая, ринулся за ней.

– Ты выбрал в спутницы Славу, – сказала девушка. – Со мной ты будешь пребывать во всем блеске роскоши и величия, все вокруг будут восхищаться тобой. Мы будем жить с тобой в сверкающем дворце, и уже совсем скоро события твоей жизни сложатся в яркий калейдоскоп. Она взмахнула рукой и вдали и впрямь засияли чертоги. И юноша вместе со Славой пошел на их блеск.

Второму юноше вскружила голову другая красавица – с длинной белой косой до пола, стройным и одновременно пышным телом и взглядом, в котором как будто боролись две стихии – огонь и лед.

Щеки ее были румяны, а губы алы.

- Я выбираю тебя, – шепнул юноша, предвкушая горячие объятия красавицы.

- Со мной ты испытаешь всю палитру чувств, – пообещала девушка. – Следуй за мной, и ты познаешь глубины страсти и вершины счастья, ведь я Любовь. Вся наша жизнь будет дорогой, полной чувств.

Третьему же юноше сразу понравилась третья девушка, и чем больше он смотрел на нее, тем большую симпатию она вызывала у него. Ее, скорее, можно было назвать очаровательной, чем красивой, но, пожалуй, она была даже прекраснее Славы и Любви.

Ее голубые глаза мягко лучились надеждой и верой. Лицо усыпали задорные веснушки, а волнистые рыжие волосы украшал незабудковый веночек. Розовые губы не обещали неземных наслаждений и изысканных утех – к ним хотелось прикоснуться бережно, весь облик девушки излучал нежность и озорство, и безмятежность.

Юноша с улыбкой протянул руку девушке и произнес:

- Я хочу проделать свой путь вместе с тобой.

- Я ничего тебе не обещаю, – улыбнулась девушка, – только то, что наш путь будет светлым.

- Этого достаточно, – ответил юноша.

- И пары разошлись в разные стороны...

Юноша, последовавший за Славой к сверкающему дворцу, в начале пути пребывал в эйфории, которой, казалось, не будет конца.

Но потом ему стала казаться бесконечной сама дорога, которую то и дело преграждали то завалы камней, то топи, то непролазные заросли с дикими зверями, то клубки ядовитых змей.

Дворец то приближался, то вдруг отдалялся, казался совершенно недосягаемым.

Наконец, когда юноша настолько выбился из сил, что не мог больше сделать ни шагу, Слава сказала: «Мы пришли».

Юноша огляделся и стал тереть глаза от яркого блеска и от того, что не мог поверить своей удаче.

Он так и сказал своей спутнице:

- Не могу поверить своей удаче!

Птица, привычно дремавшая на плече красавицы, вдруг встрепенулась, испуганно захлопала крыльями и взмыла в небеса.

- Что ты наделал? – вскричала красавица, и злоба так исказила черты ее лица, что оно вмиг стало старым и безобразным. – Ты вспугнул Удачу. Как мы теперь без нее?

Слава стала безутешно плакать, и слезы ее превращались в драгоценные камни, а стены дворца – в воду и утекали вместе с ней.

Слава подняла с земли горсть разноцветных камешков, подбросила их со словами:

- Бесплезный мусор, он никогда не заменит ни талантов, ни трудолюбия!

Из этих и других камней юноша и его спутница стали медленно, но верно возводить Город. В его старой части еще можно встретить дома, сложенные из гальки и разноцветных камней...

- Я, действительно, видел такие дома в старом городе, – перебил Виолу Александр.

- Кто знает, может быть, в легендах больше правды, чем вымысла, – пожалала плечами Виола. – А вместе они и есть миф.

Второй юноша чувствовал себя самым счастливым человеком на земле, но так продолжалось недолго.

Дело в том, что у его спутницы так часто менялось настроение, что он совсем перестал понимать, какая же она на самом деле, его Любовь. Его стали мучать сильные головокружения, он часто не мог уснуть по ночам, а где-то под сердцем колело.

К тому же, оказалось, у его избранницы есть невидимые крылья, и она то неожиданно поднималась вместе с ним в облака, то так же неожиданно роняла его над пропастью, так что только каким-то чудом он оставался жив.

- Ты переменчива и многолика и ты совсем не такая, какой показалась мне сначала! – воскликнул однажды вконец измученный юноша. – Боль – твоя обратная сторона!

– Так и есть, – вздохнула Любовь. – Но боль ты причиняешь себе сам, когда ищешь во мне мои темные стороны. Я разная и обуздать меня не просто, а играть со мной опаснее, чем с огнем. В умелых и добрых руках он станет очагом в камине, а в неумелых или злых может сжечь целый мир. Со мной нужно быть осторожным, но смелым и добрым, а ты добродушен, безрассуден, невоздержан и смел, поэтому не вини меня за то, где мы оказались теперь. А пришли они в огромную низину, где копошились крысы в темноте, но во мраке им даже удобнее было предаваться чувственным наслаждениям.

Виола бросила на Александра плотоядный многозначительный взгляд и продолжала:

– Нарожав множество детей, однажды ночью Любовь исчезла из Низины, оставив юноше, избравшего ее когда-то, записку. В ней говорилось: «Я вернусь, когда здесь станет светло и чисто».

Но пока вокруг были сумрак, смрад и грязь. От свалившихся на него тоски и бессилия юноша начал пить забродившую воду, которую давали гнилые фрукты. От нее ненадолго ему становилось веселее и ему казалось даже, он забыл свою Любовь. Так юноша постепенно превращался в бурдалана....

Путь третьего юноши, который выбрал Радость, был легким и приятным. Нет, на нем тоже встречались дожди и ветра, но он принимал их с улыбкой, ведь после дождя пышнее цвели и становились еще более душистыми цветы, а ветер доносил до него порой и музыку, и прекрасные ароматы, и белый вишневый снег. А грозы открывали семицветные ворота в чарующий мир.

Радость оказалась на редкость интересной спутницей, в каждой травинке, в каждой песчинке ей открывался целый огромный мир, который она охотно делила с избравшим ее.

К тому же, обладая прекрасной интуицией, она обходила стороной и болота, и клубки ядовитых змей, птицы же, бабочки и белки сами садились к ней на ладони. Юноша с Радостью купались в водопадах, ели душистую лесную землянику, считали падающие звезды и иногда ловили их в ладони, и звезды превращались в стихи и музыку.

Юноша никогда не спрашивал, куда Радость ведет его, да это было и не важно, ведь само путешествие, каждый его день, каждый миг, были так прекрасны, что хотелось, чтобы они длились и длились, и длились...

Они шли через лес, через реку, через цветущие луга, через город и... снова оказались у подножия гор.

Здесь Радость ждала ее сестра – Любовь с огромным букетом полевых ромашек, а на дереве сидела жар-птица Удача, которая могла показать кратчайшую дорогу к Славе.

Но юноше больше приглянулись горы. Он с Радостью поселился у их подножия, у них родилось много красивых, умных и добрых детей, которые поселились повыше в горах, поближе к солнцу и стали первыми эйо...

Мы пошли за Славой, и пришли к тому, что скоро все мы можем оказаться на свалке.

Сколько раз уже повторялась эта история и сколько раз повторится еще, может быть, знают старые домики из гальки и разноцветных сверкающих камней в Старом Городе. Может быть, они и знают, но я нет, и я завещаю своим потомкам, если кто-то из них когда-то прочитает эти строки, чтобы они сделали все для того, чтобы люди развивались духовно быстрее, чем развивается техника...

Я завещаю своим потомкам следовать за радостью, стараться находить ее в каждом мгновении жизни, в каждом лепестке, в каждом дуновении ветра.

Я не верю, что наша цивилизация исчезнет, хоть то, что происходит сейчас, то, к чему мы пришли, убеждает в обратном... Люди боятся лишней раз выходить из дома, а всю работу за них делают прямоходящие машины, и люди в этом мире, которым завладели металл и вирусы, стали попросту не нужны.

Я верю, однажды придет герой, который проложит дорогу другим, человек с открытым, смелым сердцем, истинный первооткрыватель, именно он сделает то, что не смогли сделать другие. Он преобразит этот мир своим примером и отправится в иные, более прекрасные края, в долгий и трудный путь. Но только такой путь приводит к истинному счастью и истинной любви.

Жаль, мне не дожить до тех времен. К несчастью, а может, к счастью, машины уничтожили лабораторию долголетия, а ведь, подумать только, не случись этого, я и мои потомки смогли бы прожить восемь тысяч лет, и это, говорили ученые, далеко не предел. Жить можно почти бесконечно.

Но куда важнее прожить жизнь достойно, очистить свои помыслы от грязи.

Чистота дороже слитков желтого металла. Так было и так будет всегда, что бы там не возражали по этому поводу бурдаланы. Океан – вот воплощение огромной... нет, бесконечной чистоты, которую каждый может найти в глубине своего сердца.

Мне повезло. Я прожила насыщенную интересную жизнь.

Жалею ли я о чем-то в свои сто двадцать лет? Пожалуй, да... О том, что не нашла дорогу к океану.

Я нашла это под вишней еще девчонкой, когда работала в саду возле дома, – сказала Виола. – Я как будто услышала голос своей прапрапрабабушки, он обращался ко мне через время. Страницы книги, которую никто так и не нашел, были свернуты в свиток и вложены в бутылку, как будто она торопилась спрятать это завещание. Да, я думаю, это именно завещание, и оно обращено ко мне... И ... я сделала все так, как велела моя прапрапрабабушка... Только... мне пришлось признать... я не смогу заставить людей развиваться духовно быстрее, этого не могут сделать даже эйо. Но я могу замедлить технический прогресс. Для этого нужно было не так уж много... Ввести и поддерживать моду на ретро и заставить моего младшего брата, который по праву считается величайшим ученым современности, бесконечно сомневаться в своих способностях, чтобы его опыты продвигались как можно медленнее...

- Виола... не слишком ли много вы взяли на себя? – осторожно заметил Александр, машинально накрыв ладонью ее запястье.

- Возможно, Александр, возможно... Но теперь, мне кажется, можно немного и ускорить технический прогресс, ведь с вашим появлением наш мир сделал огромный скачок в своем культурном развитии. Ваша музыка облагородила его, я слышала, даже бурдаланы теперь заглядывают на ваши концерты.

- Ну, это было всего раз, – засмеялся Александр.

- Не важно, это только начало, – уверенно предрекла гостя.

- Слушатели уже, наверное, собрались в гостиной, – спохватился Александр и, многозначительно показав взглядом на сверток в руке Виолы, добавил. – Спасибо, что показали мне это... Я провожу вас до выхода или, может, останетесь на музыкальный вечер?

- Нет... спасибо... как-нибудь в другой раз, – расстроено слезла с подоконника прапраправнучка великой писательницы.

Виола Рерайт-младшая в этот раз оказалась отменным предсказателем. На концерт пришли не только горожане, но и несколько бурдаланов – тех самых, которые затевали все безобразия и о которых чаще всего писала «Газета», так что Виола даже знала их по именам – Рэк и его дружки Фат и Бат.

- Смотри-ка какие ножки, – увидев Виолу, присвистнул бурдалан в пестром шарфе, который когда-то отнял у Александра.

Другой горделиво красовался в его шапке.

- Эй, милашка, хочешь бражки? – тщетно пытался он привлечь внимание Виолы, но она недовольно покосилась на обоих незадачливых ухажеров, об уме которых, по всей видимости, не была высокого мнения и быстрее направилась к выходу, увлекая за собой Александра.

На пороге она резко остановилась и, приблизив лицо к его лицу, чтобы больше никто не мог их слышать, зашептала быстро-быстро:

- Александр, ведь это о вас писала моя прапрапра... Она все предвидела... Великим дан этот особый талант – талант предвидеть. Она знала... «Герой, который проложит дорогу другим, человек с открытым, смелым сердцем, истинный первооткрыватель». Все факты сходятся. Разве вы не видите? Александр, возьми меня с собой, в свой удивительный мир, я буду помогать тебе во всем, чтобы сделать его еще лучше.

- Я... я не могу, – взял руку Виолы в свою Александр. – Я даже не знаю, вернусь ли я в свой мир, и если вернусь, то когда.

-Я так и знала, – зло рассмеялась Виола. – Что ж, зато я узнала то, что хотела.

Виола вздернула подбородок и резким движением головы отбросила пышные волосы назад...

- Прощайте! Провожать меня не надо!

«Появление этой дамочки обычно к шумихе», – говорят горожане.

Но в этот раз никакой сенсации не последовало, а место Александра на первой полосе заняли разноцветные пудели.

3

Александр не раз замечал, когда его что-то тревожит или расстраивает, играет он от этого только лучше. Как будто сама музыка пытается его успокоить, ободрить. Все люди, которые жили, живут или будут жить на Земле, страдали так или иначе, а Музыка... Музыка вечна.

В этот вечер причин для тревоги и расстройства было две.

Во-первых, он совсем не хотел обидеть Виолу, но все же невольно причинил ей боль и из-за этого чувствовал себя виноватым.

Во-вторых и в главных, Гайя пропустила уже несколько его музыкальных вечеров подряд.

Зато в таверну снова заглянули Рэк с друзьями. Он расплачивался сразу за всех талантами, найденными на Свалке.

Кто-то из горожан пытался было возразить, что талант-то один, да и то сомнительный, а зрителей трое, но Александр снова встал на сторону бурдаланов и перетянул туда Ардалиона.

– Вещи три, значит все правильно, – твердо сказал хозяин таверны. – Он заплатил одним талантом три раза.

Горожанину стало стыдно за то, что он так плохо знает арифметику талантов, и больше ни он, ни кто другой вообще не обращали внимания на бурдаланов – как будто им, нечесаным и немытым, самое место на вечере фортепианной музыки.

Рэк слушал сосредоточенно и молча, Фат – слегка рассеянно, а Бат – с придирчивым видом и во время паузы иногда вставлял что-то вроде «так и я бы смог, если бы захотел» после того, как кто-то из горожан бросал что-то вроде «просто гениально!».

Александр после концерта в Низине не так тщательно, как прежде, заботился о репертуаре, и помня, что бурдаланам пришлось по вкусу музыка его сочинения, иногда вставлял между Чайковским и Моцартом что-нибудь свое и даже не чувствовал себя при этом распоследним самозванцем.

4

Окончательно уверившись, что с Гайей что-то случилось, Александр отправился в студию дизайна роялей.

Уже знакомый ему молодой сотрудник как будто ждал его визита.

- Проходите, Александр. Ваш рояль ждет вас. Мы привезем его, куда скажете.

- Но... как же ... – растерялся Александр. – Ведь у меня же еще нет гения...

- То есть как это нет гения? – ни то удивился, ни то возмутился сотрудник дизайн-студии. – Все вокруг только и говорят о новом гении – Александре Голдине. И мы ждали, что вы со дня на день...

- Вы хотите сказать, что я могу теперь купить заснеженный рояль? – не поверил Александр.

- Конечно! – довольно заверил его сотрудник.

- Тогда идемте скорее... Правда, я не знаю пока, куда его отвезти, в таверне, где я остановился, уже есть рояль.

- У вас есть гений, а вы по-прежнему живете в таверне? – спросил молодой человек, а выражение его лица в это время говорило «у гениев свои причуды».

- Да... Вы правы... У меня есть гений... У меня же есть гений? Значит, я могу теперь жить, где захочу: в Городе, в Старом Городе...

- Конечно, вы даже можете купить свою оранжерею.

- Что ж, я готов оплатить...

- Идемте...

Молодой человек провел Александра в огромный зал, заставленный роялями. Некоторых моделей уже не было, но появились другие – в форме открытой коробки конфет, недописанного пейзажа на мольберте, а на одном рояле

художник изобразил Старый Город. В центре всего этого многообразия белел заснеженный рояль, тот самый, на котором он давал концерт в Низине, как будто только и ждал Александра, и музыкант, действительно, направился к нему, но в нескольких шагах от него остановился. Сейчас он сядет на вращающуюся табуретку, коснется клавиш и волшебство рассеется. Он снова окажется в заснеженном лесу, и обратно уже не будет дороги, в этот мир, где Гайя, где скрипка спасает от запаха черемухи...

–А можно мне... – обернулся Александр, – сыграть на другом рояле? На том, который вы мне предлагали в прошлый раз...

–Хорошо, – удивленно пожав плечами, согласился молодой человек. – Нам по большому счету все равно, на каком рояле вы дадите нам гениальный концерт.

Молодой человек подозвал жестом других сотрудников, как и он, одетых в белые костюмы с малиновыми бабочками-галстуками, и все вместе они отправились готовить зал к выступлению.

Через несколько минут на сцене в нем во всей красе блистал рояль.

Вместо кресел в зрительном зале были разбросаны по полу разноцветные бархатные подушки.

Их было не больше пятнадцати, и вскоре почти все они оказались заняты сотрудниками дизайн-студии.

Последней в зал вошла Гайя в длинном зеленом бархотном платье, как будто сошедшая с иллюстрации к сказкам Бажова.

Улыбнувшись особому гостю, она с грацией ящерицы разместилась на подушке такого же малахитового оттенка, как ее наряд.

Играть в узком кругу, даже если в нем больше незнакомых лиц, Александру всегда было легче.

Часто он выбирал в зале только одного зрителя, играл для него одного, и сегодня он будет играть для Гайи.

- Здравствуйте, уважаемые зрители, – обратился музыкант к залу, глядя на нее. – Что вы хотели бы сегодня услышать?

- Александра Голдина, – ответила Гайя за всех, и ее коллеги одобрительно закивали.

- Да. Голдина. Александра Голдина.

- Пусть сегодня будет много Голдина.

- Голдина значит Голдина, – покорно сел Александр за рояль.

Он начал со своей первой пьесы, которую сочинил еще подростком, у нее раньше не было названия, а теперь оно вдруг родилось как будто ниоткуда. Если есть, конечно, это ниоткуда. А может, ниоткуда это все? Все и сразу – вся красота, которую разносит по венам Вселенной вдохновение?

– «Я ищущ твой мир», Александр Голдин, – вполголоса объявил сам себя Александр.

С первых тактов он уже чувствовал, знал наверняка, что этот рояль принадлежит ему, создан для него, так же как друг для друга созданы они с Гайей, но почему-то оказались в разных мирах, но его светлый Ангел, ему известны все пути-дороги, и что бы ни случилось, он снова приведет его туда, где снова и снова он выберет свою синеглазую Радость, а она, конечно, выберет его...

Мелодия сменяла мелодию, как будто осыпались лепестки в саду, оставляя самую суть.

В какое-то мгновение, оторвавшись от рояля, Александр мельком посмотрел в зал и обнаружил, что они с Гайей остались в нем одни.

Его пальцы нащупывали в черно-белом пространстве новую мелодию, мелодию любви, посвященную ей, Гайе, облекали звуки в цвета – нежно голубой и много золота, не бурдаланского металла, а сияния.

Гайя неслышно встала, подошла к роялю и положила руки на плечи Александру. Они стали единым целым – он, она и Музыка над ними. Музыка на нежном пиано достигла своего апогея – Тишины.

– Вы гений, Александр Голдин, – мягкой и незыблемой уверенностью прозвучал в ней мелодичный голос Гайи. – Вы преобразили этот мир, сделали то, что до сих пор не смог сделать никто.

- Мы сделали невозможное вместе, – Александр бережно притянул к себе Гайю, внезапно обнаружив, что целует ее нежно, страстно, и она, как клавиатура рояля, отзывается прекрасной музыкой на каждое движение его рук, и вдруг профиль любимой стал таять, таять, таять...

Заснеженные кроны упирались в небо, а снег ложился на поднятые к нему ладони, как будто утешая: «С возвращением».

(ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...)

Вероника Тутенко

ЗАСНЕЖЕННЫЙ РОЯЛЬ

ЧАСТЬ II

ГЛАВА 2

Возвращение

Остаток зимы, весна, лето и осень прошли какой-то странной чередой метаморфоз. Мир, куда вернулся Александр, уже не казался ему привычным и правильным.

Даже такое обыденное событие как покупка нового пальто напоминало о безвозвратно потерянном им мире.

Выбирать не было ни настроения, ни желания.

Александр купил первое приглянувшееся пальто, хоть оно и оказалось заметно велико.

«Рэку это пришлось бы впору», - усмехнулся Александр. Даже воспоминания об этом неотесанном бурдалане, так недружелюбно встретившим его в первый день его пребывания в Городе со своими друзьями, вызывали в нем теперь чувство сродни ностальгии.

Еще немного, и, может быть, они бы вместе пили брагу на брудершафт.

Здесь все было сложнее, чем там, где он недавно побывал. Сложнее и как-то суровее, что ли.

Здесь он снова стал потерянным, ненужным.

В том мире у него был целый гений, который — ни больше ни меньше — мог спасти целое племя бурдаланов от самих себя.

В том мире осталась его любовь, с которой, может быть, он не встретится уже никогда, ведь он не знает дороги обратно.

Александр порой отчаянно скучал по тому миру, где детям разрешается разговаривать на улице с незнакомыми взрослыми, исключая, разумеется, бурдаланов.

Весной Александр едва не порвал окончательно связь с окружающим миром. Пандемия загнала в on-line и музыкантов.

Руководству Дворца культуры, где работал Александр, приходилось изобретать какие-то новые виртуальные форматы, которые категорично не нравились ему.

Экраны мониторов отгораживали от зрителя, мешали музыке дышать. С таким же успехом можно целоваться в масках. От отчаяния Александр даже

снова погрузился в сочинительство. Все равно никто никогда не услышит этих мелодий.

Он с удовольствием сыграл бы для Гайи, он отважился сделать это. Но здесь, в этом мире, захваченном неизвестными вирусами, играть на камеру он совсем не хотел. Тем более свои мелодии.

Конечно, Моцарт и Бетховен, Чайковский и Свиридов способны пробить и не такие стены, для гения нет ничего невозможного, но он, Александр Голдин, — обычный человек, заблудившийся в мирах, один из которых, скорее всего, даже не существует, а другой в последнее время ему решительно не нравится.

Как бы то ни было жизнь продолжалась. Зритель снова возвращался в концертные залы, и это не могло не радовать Александра.

Что такое музыкант без зрителя? То же самое, что музыка без музыканта.

Зимой воспоминания о заснеженном рояле нахлынули с новой силой, а любая такса на улице заставляла сердце выстукивать рваные ритмы ...

Оказалось, в городе много такс и все не те.

А перед самым Новым годом, проходя мимо какого-то магазинчика с названием «Богема», Александр вдруг увидел в его витрине домики, очень похожие на те, что стоят где-то в Старом Городе. Только там их окружает вечное цветение, а здесь - подобие снега — вата, щедро усеянная блестками...

- Простите! - ворвавшись в магазин, с ходу спросил Александр. - Кто автор этих работ? Я хотел бы купить их, - показал он, как бурдалан, прямо пальцем на домики из неприметных серых камешков в сочетании с яркими самоцветами.

- Сейчас посмотрим... - удивленно посмотрела на него девушка и открыла витрину. Перевернула вверх дном один домик, другой, третий. - Странно... - поставила их на место. Почему-то не указано имя художника и цены тоже нет нигде. Вы знаете, я просто продавец, и здесь совсем недавно, - точно оправдывалась девушка. - Хозяйка привозит, а я продаю. Но если вам важен этот момент, я могу узнать у нее. Вот, возьмите, - она взяла со стола и потянула Александру визитку.

Девушка торопливо нашла в мобильном нужный номер. Вздохнула.

- Не доступен. Позвоните завтра, я узнаю имя автора.

- Спасибо большое.

Расстроенный, под сочувствующим взглядом продавца, Александр вышел на улицу. Еще немного, и его начнут считать городским сумасшедшим.

А, может, он, и правда, начинает сходить с ума. Может, заснеженный рояль, все эти бурдаланы, эйо и горожане с их собаками и тараканами просто-напросто приснились, ну или привиделись ему? Приснились наяву.

Значит, и Гайя тоже? Нет, Гайя привидеться, присниться не могла. Гайя точно есть — не важно — в этом ли, в другом мире. И думать иначе — значит предать ее.

На следующий день Александр едва дождался, когда стрелки часов сойдутся на цифрах, означающих, что наступило 9 утра. Уместнее, предписывает деловой этикет, звонить, когда они достигнут отметок, означающих, что уже 10, но Александру было не до правил.

- Простите, - смущенно сказала девушка. - Я не могу назвать вам имя автора. Художник пожелал остаться неизвестным. И сами работы не продаются, их просто поставили украшать витрину перед Новым годом...

- Спасибо... - тиканье часов медленно возвращало Александра в реальность.

Какой-то абсурд.

Художник скрывает свое имя. Хотя ведь не так давно и сам он тщательнейшим образом, как вор, укравший звуки, скрывал от слушателей свои произведения до тех пор, пока...

Александр сжал веки ладонями. Воспоминания давили изнутри. Слишком, слишком яркие воспоминания — сбывшиеся мечты о невозможном.

Единственной нитью, связывающей Александра с тем волшебным, открывшимся ему ненадолго миром, была музыка. И Александр Голдин сочинял, неистово, порой ночи напролет, будоража соседей, превращавшихся иногда в настоящих бурдаланов, в ту пору, когда те ненавидели музыку, исключая звуки, издаваемые консервной банкой.

Все свободное и несвободное время Александр отдавал роялю. Только в конце зимы коллеги вырвали композитора из красивого заточения.

Коллектив вдруг решил, что давно не собирался вместе, и теперь, когда наконец снова открыты для посещений залы развлечений, пора хоть на время забыть о проблемах за каким-нибудь монотонным, но веселым занятием.

- Так что стоит отметить заранее сразу и 23 февраля, и 8 марта нашей дружной творческой семьей, - провозгласил босс.

Потом снова пойдут корпоративы. Многих из артистов, и Александра в том числе, уже ангажировали, и он снова не будет видеть лиц за сверкающей стеной музыки.

А пока работники Дома Культуры, проголосовав в корпоративном чате, решили отправиться в боулинг-клуб. Правда, пришли далеко не все. Одни посчитали, что слишком серьезны и образованны для такого занятия, другие – что не так уж молоды для него.

Александр решил пойти. Не то, чтобы боулинг нравился ему. Александр и играл-то в него прежде всего пару раз, тем не менее он надеялся, что это занятие вернет его в привычный и знакомый мир людей, но почему-то разноцветные шарики, напротив, постоянно напоминали ему цирковых пуделей, бурдаланов с последних рядов, розовый рояль в Низине и мыльные пузыри высоко в горах...

2

...Стройное бедро отставленной назад ножки вытянулось с голенью в длинную прямую, изящество которой подчеркивал бронзовый блеск колготок. Здоровый блеск излучали и волнистые, темные, густые локоны, спускавшиеся ниже поясицы, прикрывая неплотной завесой тонкую талию и пышную грудь. Розовый шарик, приостановился, точно раздумывая, и неожиданно скатился в сторону под обращенные к нему нетрезвые возгласы:

- Эй!

- Куда!

- Вернись!

У бросившей розовый шар красавицы в черном коротком комбинезончике, щедро отделанном разноцветной бахромой по бокам, улыбка не скрывала досады.

-Бери салатный шарик! – советовали ей.

-Нет, оранжевый! Он счастливый!

Красавица взяла салатный шарик.

Обогнав катившийся по соседней дорожке розовый , в этот раз он, действительно, достиг цели и принес красавице и всей команде вожделенную победу.

- Что ж! – поднял в воздух вожак всей собравшейся стаи и особенно и в частности выигравшей ее части в воздух стаканчик с бренди и провозгласил. -

Что ж, друзья, первая игра показала, что управленцы работают хорошо, а артисты – не дорабатывают.

- Вы неправильно назвали свою команду! – крикнул обиженный флейтист, выпивший достаточно для того чтобы грубить жожаку. – «Управленцы» – созвучно «бюрократы» и «чинуши» и вообще – «головотяпы»! Да, головотяпы! Так и нужно было вам назвать свою команду! А мы – креативщики!

Красавица в комбинезоне с бахромой, бухгалтер Лена, неожиданно медленно перешла на другую сторону стола.

Высокая пышногрудая блондинка. В концертном платье, чтобы заслужить аплодисменты, ей достаточно было бы просто выйти на сцену. Она сама произведение искусства.

«Губы как у бурдаланши», - некстати подумал Александр и рассмеялся.

Узнала бы Ленка, что его рассмешило, решила бы, что он сошел с ума, и, может быть, оказалась бы права.

Рыжая такса, заснеженный рояль, часовщик, бурдаланы и эйо — разве могло все это случиться с нормальным человеком, даже с человеком искусства? Наверное, нет, но это случилось, и в это никто некогда не поверит.

А что если взять и вот так рассказать все Ленке?

Александр даже снова рассмеялся от этой мысли, представив, как взлетают ее нарощенные ресницы к невысокому лбу. А в памяти всплыло стихотворение...

- «Наш мир застыл, как муха в хрустале.

Он хрупок и прозрачен, как бокал,

а я, как бурдалан, навеселе.

Я даже пьян. Я дерзок. Я устал.

Бокал разбить так просто невзначай.

Над бездной, на столе он, на краю.

Проснусь и утром выпью свежий чай.

Я устою над бездной. Устою», - продекламировал Александр.

Неожиданно стихотворение Ленке понравилось.

- Чьи это стихи? - спросила она.

- Одного талантливого мальчика. Мы ездили с ним в Низину к бурдаланам.

- К кому, к кому?

- Дикое племя такое... Они выглядят вот примерно вот так... Бууу! - сказал Александр и соорудил страшную рожу.

- А-а, тогда я их уже боюсь, - решила подыграть Лена. - Они, наверняка, кровожадные, эти твои бурдаланы?

- Они ненавидят собак, но уже не всех, и убивают птиц. Людей, тех, кто живет в Городе, они тоже недолюбливают, но, правда, не убивают, а грабят.

- В нашем городе, знаешь, сколько таких бурдаланов?..

- И еще он все время пьют.

- Значит, и мы с тобой тоже бурдаланы?

Ленка легонько толкнула его кулаком под дых.

- Ленк, да я серьезно. Я об этом вообще никому не рассказывал. Только тебе. И только потому, что пьян.

- Я польщена, спасибо за доверие, - пьяно протянула Лена, плотоядно улыбаясь.

- Я так и знал, что ты мне не поверишь. И никто не поверит, как бы ни был пьян.

- Я верю тебе, - пододвинулась ближе Лена. - Почитай-ка мне еще стишок про бурдаланов. Кстати, где они живут?

- Они живут... - Александр развел руками. - Я не знаю даже, где это. Где-то в другом измерении... И бурдаланы, и горожане, и эйо.

- Эйо? Это тоже пьяницы вроде нас?

- Нет. Совсем наоборот. Эйо — полная противоположность бурдаланам. Они любят спать на земле под дождем и ходить босиком по камням.

- Бурдаланы мне нравятся больше.

- Я знал одного человека, из бывших бурдаланов, ставшего эйо. Он считает, что все бурдаланы могут стать однажды эйо.

- Как это... банально, - закатила глаза Лена и притянула Александра к себе за галстук. - А как ты к ним туда попал? На летающей тарелке что ли?

- Ха! Так написали в «Газете»!

- Какой ты у нас знаменитый, - Лена укусила кончик галстука Александра, испачкав его помадой.

- Но на самом деле все было иначе. Я пошел за собакой, и она привела меня в лес. А там был заснеженный рояль, и вот...

- А ты мне... сыграешь на заснеженном рояле?- приблизила Лена губы к губам Александра и закрыла глаза.

Он отвернулся от нее, отобрал измусоленный галстук — фиолетовый в красной помаде.

- Да неет... - протянул он, прищурившись. - Ты мне, конечно, не веришь. Ты думаешь, это выдумки. Заснеженный рояль и Амброзий, и Ардалион, хозяин таверны, где я...

- Таверна, я думаю, правда. Но хватит... это уже не смешно. Ты сегодня какой-то странный.

- Странный не я, - закричал Александр. - Весь мир наш какой-то странный и не только сегодня. Никогда не замечала? Мы даже хуже и глупее бурдаланов! И вся наша жизнь — какой-то абсурд! Мы довели себя до пандемии и ходим в намордниках, как псы. Мы поклоняемся даже не слиткам из желтого металла, а бумажкам с цифрами на них. Да любой бурдалан бы смеялся над нами до слез! А наше искусство? Во что превратилось оно? Песняшки, которые впору петь под аккомпанемент консервных банок...

- Мы хуже бурдаланов, а ты у нас великий музыкант. Может быть, гений? - вскипела Ленка, продолжая наступать, но уже не игриво и страстно, а мстительно, грозно. - Вали-ка ты тогда отсюда... в лес! Играй там на заснеженном рояле. А мы тут будем играть как нормальные люди. Да! Играть в боулинг, петь, веселиться. Пить бренди и мартини и закусывать пиццей, нагетсами и сырными палочками!

Ленка злобно сгребла со стола горсть сырных палочек и демонстративно затолкала их себе в рот, окончательно испортив макияж.

- Да пошел ты... в лес!

Шатаясь, Александр вышел на улицу.

Город недоуменно смотрел на него разноцветно горящими окнами. На исходе зима, угасает надежда на чудо.

Александр обмотался колючим шарфом, попытался застегнуть пальто, но не смог.

Вызвал такси кое-как.

Через десять минут к боулинг-клубу подъехала белая «Лада».

- Станционная? - спросил водитель.

- Нет! - забрался в такси Александр. - Я передумал ехать домой. Отвезите меня в лес!

- В какой такой лес?

- В Горелый лес, на окраине, за Чайковского, в тот лес.

- Слышь, мужик. Мне приключений на мою голову не надо, да и на твою не советую. Значит, так. Или везу тебя, как заказывал, на Станционную или вылазь вызывай другое такси.

- На Станционную... - сник Александр.

3

Новый день начинался неважно. Зеркало не пощадило Александра.

Отражение словно смеялось над ним, открывая неприглядную истину: с утра он был похож на бурдалана. И чувствовал себя соответствующе.

Лицо его совсем не украшали огромные мешки под глазами, прибавляя лишних лет десять — не меньше. А ведь ему тридцать шесть, лучшее время.

Александр всматривался в зеркальную гладь, увидев себя впервые после целого года разлуки. Кто он? Молодой мужчина, все так же хорошо сложенный, но слегка заросший.

Уши не такие маленькие, как у эйо, и не такие огромные, как у бурдалана — средние, как у обычного горожанина.

И губы тоже не тонкие, но и не слишком толстые. Брови прямые, широкие. Лоб высокий, почти как у эйо. Глаза карие, довольно крупные, глубоко и близко посаженные. Шея мощная, как у бурдалана, а руки изящные, как у эйо и всех ему известных пианистов.

Встречу с собой преврал звонок мобильного.

- Ну как ты, после вчерашнего, жив? - спросил голос Лены.

- Никак, - грубо ответил Александр, и девушка нажала отбой.

В другое время ему, возможно, было бы проще уступить, но теперь...

Да и вообще в такой день лучше даже не выбираться из дома, не пугать понапрасну своим видом соседей, но в холодильнике закончилась еда.

Неохотно одевшись, Александр вынес себя на улицу и у подъезда мигом взбодрился. Его встречала, виляя хвостом, та самая собака.

- Привет, дружище! - обрадовался он. - Побежали!

Сегодня же тот самый день! Двадцать первое февраля!

Да. В этот день опять случится чудо. И это чудо называется заснеженный рояль.

День продолжался прекрасно.

ГЛАВА 2

В БУРДАЛАНИИ

1

Александр побежал к роялю, проваливаясь в снег — сугробы как будто хотели удержать его здесь среди дубов, но зачем-то он снова понадобился тому миру, и ничто его не остановит.

Закрыв в предвкушении глаза, пианист разбудил озябшие клавиши, заставил их поверить в приближение весны.

Единственное, что слегка пугало Александра, - это запах черемухи.

Но в этот раз он почему-то не был таким навязчивым, напротив, - изысканным и нежным.

Александр открыл глаза — черемух не было в помине.

Пышным розовым облаком его окутывала сакура, и это расстроило музыканта.

Неужели заснеженный рояль перенес его совсем не в тот мир, куда он так желал вернуться?

Чтобы выяснить это поскорее, Александр поспешил выбраться из этой пены, которой в другое время, конечно, стоило бы подольше полюбоваться, но только не здесь, не сейчас...

2

По дороге растянулась праздничная колонна — одни ехали на велосипедах, другие — на украшенных лентами экипажах.

Кто-то в толпе узнал Александра:

- Смотрите! Пришелец вернулся!

- Александр! Александр вернулся! - прокатилась новость по шествию.

- Поехали с нами на праздник, Александр!

- Ему протянули руки из экипажа, и он запрыгнул в него на ходу.

Праздничный поток нес Александра в сторону Низины.

Обе стороны дороги, ведущей к бурдаланам, украшали теперь поля ирисов, среди которых, как много солнышек на небе, желтели нарциссы.

На месте таблички с надписью «Низина» теперь встречала гостей другая - «Княжество Бурдалания».

Прежнее название теперь казалось бурдаланам неблагозвучным и чем-то даже унижающим достоинство бурдаланов.

Бурдаланы же называли теперь себя бурдалане — так, по их мнению, было благозвучнее, и просили горожан, чтобы те теперь именовали их так же, особенно в «Газете».

Крысы каким-то образом исчезли из новоявленного княжества, при этом бурдаланы дружно уверяли: никто бы не додумался их убивать, столько лет бывших верными спутниками жителям Низины.

В их новых домах и появившихся будках возле них теперь жили собаки. Кое-кто обзавелся и козами, не горными, конечно, но молоко у них оказалось питательным и вкусным — гораздо более подходящей пищей, чем падаль, которой они питались прежде.

Даже запах в княжестве Бурдалания витал не тот, что в Низине — зловоние уступило место аромату луговых трав.

А в центре, рядом со сценой был заложен фундамент чего-то фундаментального.

Жители Низины выглядели теперь заметно опрятнее. Мужчины-бурдаланы отрастили бородки, а женщины всеми доступными им способами уменьшали теперь верхнюю губу (нижняя при этом оставалась такой же пухлой) и выглядели как двоюродные сестры Виолы, которая хоть и не считалась у бурдаланов баловнем звезд, но была со всеми ими так или иначе знакома, что также весьма и весьма почетно.

И ведь это именно она поведала им об Александре.

В Низину приезжали теперь с концертами Платон Соловьев-Ветров и Майя Карповна Зеленцова. И только Скрипичный упорно сторонился бывшей Низины и даже составил завещание, чтобы, когда он отойдет в Долину Предков, его статую украсила надпись:

«Он всегда служил настоящему, а не бурдаланскому искусству».

И через некоторое время он, действительно, внезапно отправился к предкам от обиды на невежество горожан и зла на весь мир. И его статую украсила сочиненная им эпитафия.

Александра в его отсутствии бурдаланы удостоили звания почетного гостя княжества Бурдалания. Пока этим редким титулом во всей Вселенной могли похвастаться только двое.

Звание почетного гостя Бурдалании присудили и эйо Амброзию.

Бурдаланы сочинили гимн и теперь с нетерпением и волнением ждали момента чтобы впервые исполнить его. И вот этот день настал — официально провозглашенный День гимна Бурдалании.

- Дорогие бурдалане и уважаемые гости! - громогласно приветствовал публику с главной сцены Бурдалании, стоявшей на том же месте, Фат, шею которого обвивал шарф Александра так небрежно и дерзко, что казался таким же продолжением его самого как тщательно уложенные упругими кольцами, а некогда топорчащиеся, волосы. - Не будем долго тянуть с тем, для чего мы все здесь собрались, ведь вам не терпится услышать гимн великой Бурдалании так же, как нам хочется поскорее исполнить его!

Безумная Марта, которую теперь звали просто Марта, торопливо села за рояль.

Голосистые бурдаланы поднялись следом за ней на сцену и выстроились в хор.

- Я гордый бурдалан, потомок бурдаланов, - затянул солист.

Мой сын, мой сват и брат – мы все одна семья.

Пусть я сегодня пьян и завтра буду пьяным –

Никто не сможет стать таким же как и я.

- Никто не сможет стать таким же как и я, - подхватили другие певцы.

- Люблю я горячо, но не прощу измену.

За что я ни возьмусь, все-все мне по плечу.

Мне горы по плечо и реки по колено.

И даже бошу пить я, если захочу.

- И даже бошу пить я, если захочу, - разнеслось по Бурдалании.

- Я гордый бурдалан, потомок бурдаланов.

Мой сын, мой сват и брат – мы все одна семья.

Пусть я сегодня пьян и завтра буду пьяным –

Никто не сможет стать таким же как и я.

Никто не сможет стать таким же как и я.

Всем, включая Александра, гимн очень понравился, и только Амброзий сначала попросил, а потом, когда бурдаланы заупрямились, потребовал переделать несколько слов в тексте, поскольку они противоречили главной добродетели эйо.

Из уважения к Амбросию бурдаланы неохотно, но все же согласились внести изменения в гимн и, посоветовавшись, через некоторое время снова поднялись на сцену и выстроились в шеренги. Слова гимна теперь звучали следующим образом:

Я смелый бурдалан, потомок бурдаланов.

Мой сын, мой сват и брат – мы все одна семья.

Пусть я вчера был пьян, сегодня буду пьяным,

Но завтра можешь стать и ты таким как я.

Но завтра можешь стать и ты таким как я.

Люблю я горячо, но не прощу измену.

За что я ни возьмусь, все-все мне по плечу.

Мне горы по плечо и реки по колено.

И даже брошу пить я, если захочу.

И даже брошу пить я, если захочу.

Я смелый бурдалан, потомок бурдаланов.

Мой сын, мой сват и брат – мы все одна семья.

Пусть я вчера был пьян, сегодня буду пьяным,

Но завтра можешь стать и ты таким как я.

Но завтра можешь стать и ты таким как я.

Новый вариант устроил эйо.

- Если бы я не опасался, что, возгордившись, мои братья возомнят себя великими талантами, я бы сказал, что это неплохо, - признался он, к ликованию сородичей.

- Как бы нам записать эту песню, не только слова, их-то мы научились писать, но и музыку? - робко обратился один из сочинителей гимна со сцены к Александру, - чтобы наши потомки тоже исполняли этот гимн. Мы будем уже в Долине Предков, а наша песня будет жить, ведь, правда же, чудо? Ведь можно же как-то записать музыку?

- Можно! – обрадовал бурдаланов Александр. – Слова записывают буквами, а музыку – нотами.

Музыкант попросил, чтобы ему принесли лист бумаги, карандаш и линейку, а затем начертил пять длинных линий и внизу таких же пять и нанизал на них кружочки с хвостиками, а некоторые закрасил.

Ликование бурдаланов слегка подухло.

- Это другой какой-то язык, даже Марта не знает его, - переговаривались вполголоса они.

- Этот язык можно в совершенстве изучить у нас в консерватории, - обнадежила их Майя Карповна.

На день Гимна Бурдалании она пришла почему-то не с Изабеллой, а с какой-то другой собакой и выглядела исхудавшей и уставшей.

- Только предупреждаю, это потребует немало терпения.

«За что я ни возьмусь, все-все мне по плечу», - ответили ей строчкой из гимна бурдаланы и, смеясь, радостно принялись хлопать друг друга по плечу.

В Бурдалании началась новая жизнь.

В тот же вечер в «Своей газете» был опубликован утвержденный эйо Амбросием гимн княжества Бурдалания.

А небольшая заметка под ним гласила, что в консерватории Города открыт первый в истории набор группы бурдаланов на подготовительное отделение.

Как ни странно такое резонансное событие как презентация гимна Бурдалании обошлось без присутствия Виолы Рерайт.

Впрочем, бурдаланы решили, что у них теперь должна быть своя газета, которая будет писать о культурных достижениях бурдаланов. Она так и называлась «Своя газета», и даже многие горожане с интересом читали ее.

Время от времени в ней писали об Александре, некогда совершившем в Низине настоящую культурную революцию.

В городской газете даже само это имя было теперь как будто под запретом — здесь нельзя было прочитать ничего — ни плохого, ни хорошего - ни об одном Александре.

3

По старой памяти остановиться Александр решил в городском трактире.

Ардалион с порога бросился обнимать и хлопать по плечу старого приятеля и любимого постояльца.

- Можешь теперь, если захочешь, конечно, - захохотал Ардалион, - спать хоть все ночи напролет в перголе во дворе — никто не отберет у тебя пальто. Бурдаланы, не знаю, к добру или к худу, уже не те.

Он вздохнул не то с притворным, не то с искренним сожалением.

— Даже скучно стало как-то, и ружье мое висит без дела на стене.

4

Но больше Александра беспокоило, что в праздничной толпе он не нашел Гайи.

Ее поиски он решил начать с цирка, где прежде в это время как раз начиналась репетиция.

Красивая девушка, в которой Александр не сразу узнал Диану, вращала длинную скакалку вместе с держащим другую ручку мускулистым молодым человеком, в котором Александр не сразу узнал Феликса.

Только Розановка, Беляночка, Апельсинка и Киви совсем не изменились и даже прыгали так же резво.

- Александр вернулся! – уронила Диана ручку скакалки и бросилась к нему.

Потом отошла изящно, как привыкла выступать на арене перед зрителями, на пару шагов назад, радостно улыбаясь.

- Знакомься, Александр, это Беляночка, Розаночка, Апельсинка и Киви. Беляночка, Розаночка, Апельсинка и Киви, знакомьтесь, это Александр.

- Так мы же вроде знакомы...

- Пудели так долго не живут, - вздохнула Диана, и слова ее прозвучали невольным укором. – Это их дети.

- А Гайя? Где она?

- Ты ищешь Гайю? – в голосе Дианы Александр почувствовал нотку обиды и разочарования. – Ее здесь нет.

И, снова подхватил скакалку, Диана принялась крутить ее вместе с Феликсом.

5

По дороге из цирка Александр завернул в знакомую аптеку.

- Пришелец вернулся! – обрадовался аптекарь. – Неужели и на сакуру аллергия?

- Нет. Я пришел вернуть свой долг, - сказал Александр. – И верну не талант, а целый гений! Я дам в вашей аптеке концерт.

- Я сразу понял, что вы состоятельный и щедрый человек, - засмеялся аптекарь.

- Тогда приглашайте гостей на концерт в аптеке!

- Отлично! Моя жена будет просто счастлива! - пропел аптекарь вслед музыканту.

6

Александр нашел Гайю в цветнике во дворе Студии в перголе.

Она как будто узнала его по звуку шагов. Медленно обернулась и так и ждала, склонив голову на бок, пока он подойдет.

Гайя изменилась, стала лучше, превратилась из красивой девушки в роскошную молодую женщину все с тем же уверенным, но немного грустным взглядом.

- Александр, - прошептала она. – Я знала, я всегда знала, что ты вернешься... Без тебя здесь все стало иначе... Ты нужен нам... Пойдем к Часовщику, он сам тебе все расскажет...

Александр молча взял Гайю за руку. Так они и дошли до главной башни, ворота которой были открыты, точно их и ожидали...

7

Часовщик задумчиво ходил из угла в угол.

- Не знаю, что это означает, но я снова здесь, - почтительно и шутливо поклонился ему Александр, - к вашим услугам.

- Входи, - кивнул Часовщик в знак приветствия остановившемуся в дверях гостю. - Ожидал тебя увидеть...

- Значит... это вы перенесли меня сюда?

Часовщик рассмеялся.

- Я никого никуда не могу перенести. Ведь я же не волшебник. Я всего-навсего Часовщик. Но я изучаю закономерности. И совершенно точно могу тебе сказать, ты снова здесь совершенно закономерно, и даже... рискну предположить, для чего.

- Для чего же?

- У тебя появилась новая миссия. Ты же видел, что творится у бурдаланов.

- Они окультурились, стали вполне самобытным народом...

- Они — слишком окультурились, - покачал головой Часовщик, - и в этом вся беда.

- Беда? - удивленно посмотрел на Часовщика Александр. - Что же, по-вашему, я должен их раскультурить? В этом моя новая миссия? Я не вижу никакой беды в том, что они стали вполне самобытным народом.

-Ты видел? Они начали строить башню с часами...

- Значит все дело в башне?

- Все дело в том, что само по себе развитие культуры или науки это, конечно, хорошо, но плохо, когда оно опережает духовное и нравственное развитие. Такая спешка не приведет ни к чему хорошему... Жители Низины, Гор и Города всегда были единым народом, - сказал Часовщик.

-Только очень уж разные при этом. - заметил Александр.

- Все не могут быть одинаковыми. Плохо, когда один из народов возомнит себя особенным.

Во взгляде Часовщика поселилось тихое отчаяние, которое уступило место надежде, когда Александр подошел к нему поближе.

- Значит, моя новая миссия - снова спасти бурдаланов от самих себя?

- Не знаю, но совершенно точно могу сказать, им нужна твоя музыка. Она еще может все изменить... Если верить закону закономерностей, а действует он практически безотказно, уже совсем скоро бурдаланы построят свой музей, свою Библиотеку, свой цирк, свою филармонию, свою консерваторию, наконец! Бурдаланы захотят переписать историю под себя, что горожанам, конечно, не понравится. Со временем племя, а теперь уже княжество бурдаланов станет более культурным и образованным, чем неспешные горожане, и бурдаланы решат, что превзошли даже эйо! Они возведут свою главную башню! А если есть главная башня, значит на ней есть часы, а если есть часы, то должны быть и стрелки на них, - сказал Часовщик. - И локальные стычки бурдаланов с горожанами перерастут в глобальную свару, в которой уцелеют только горы. Но эйо даже не заметят, как переменился мир, только обнаружат, что в нем исчезли мыльные пузыри, но научатся со временем обходиться без них. А потом все вернется на круги своя.

- Но как моя музыка может разорвать этот круг?

Картина будущего этого мира, обрисованная Часовщиком, выглядела очень уж безрадостно, почти безнадежно.

- Пока не знаю...

Не знала, что делать и Гайя.

- Здесь все в последнее время как-то вышло из-под контроля, - только и сказала она. – Но я знаю, ты обязательно что-нибудь придумаешь.

Александр вздохнул.

На него возлагают такие большие надежды, а он даже не знает, с чего начать раскультирование бурдаланов.

Но не заставишь же их снова играть на консервных банках, научившихся играть на рояле – это, увы, невозможно!

Разве что если журналисты не растреляют о какой-нибудь безумной моде и не начнут писать какие-нибудь идиотские статейки в духе «Пришелец Александр разбил рояль на площади у Башни и играет теперь исключительно на консервных банках». Конечно!

Александр вздохнул полной грудью воздух без примеси черемух и расправил плечи.

Определенно, он не зря появился в этом мире, и восстановить в нем потерянное равновесие поможет Виола Рерайт.

8

Виола Рерайт, прапраправнучка великой писательницы Виолы Рерайт, а с недавнего времени редактор «Газеты», медленно пила кофе в своем кабинете с большими часами на стене, красиво положив ногу за ногу, чуть наклонив колени в сторону в белом кресле.

Целую неделю по телефону Александру нагло ввали в редакции, что Виолы Рерайт нет и не будет, голосом (от точно помнит этот голос с хрипотцой – то низковатый, то немного визгливый) самой Виолы.

Не слишком понимая, что, собственно говоря, происходит, Александр решил идти напролом.

Его появление прапраправнучка великой писательницы встретила равнодушно, чуть вздрогнули уголки губ, но глаза-маслины остались неподвижными, как у змеи.

Их взгляд стал теперь холодным и злым, хотя сама Виола еще оставалась довольно красивой.

- Вы хорошеете с каждым годом, - солгал Александр. – Здравствуйте, Виола.

- Что вам надо? – оторвалась она от кофе и снова продолжила пить его с наслаждением, медленными глотками.

Бежевое платье в красный горошек с тонким поясом подчеркивало тонкую талию, а изящные туфли – бежевая и красная – шикарные ноги.

- Я подумал, - слегка растерялся Александр, - что, возможно, вам будет интересно взять интервью у вернувшегося пришельца Александра.

Уголки губ Виолы опустились было вниз, но тут же вернулись на место.

- Это было интересно, - Виола посмотрела на часы, как будто спрашивая у них совета, - семь лет назад, но мы давно отправили эту тему в архив, так что можете спокойно возвращаться в свой мир – в этом вы больше не интересны нашим читателям. А посему прощайте и удачи, пришелец Александр! Писем для вас больше писем нет и, видимо, уже не будет никогда. Вы, наверное, уже знаете, БПА давно закрылось.

Виола слегка пошевелила в воздухе тонкими пальчиками с бежевым маникюром, чуть присыпанные блестками и пропела нараспев:

-Удачи!

9

Так просто сдаваться Александр не собирался. В этом мире один человек, пожалуй, мог бы изменить о нем мнение Виолы или хотя бы что-то объяснить.

Чтобы перетянуть этого человека на свою и Здравого Смысла сторону, Александр направился в Исследовательский Центр, располагавшийся рядом

с гигантским шаром в разноцветных разводах, похожем на неизведанную планету, с огромной вывеской «Переработка старья и мусора в новье» .

Исследовательский Центр оказался не слишком просторным, как футбольное поле с несколькими увенчанными ветряками кибитками, разбросанными на нем.

Посреди него высокий бородатый человек с довольно большими ушами, бормоча, ходил по кругу, отдаленно напомиравшему циферблат часов, по всему радиусу плотно засаженному кустарниками.

Часть его цвела сиренью, на остальной только листья зеленели.

Александр принялся было считать круги — пятый, шестой — а потом перестал.

Ну давай, ну пожалуйста, - разговаривал человек не то сам с собой, не то с растениями. - Уже пора. Пора. Твое время пришло.

Вид при этом у человека был взволнованный, расстроенный и крайне озадаченный.

- Проклятье! - сплюнул он.

- Извините... я ищу... - всплыло отпечатавшееся в сознании имя из прошлого.

- Гифа Циферблатова.

- Это я. Чем могу вам помочь?

- Может, сначала мне вам чем-то помочь? - засомневался Александр.

- Если только вы умеете заставлять жасмин цвести, — проворчал ученый и ехидным тоном добавил, - на улице... А следом за ним чтобы рядом пожелтели и осыпались листья?

- Вы не любите весну? - удивился Александр.

- Дело, видите ли, уважаемый, совсем не в том, люблю ли я или не люблю весну, но поскольку ничего другого нет, мы все вынуждены любить весну. И хорошо еще, что вы, как и я, понимаете, что должно быть что-то другое. Естественное свойство природы — цикличность. А наш мир как будто застрял на каком-то витке времени и не может сдвинуться с места, и само время застоялось так, что вот-вот забродит. Из поколения в поколение мы

проживаем в разных вариациях, но один и тот же виток, как будто мир как любой живой организм, перенесший какое-то глобальное потрясение, не может оправиться от него. Но, все знают, это не так. В нашем мире всегда все было, есть и будет хорошо, вот только зацветет ли когда-нибудь на улицах жасмин? Не говоря уже об опадании листвы и снеге, чистом и белом, как в горах, но здесь, на земле, под ногами!

- Я мог бы рассказать вам подробно о смене времен, что и как происходит в природе. Когда-то вы хотели встретиться со мной...

- Да? - удивился ученый. - Простите, какая у вас ученая степень, кто вообще вы такой?

- У меня нет ученой степени, сознался Александр. - Но я знаю, как цветет жасмин — на улице, - многозначительно вскинул брови. - То, что вы описали, лето, осень и зима, и я уже тридцать шесть раз видел, как они сменяют друг друга. Я Александр, вы могли обо мне прочитать в «Газете» семь лет назад, - протянул руку ученому музыкант.

- Думаете, я помню, о чем писали газеты восемь лет назад, о каком-то Александре? - проигнорировал ее ученый и все же вспомнил. - Значит, ты и есть тот франт-музыкант без фрака и пальто не известно откуда пришелец?

- Скажите, а вы знаете, сколько лет вашему миру? - не стал оправдываться Александр.

- Сомневаюсь, что это следует знать мне, а тем более вам.

Брат Виолы неодобрительно посмотрел на гостя и, отвернувшись, продолжил путь по кругу.

10

Вечером за ужином в таверне Александр неожиданно встретил эйо Амброзия.

- Думал, братья-бурдаланы... нет, я, наверное, никогда не смогу называть их бурдалане, хоть они и очень обижаются на меня за это... Я думал, они никогда не отпустят меня. У них даже появилась поговорка «Пусть мы не

можем подняться в Горы, Горы сами спускаются к нам». Странная пословица, конечно, как и многое, что происходит сейчас в Бурдалании...

Александр опустил голову, почувствовав себя виноватым, ведь это он развратил шabutных, но вполне сносных бурдаланов, заставил возомнить себя особенными.

- Это я во всем виноват, - произнес Александр.

- Э, нет, - замотал головой эйо Амброзий. – Насколько я знаю своих братьев, у нас всегда это было в крови, а значит рано или поздно вырвалось бы наружу. И здесь не помогут ни музыка, ни даже мыльные пузыри, здесь нужно иное, - эйо Амброзий поднял указательный палец и произнес по слогам. – Ме-та-нойя!

Александр вздохнул.

- Я не знаю, что мне делать, - признался он.

- Если не знаешь, что делать, ищи свою дорогу к Океану, - изрек эйо Амброзий.

Александр кивнул, решив поразмышлять на досуге, которого у него, похоже, в ближайшее время предвидится много, над значением этой фразы, а эйо наутро не спеша отправился дальше в сторону Гор.

Поскольку мудрецы, и эйо не исключение, выражаются обычно иносказательно, то под дорогой к океану эйо Амброзий подразумевал скорее всего путь к истине.

Так, во всяком случае, рассудил Александр, и начать его он решил с зала новейшей истории Музея Времени и, конечно же, пригласил Гайю, которая с удовольствием согласилась составить ему компанию.

Встретиться договорились у музея, и хоть свидание было не любовным, а ради общего большого дела спасения бурдаланов от самих себя, Александр пришел на него с букетом, который привлек его внимание своей необычностью – из розовых и светло-зеленых тюльпанов.

- Я скучал, - признался он.

- Я тоже тебя вспоминала. Надолго к нам в этот раз?- губы Гайи утонули в цветах, а глаза ее говорили о том, что она хочет услышать в ответ «насовсем».

- Я не знаю, - признался Александр.

11

Каждый экспонат в музее отзывался в сердце Александра чувством легкой ностальгии.

Заснеженному роялю был посвящен отдельный белоснежный зал, который так и назывался «Зал заснеженного рояля».

- Существует легенда, что каждый, хоть раз нажавший клавишу заснеженного рояля, обязательно окажется в том месте, где его потенциал раскроется полнее всего, и станет гением, - увлеченно рассказывала экскурсовод.

Рядом с экспонатом табличка призывала «Руками трогать!», потому что прежнюю обычно такие законопослушные горожане постоянно срывали и каждый все равно норовил дотронуться до клавиш заснеженного рояля.

В этом зале можно было увидеть фотографии заснеженных вершин гор и портрет Александра, играющего на заснеженном рояле.

В углу стоял тот самый розовый рояль, с которым они с Гайей, Дианой и их разноцветными любимцами приезжали в Низину.

- Помнишь, наш рояль?.. - вздохнул Александр.

В соседнем зале красовался всеми разноцветными гранями другой лучший рояль лучшей студии дизайна Города.

- И это тоже наш рояль, - с нежностью посмотрел на Гайю Александр.

- Больше на нем никто не играет, - опустила она глаза.

Зал новейшей истории рассказывал о том, что происходило в Городе за последние десять лет.

Здесь можно было увидеть засушенный букет черемухи, которую после загадочного исчезновения Александра горожане сплошь вырубали, решив, что это поможет возвращению пришельца.

- А на следующий год ветер принес семена сакуры. Горожане решили, что это знак из твоего мира и увидели в этом хороший знак, и стали повсюду сажать сакуру, - рассказала Гайя.

В этом зале было много старых номеров «Газеты», рассказывающих о пришельце Александре.

Пока сам герой хроник со своей возлюбленной сосредоточенно рассматривали их, из зала Белого Рояля в зал новейшей истории с задумчивым видом прошел бурдалан, на котором Александр узнал свое старое серое пальто с оторванной пуговицей на груди.

Пальто бурдалану было по-прежнему заметно мало, но носил он его, не снимая.

Бурдалан вежливо кивнул Александру и бросил растерянно «Здравствуйте» на ходу и, спохватившись, счел нужным напомнить: «Мы с вами встречались на презентации гимна Бурдалании. И я был с друзьями на том первом в Бурдалдании, а тогда еще Низине, фортепианном концерте, когда вы играли на заснеженном рояле. А потом мы приходили в таверну Ардалиона, и вы признали наш талант и разрешили нам остаться слушать музыку. И еще раньше, очень давно, когда я в не совсем честной борьбе забрал у вас вот это, - бурдалан с гордостью посмотрел на свое уже довольно поношенное пальто, которое едва застегивалось на нем. - Я редактор «Своей газеты» - Рэк Бурдаланин Отважный, когда-то меня называли Верзила. Кстати, Александр, было бы интересно взять у вас интервью об истории того мира, откуда вы к нам пришли.

- Конечно, - обрадовался Александр.

- Отлично! Сможете подъехать к нам в редакцию?

12

Александр с Гайей заглянули еще и в архив, где среди пыльных бумаг под номером «38» Гайя обнаружила обгоревший фрагмент «Газеты» с

забавнейшей статьёй. Знаменитая писательница Виола Рерайт брала интервью у самой себя.

- Виола, расскажите, что вдохновляет вас на создание особых шедевров? Говорят, чтобы сотворить что-то подобное, нужно войти в особое состояние? - спрашивала она себя и тут же отвечала:

- Люди врут. Самое главное — красивые тетради, желательно в твердой обложке и яркие авторучки с жирными стержнями, тогда текст сам собой потечет, как горная река.

13

Рэк чувствовал себя в кабинете редактора за столом с гусиным пером как будто слегка неуютно, что контрастировало с его уверенным обликом и мощной, но стройной фигурой.

Волосы торчали копной сена вокруг грубого, не неглупого лица бурдаланина с большими ноздрями, волевым подбородком и неожиданно удивленно вскинутыми бровями.

Вдумчивый взгляд то мягко святился добротой, то в нем вспыхивал безудержный огонь, как будто глубоко в душе у него дремал первооткрыватель, которому не терпелось отправиться в еще никому не известные здесь дальние земли и дать им названия.

После того, как Рэк стал бурдаланом в пальто Александра, он вдруг совершенно потерял интерес к вырезкам из «Газеты».

Говорят, он собрал их и отнес к Безумной Марте и попросил ее прочитать, что написано под его фотографиями.

После этого Бурдалан в пальто Александра перестал собирать вырезки из «Газеты», но не смотря на это в Низине его по-прежнему уважали, боялись и продолжали называть баловнем звёзд.

А когда решили открыть свою газету, потребовали, чтобы именно Рэк, у которого самый большой опыт в Низине в печатных делах, возглавил ее.

- Угостил бы вас брагой, но вступил недавно в общество трезвости. Поэтому предложу отменный кофе по-бурдалански, - приветствовал Рэк Александра. -

Всем очень интересно, где вы были. Вы не против, если я воспользуюсь диктофоном?- начал Рэк, покосившись на лежавшее перед ним записывающее устройство.

Александр не возражал.

- По-моему, это удобно, - продолжал Рэк, решительно включив диктофон. - Тем более и память у меня не то, чтобы очень. Доктора говорят, от избытка браги, но это уже в прошлом. Как истинный новый бурдалан я стал борцом за трезвый образ жизни. Так где же вы пропадали эти семь лет, Александр?

- Я был в своем мире, но в нем за это время прошел только год.

- Значит, время там течет по-другому? Расскажите о своем мире, Александр...

- Он похож и не похож на ваш мир, - чуть подумав, ответил Александр. - В нем тоже есть свои эйо, бурдаланы и горожане - в общем, все примерно так же, как здесь - как будто тот же мир, только вывернутый наизнанку. А еще у нас есть театр...

- Театр? - переспросил Рэк. - Расскажите, что это такое. Я думаю, нашим читателям будет интересно узнать...

- Театр, - задумался, как бы лучше объяснить, Александр, - это как цирк, но немного иначе, можно сказать, серьезнее, но... похожее искусство. Артисты на сцене, а зрители в зале...

- Или как филармония?

- Да, тоже верное сравнение, - согласился Александр. - В театре тоже поют иногда, играют на различных инструментах, но главное - там изображают других людей...

- На сцене или в зале? - уточнил журналист, совершенно поглощенный рассказом Александра.

- И там, и там, - усмехнулся Александр.

- Понятно... А каких других людей они изображают?

- Разных. Тех, кто жили на самом деле, и тех, кого не было на свете.

- Как интересно... - задумчиво улыбнулся Рэк. – Почему не мы придумали такое искусство? Но это, скорее, риторический вопрос... А стрелки на часах ваших башен – из самого чистого золота?

- Не знаю... - вопрос застал врасплох Александра. – Никогда не задумывался об этом.

- То есть вы хотите сказать, вам все равно, из чего сделаны стрелки часов на вашей башне?

- Мне безразлично, - подтвердил Александр и, как будто оправдываясь, добавил. – Я человек искусства.

- Понятно... А чем вы расплачиваетесь в вашем мире – золотом или талантами, или мыльными пузырями, как эйо?

- В основном бумажными деньгами и кредитными картами?

- Картоном и бумагой? В смысле газетами и географическими картами?

- Да нет же, вот этим! – Александр достал из внутреннего кармана нового пальто кошелек, который еще не успел выбросить в кусты, как во время своего первого путешествия в этот загадочный мир, и протянул журналисту крупную купюру.

- Бумажки с цифрами? – удивление на лице Рэка сменилось брезгливостью. – Я бы не стал ничего продавать за вот это. А есть ли в вашем мире общества трезвого образа жизни?

- Конечно, только называются они иначе – есть клубы анонимных пьяниц, например, но суть примерно та же – люди сообща учатся вести трезвый образ жизни.

- Учатся вести трезвый образ жизни в обществе пьяниц?

Рэк поднес руку к уху, как будто собирался покрутить пальцем у виска, но передумал в последний момент, решив, что это будет невежливо, и громко опустил ее открытой ладонью на стол.

- И еще... Вы надолго у нас? – спросил напоследок Рэк.

- Я не знаю, - признался Александр.

- Пожалуй, все, - выдохнул журналист и выключил диктофон. – У нас недолголюбивают эти штуки, прямо-таки какой-то животный страх. У вас, наверное, тоже?

- Наоборот, у нас их любят. Не все, конечно, но...

- Странный у вас мир...

- Странный... - согласился Александр, вставая из-за стола. – Спасибо за кофе. Приятно было пообщаться, - протянул на прощание руку бурдалану, и тот крепко пожал ее. – До свидания.

- До свидания. И вот еще... Александр...- чуть смутился бурдаланин, доставая из кармана пальто конверт. - Я тоже написал тебе письмо. И я не обращался в БПА. Я написал его сам. Это правда, но я так и не решился отправить его в редакцию «Газеты». Может, оно не очень складно написано, и эта красotka, прапраправнучка великой писательницы, посмеется надо мной. В общем, на, возьми... Можешь сразу порвать, если хочешь...

- Спасибо, Рэк, - бережно взял письмо Александр, сел на велосипед и отъехал уже немного, когда бурдаланин окликнул его.

Вид у него был виноватый и немного растерянный.

Точно боясь передумать, Рэк быстро-быстро снял с себя верхнюю одежду:

- Лови, это твое! - с сожалением посмотрел на пальто Рэк и бросил его владельцу. - Оно мне все равно мало!

- Спасибо! – поймал одежду Александр и снял с себя пальто, которое было ему все равно велико. – А это, лови, тебе в подарок!

Улыбнувшись, бросил новое пальто бурдалану и тот, поймав его, радостно надел обновку.

Пальто Александра сидело на Рэке идеально, и даже рукава были нужной длины. В нем он снова почувствовал себя Бурдаланом В Пальто Александра.

Сделать то, ради чего он приехал в этот день в Бурдаланию, у Александра так и не повернулся язык. Глядя в глаза Рэку, он почему-то так и не смог сказать,

якобы в его мире, в том мире, откуда он пришел, стало модно играть на консервных банках, потому что рояли не могут выразить в семи нотах того, для чего консервной банке хватает одной убедительной ноты.

Нет, бурдалане уже не станут бурдаланами.

С расстройства Александр заехал в трактир, затерявшийся на подъезде в Бурдаланию в полях голубых тюльпанов и желтых нарциссов, чтобы пропустить стаканчик браги или что там пьют теперь у бурдалан.

Но трактирщик с бородкой и бабочкой оказался членом общества трезвости, как, впрочем, все поголовно теперь бурдалане.

- Брагу теперь вы скорее найдете у эйо, чем в наших трактирах! – захохотал бурдаланин. – У нас бутылку браги можно найти теперь только в музее истории Бурдалании.

Выпив в трактире кофе с козьим молоком и закусив сыром, Александр судорожно думал, что ему делать дальше.

Если он пример для бурдаланов, значит, он должен вести себя так, как они вели себя раньше. Тогда, подражая ему, бурдалане снова станут нормальными бурдаланами.

Попытки отыскать брагу в Городе тоже не привели ни к чему, но, может, это было даже лучше. За это время бесплодного блуждания под удивленными взглядами у Александра родился план, и с этим планом он снова отправился на велосипеде в Бурдаланию, в новый музей.

В нем были пока только два экспоната: как укор и насмешка над прежней жизнью за стеклом красовались бутылка браги и консервная банка.

- Музей был построен всего за два дня, - гордо сообщила Александру музейная работница. – А ведь раньше считалось, что бурдалане крайне ленивы, но, как видите, все дело в мотивации и достойном примере перед глазами.

Молодая бурдаланка многозначительно посмотрела на Александра, и вдруг на ее глазах произошло невероятное – так быстро, что она не успела даже вскрикнуть.

Подпрыгнув, ударом ноги Александр разбил стекло витрины и, схватив бутылку и банку, бросился бежать.

В тот день многие видели Александра шатающимся покачивающейся походкой с бутылкой браги в одной руке и консервной банкой в другой.

Музыкант отчаянно колотил откупоренной бутылкой о пустую консервную банку, украшенную разноцветными камнями, и горланил непристойные песни.

Никто не стал подпевать Александру. Бурдалане прятали от него удивленные взгляды и спешили укрыться от обрушившейся на них какофонии в зданиях.

Во многих из них стояли рояли, и теперь из множества распахнутых окон на улицу полилась музыка, заглушая консервную какофонию.

Но больше бурдаланов шокировало другое, и именно об этом они шептались: их новенький музей остался без экспонатов, и украл их Александр.

15

Вечером над Городом разбушевалась гроза.

- Не к добру, - хмурился Ардалион. - Гроза всегда к каким-то потрясениям.

Александр поднялся вверх, оставив в недоумении тщетно ожидавших очередного концерта посетителей, и перед тем, как уснуть, открыл письмо Рэка.

«Привет, Александр... Нет, «привет» - неправильное слово, ведь я Вас мало знаю, хоть и очень уважаю.

Итак, здравствуйте, уважаемый Александр!

Вы меня знаете, но, наверняка, не знаете моего имени и не помните моего лица, потому что было очень темно.

Нас было трое, а Вы один, и теперь я понимаю, это было неправильно, это вообще нельзя назвать победой. Тем не менее, я уже много лет с гордостью ношу Ваше пальто, но, не подумайте, не из бахвальства, а потому что прежде оно принадлежало великому человеку. И только надев его, я понял, что хочу идти за Вами.

Вы хотите помочь нам, бурдаланам, стать лучше, но мы и сами, каждый из нас, должен этого захотеть и что-то делать для этой великой цели.

Как благородно было с Вашей стороны после того, как мерзко мы поступили с Вами, прилагать столько усилий для нашего блага, подарить нам то огромное, непостижимое, что называется Музыкой.

Вы даже не представляете, как далек я был от этого понимания, когда маленьким гонял крыс в Низине.

Как и большинство малышей бурдаланов, я не знал, кто мой отец и сколько у меня братьев и сестер.

Моя мама была очень образованной по тем временам, и если бы она дожила до сегодняшних дней, она бы первая поддержала те большие перемены, которые подняли Низину из грязи, она знала несколько букв и научила меня писать мое имя.

Самое большое достижение, я считаю, это то, что бурдаланы отказываются пить брагу, из-за которой мало кто из бурдаланов доживал до зрелости, не то, что до старости.

Я тоже не расставался прежде с бутылкой, и походка моя была шатающейся, а нос вечно красным, но теперь мое собственное отражение в зеркале уже совсем не так ужасно, особенно когда я в Вашем пальто.

Конечно, мне никогда не научиться играть на рояле так, как Вы, и даже как разноцветные пудели и тот мальчик, который прятался в розовом рояле, когда они играли на нем.

Но мне иногда кажется, слова это тоже музыка, причем, не только стихи, но и проза. Пусть слова и не сыграть на заснеженном рояле, как и музыка, они могут прилететь вдруг через века, и тебе вдруг подкажется, что все они адресованы тебе.

Так со мной и случилось однажды, когда любопытство завело меня на огромную свалку, и там под обложками я нашел книгу с несколькими вырванными листами.

Я понял, что мир, как человек, может заболеть и умереть, не дожив не только до старости, но и до зрелости.

Мне кажется, на этих нескольких вырванных листах одновременно и загадка, и разгадка нашего мира, но сколько я их не искал, так и не нашел до сих пор, и это не дает мне покоя.

С уважением и благодарностью,

Рэк (Бурдалан в Пальто Александра)

16

Наутро Александра разбудил громкий шепот с улицы.

- Бурдаланы украли стрелки часов на Башне...

- Вы уже знаете, бурдаланы похитили стрелки часов?- прохожие перебрасывали друг другу новость как яркий мячик для рэгби.

Набросив на себя халат, Александр вышел на улицу, вдруг заразившуюся суетливой тревожностью.

- Новости! Новости! Свежие новости! - размахивая газетами, спешил по Городу мальчишка — разночик прессы. - Бурдаланы похитили стрелки часов!

Впервые за все время своего пребывания в Городе Александр увидел, чтобы кто-то в нем спешил, и вдруг все вокруг засуетились, зашумели.

Горожане наперебой выхватывали у мальчика газеты, и не все, причем, при этом расплачивались талантами. Людям было просто недосуг — всем не терпелось прочитать газету.

В их размерянном мире произошло невозможное. Сенсация.

«Бурдаланы украли стрелки часов», - передавали горожане друг другу.

«Что скажет на это Часовщик?»

«Куда вообще он исчез?»

17

Интервью с Александром вышло в «Своей газете» практически без изменений от начала до слова «странный» и стало небывалой сенсацией, затмившей даже исчезновение стрелок с часов главной башни.

Те, кто не успел купить исторический номер, переписывали статью от руки, и редакция выпустила еще один тираж, в разы превышающий прежний, и он тоже разошелся моментально.

Такой успех «Газете» и не снился.

О проступке же Александра «Своя газета» деликатно умолчала. Не написали о нем и в «Газете».

На следующий день Александр с извинениями вернул в музей истории Бурдалании консервную банку и начатую им бутылку брэнди и вызвался чинить испорченную им витрину.

Но витрину уже починили без него.

За это время в музее появился новый экспонат – тот самый шарф, который когда-то у Александра отобрал бурдалан.

- Все обернулось к лучшему, - сказала Александру с ободряющей улыбкой та же молоденькая бурдаланка. – Зато теперь у нас есть уникальный шарф, сыгравший огромную роль в истории развития Бурдалании. И теперь у нас уже не два, а целых три ценных экспоната. Так что не переживайте – всем нам свойственно время от времени ошибаться, главное вовремя признавать свои ошибки. Хозяин шарфа сам принес его. Сказал, что хотел вернуть его вам, но побоялся, что вы взамен подарите ему новый, с которым он не найдет в себе силы расстаться, в то время как музей у нас остался без экспонатов.

В общем, новый план провалился и провалился с треском, оставалось признать поражение и ждать открытия Новой Башни.

18

Аптекарь благоразумно не стал вывешивать афишу, вообще слишком распространяться о предстоящем концерте Александра – небольшое помещение все равно бы неместило всех желающих.

Пригласил только самых близких.

В узком кругу Александр всегда играл особенно вдохновенно. И, конечно, музыкант взял с собой на концерт Гайю. Для нее он готов был исполнять Александра Голдина сколько угодно.

- Давно мы не слышали ничего подобного, - смахивала крупные слезы с уголков больших, как у эйо, глаз хрупкая жена аптекаря.

В остальные вечера Александр снова давал концерты в таверне Ардалиона. Теперь на них бывали и бурдалане.

Они щедро расплачивались с хозяином заведения и талантами, и желтым металлом в придачу, которым Ардалион теперь не гнушался. Его сын задумал строить таверны в Бурдалании, и местная валюта вполне могла там пригодиться.

Гайя не пропускала ни одного концерта Александра.

Она по-прежнему не задавала ему лишних вопросов и так же мало рассказывала о себе, но при этом с ней было всегда интересно и весело.

Каждый раз Александр провожал Гайю до парка, целовал на прощание, и она исчезала в сумерках в пене цветущей сакуры.

Однажды Александр пытался завести разговор о Гайе с Ардалионом, и тот сказал, что вроде бы она незаконнорожденная дочь Часовщика и той женщины, которая приходит к нему каждый вечер ухаживать за цветами в Башне, но точно никто не знает.

Как бы то ни было, если Часовщик в этом мире кто-то вроде некоронованного короля, то женщина, которую его жители считают дочерью короля, в каком-то смысле его принцесса.

Относился к ней Александр соответствующе и впредь даже не пытался выведать тайну ее рождения.

Часовщик вернулся также внезапно, как исчез, а объявился в таверне Ардалиона в то самое время, когда здесь заканчивался концерт Александра и посетители уже расходились.

- Хочешь отправиться со мной в дальнейшее путешествие, чтобы узнать кое-что об устройстве этого мира? - неожиданно предложил Юлий музыканту, - туда, где мало кто бывал.

- Конечно! - обрадовался Александр.

- Завтра утром заеду за тобой на велосипеде. Мы поедем в сторону Бурдалании.

20

Всю дорогу Часовщик то разгонялся, то вдруг притормаживал ни с того ни с сего, точно обдумывая, на верном ли они пути, так что Александр даже так и не решился спросить, куда они направляются.

Так, урывками, они пересекли Бурдаланию, в центре которой выросла башня, от которой и Часовщик, и Александр виновато отводили взгляды, точно сами ее возвели.

На окраине бывшей Низины кое-где еще зияли атавизмами неприбранные пещеры, в которых жили с крысами те немногие бурдаланы, которые не хотели ничего менять.

Александр подумал было, что именно их Часовщик хотел взять в союзники, но те так злобно смотрели на них вместе со своими розовохвостыми серыми любимцами, что мысль эта сама собой растворилась в зловонии. Тем более с собой у путников не было ни разноцветных шаров, ни мыльных пузырей, ни забавных пуделей, играющих на розовом рояле — ничего из того, что способно привести в чувство большинство бурдаланов.

План был иной.

- Разгадка в книге, - произнес, наконец, Часовщик, когда смрад и грязь уступили место чистоте и пустоте.

Повсюду здесь стояли каменные люди. Одна из статуй вдруг скользнула за другую статую, спрятавшись за ней.

От неожиданности Александр даже вскрикнул.

- Не бойся, Александр, это проводники. Они не делают никому ничего плохого, только смотрят за предками и сами стали как они — в одеждах цвета камня и безмолвны. Эйо говорят, они чисты и легки как облака, но не любят упоминать их лишней раз, ведь им, издревле живущим из рода в род на пересечении времен, известно то, что не известно даже эйо.

Осторожно Часовщик, а за ним Александр двинулись дальше, оставив велосипеды и стараясь не шуметь.

- Я понял еще семь лет назад, - Часовщик огляделся, чтобы убедиться, что его не слышит никто, кроме Александра, - разгадка в книге... точнее, в недостающих ее страницах.

- Загадок там еще больше, - вздохнул Александр.

- Значит прапраправнучка великой бурдаланской писательницы показала тебе их? - хмыкнул Часовщик.

Александр неопределенно хмыкнул в ответ.

Виола вызывала в нем в равных пропорциях раздражение и презрение, и в то же время он не мог ей не восхищаться. Ведь в свое время он едва не оказался перед выбором — глупейшее положение, особенно если выбор очевиден.

«Значит прапрапрабабушка лучшей журналистки Города была бурдаланшей! - мысленно позлорадствовал Александр. Это многое объясняло.- Интересно, сама Виола догадывается об этом? Наверняка. А в пышных волосах журналистки, как грибы в густой траве, прячутся большие бурдаланские ушки.

Александр рассмеялся.

- В книге Виолы Рерайт история этого мира, которую горожане не хотят вспоминать, потому что в ней слишком много стыда и боли. - продолжал Часовщик. - Виола Рерайт была не только выдающейся журналисткой, но и знаменитой писательницей. Она часто брала интервью у самой себя, видимо, считая, что лучше нее самой это не сделает никто. В архиве еще можно отыскать кое-что...

- Ее романы, правда, так хороши? - спросил Александр.

- На любителя, - пожал плечами Часовщик. - Собственно говоря, объективно ответить на этот вопрос уже невозможно — никто их не видел, на Свалке сохранился всего один роман Виолы, тот самый, в котором не достает листов.

- О чем же, интересно, этот роман?

- Он называется «Невозможное возможно» и посвящен мужу Виолы - потомственному эйо.

- Разве эйо женятся? Мне показалось, что...

- Каких-то запретов здесь нет. Другое дело — эйо сами в основном выбирают безбрачие — так им удобнее общаться с горами и ветрами.

Ради Виолы эйо Гиф оставил горы, надеясь со временем вернуться назад поближе к солнцу и облакам, но Виола так и не стала эйо, не была она уже и бурдаланшей в полном смысле этого слова. Они поселились между Горами и Низиной — на обломках какой-то старой цивилизации, так появилась, а может, и возродилась, новая каста горожан.

- Значит, изначально были только эйо и бурдаланы?

- Мир эйо был создан самой Музыкой из звуков и света, а Низина появилась случайно, из грязи, - так во всяком случае рассказывается в книге Виолы, а ей об этом рассказывали самые старые эйо.

- Но что же потом случилось с тем миром, почему он вдруг оказался на Свалке?

- Напрямую об этом не говорится ни в книгах, ни в газетах, потому что в тот катастрофический период Истории их попросту некому было писать, но, зная законы закономерностей, не сложно собрать события в единое целое, как мозаику по частям.

- Так что же произошло?

- Может быть, мы и узнаем ответ. И я нашел того, кто может что-то рассказать, если как-то заставить его говорить...

- Здесь, в Долине Предков?

- Нет, дальше.

Там, где заканчивалась Долина Предков, начиналась глобальная свалка. Ото всюду торчали пружины, острые и тупые углы каких-то конструкций. Часовщик шел уверенно, следуя каким-то одному ему известным ориентирам.

- Вот там, за ржавой кибиткой... - ускорил шаг.

За кибиткой Александр увидел лежащую вниз лицом обнаженную человеческую фигуру.

- Это робот, - перевернул ее Часовщик.

- Робот? - удивился музыкант реалистичности рукотворного создания.

- Андроид. Высокофункциональная конструкция.

- Можно подумать, это человек, потерявший сознание.

- Что-то мне подсказывает, - ощупывал фигуру андроида Часовщик, - этот механизм можно как-то еще запустить, он совсем не заржавел, но создан так хитро, из какого-то сверхпрочного материала, что разобрать, проникнуть внутрь него нельзя. Он непроницаем.

Часовщик заглянул в ноздри андроду, пытался раскрыть его рот — все бесполезно.

- Где-то же должна быть проклятая кнопка! - вскричал Часовщик.

Александр стал ощупывать пальцы руки, точно протянутой к нему не то для рукопожатия, не то в мольбе «помоги мне» . Может, их кончики — чувствительное место не только у музыкантов, а где-то там, под сверхплотной кожей и скрывается заветная кнопка к разгадке тайны этого мира?

На какой-то момент Александру показалось даже, что робот вздохнул и вздрогнул.

- Вы видели это? - обратился он к Часовщику.

Тот кивнул и принялся методично надавливать на пальцы другой руки робота.

Напрасно.

- Может, отнести его в Город? К ученым? - предложил Александр. - Может, они разберутся.

- Наука, нет, наука не поможет. Здесь ключ в чем-то другом... Чувствую же, в чем-то другом... - уверенно помотал головой Часовщик. - Да и наша наука развивается слишком, слишком медленно, и это очень хорошо. Так что не стоит говорить никому о том, что здесь сегодня видел... Пусть до поры останется тайной....

Вздыхнув, Часовщик продолжал:

- Кроме проводников, за все время я встретил на Свалке только одну живую душу.

- Да, что-то вы рассказывали мне когда-то об этом, - наморщил лоб, пытаюсь вспомнить, Александр. - Какой-то бурдаланин искал здесь книги.

- Да... Бурдаланы, действительно, отважны, - не слушая Александра, продолжал Часовщик. - И умеют любить горячо, правда, на свой манер. Они горячие ребята и быстро учатся всему — и хорошему, и плохому. Но, верно их предостерег эйо Амброзий, им не хватает скромности, как, впрочем, по-прежнему недостает ее и горожанам, а самовосхваление — верный путь к разрушениям и забвению.

- Но, может, им надо пройти через это? - тщетно пытался убедить сам себя Александр. - Может, моя миссия не в том, чтобы спасти бурдаланов от самих себя, а в чем-то другом?..

- Все может быть, все может быть... - бормотал Часовщик и вздыхал.

И Александр согласился ни о чем до поры не рассказывать даже Гайе. Любое случайно оброненное слово, как камень, упавший с горы, могло загубить весь этот мир, и без того оказавшийся у края пропасти.

Гайя ни о чем и не расспрашивала, прекрасно понимая, что у ее возлюбленного с Часовщиком была отнюдь не праздная прогулка.

Через неделю без внимания «Газеты» осталось еще одно чрезвычайно важное и даже символическое событие — открытие новой башни.

Башня, построенная бурдаланами в считанные недели, была выше и красивее городской.

Еще недавно никто и вообразить себе не смог бы, что в бывшей Низине появятся столь талантливые, практически гениальные архитекторы.

Огромная башня свысока смотрела на самые высокие небоскребы города, и даже вершины гор Эйо были видны с нее.

Словно в насмешку над всем этим миром, бурдаланы вдруг вознеслись, возвысились над ним.

Они решили не слишком отделять свою башню разноцветными камнями, чтобы она не стала похожей на музыкальную консервную банку, но все же окружили ярко-синими камнями часы.

Каждый виток спиралевидной башни украшали статуи поочередно кошек и собак, словно символизируя, что культура княжества Бурдалании стремится взять лучшее от Города и Гор.

Глаза у статуй тоже были сделаны из синих и иногда зеленых и желтых камней и красиво блестели на солнце, оттеняя суровость булыжников, образующих башню.

А главное — огромные часы этой башни украшали золотые стрелки, украденные с Башни Города.

Оставалось лишь объявить Башню со стрелками из желтого металла символом Бурдалании.

Эйо Амброзий не присутствовал на церемонии открытия, поговаривали, в знак протеста. Но он прислал бурдаланам по их просьбам письмо.

Приписка на конверте гласила: «Прошу вскрыть и зачитать на церемонии открытия Башни».

Сцену на площади перед Башней украшал рояль, на темной поверхности которого мило белели тюльпаны и нарциссы.

Александр чувствовал себя совершенно раздавленным обстоятельствам и даже отказался сыграть на церемонии открытия, хоть бурдаланы очень просили его об этом. Догадываясь, что творится в душе любимого, Гайя сильнее сжала руку Александра.

На сцену в это время поднялась красивая девушка, которую раньше избегали и называли Безумной Мартой, а теперь вся Бурдалания гордилась ею.

К другому микрофону вышел из толпы второй ведущий церемонии - Фат, которого семь лет подряд все называли Бурдаланом в Шарфе Александра, а теперь его выбрали директором музея.

Ведь, как оказалось, чтобы сохранить находящиеся в нем ценности, нужны не только образованность, но порой не помешает и грубая сила.

Никакого шарфа на Фате уже не было — все знали, шарф Александра находится теперь в музее.

Да и шарф плохо бы сочетался с фракком, который Фат надел по особому случаю, а шею его украшала лиловая бабочка в красный горошек.

Такое же платье — лиловое в красный горошек длиной в пол подчеркивало яркую и одновременно утонченную красоту соведущей с каштановым волосами ниже пояса, заплетенными в мелкие косички.

- Дорогие бурдалане и бурдаланки! Уважаемые горожане! - обратились ведущие к публике. - Сегодня в Бурдалании великий день. Мы шли к нему ни одно десятилетие, мы шли к нему больше ста лет. И теперь мы вновь обрели свою культуру, которая вот-вот снова станет великой.

- Весь мир, за исключением эйю, - продолжал Фат, - восхищается нашей литературой, архитектурой, у нас даже появилась своя музыка, мы стали играть на роялях, а ведь еще совсем недавно, каких-то семь лет назад, мы признавали всего один музыкальный инструмент, смешно сказать, пустую консервную банку, украшенную разноцветными камнями.

Бурдалане дружно засмеялись.

- Теперь же, - продолжала Марта, - бурдалане учатся в консерватории и совсем скоро у нас откроется собственная консерватория. А пока перед вами выступит один из лучших мировых композиторов и лучших преподавателей Города Платон Рафаэлевич Соловьев-Ветров!

- Я не буду ничего сегодня говорить, - сказал, подойдя к микрофону, гость. - Лучше слов мои чувства передаст моя музыка, моя новая симфония... Она называется «Океан».

Музыкант обрушил пальцы на клавиатуру так мощно, что зрители застыли на секунду, услышав всю красоту и силу океана, которого никто из никогда не видел.

В этой симфонии звучали и надежда, и тревога, и радость.

Звуки рояля как будто хотели проникнуть в каждое сердце, чтобы отыскать там Океан.

Мелодия стихла, молчали зрители.

Тишина сменилась шквалом аплодисментов.

Раскланявшись, музыкант сошел со сцены, а Марта продолжала:

- Надеемся, скоро у нас появятся свои соловьевы-ветровы и голдины. И уже сейчас Бурдалания может похвастаться если не гениями, то довольно талантливыми композиторами и поэтами, в чем многие из вас сами могли убедиться на Дне создания гимна Бурдалании. А сегодня перед вами выступит бард-бурдаланин, который исполнит под гитару песни собственного сочинения. Встречайте! Бат, который многим больше известен как Бурдалан в шапке Александра.

Собственно говоря, этому факту и посвящалась песня, начавшаяся такими словами:

«Ношу я шапку Александра

уже семь лет, уже семь лет.

Я мог задать любому жару,

но жил в душе моей поэт».

Бату тоже аплодировали, но совсем не так, как Соловьеву-Ветрову.

Бард хотел было исполнить еще одну песню, тоже про шапку Александра, но бурдаланы закричали:

- Довольно!

- Поноси шапку еще семь лет!

- Может, тогда и научишься сочинять как Соловьев-Ветров и Александр!

Бат, ворча, сошел со сцены со своей гитарой.

К микрофону снова подошли ведущие.

- Что ж, - попытался вернуть особым минутам надлежащую торжественность Фат. - Настало время прочитать послание эйо Амбросия... почетное право вскрыть конверт я предоставляю моей прекрасной напарнице Марте.

Бурдаланы в предвкушении зааплодировали, а встревоженные горожане переглядывались — еще немного, и на новой башне пробьет роковая минута — первый бой часов на самой высокой в мире башне. Башне со стрелками из желтого металла. Бой часов, за которым - необратимость.

С таким же выражением предвкушения на лице, как у большинства ее собратьев, Марта, желая растянуть подольше минуты удовольствия, медленно вскрыла конверт, также медленно развернула лист, и выражение предвкушения сменилось на ее лице недоумением.

Она быстро повернула лист к себе другой стороной, но обе были абсолютно белыми и чистыми, как снег на вершинах гор, которого никогда не видел никто из собравшихся здесь бурдаланов.

- Видимо, - неестественно, испуганно улыбаясь, пыталась Марта сгладить неловкость минуты, - эйо Амбросий случайно вложил в конверт не тот лист, эйо обычно такие рассеянные...

Но бурдалане был уже не бурдаланы, чтобы их можно было так легко обмануть.

Врут как бурдаланы, - обличил кто-то из них своих собратьев-ведущих.

Молчание эйо было красноречивее всяких слов.

- К сожалению, Александр не пожелал сегодня выступить на открытии башни, и все же, не смотря на это, наши поэты и композиторы сочинили песню, которую мы посвятили ему, - уныло добавила Марта, и бурдалане, обреченно выстроившись в хор, затаили...

- Давайте петь,
О том, что нам
Нашепчет вечная весна.

Должны успеть
Достроить Храм
Любви и света дотемна.

- Дай руку мне.
- Дай руку мне.
- Сожми сильнее мою ладонь.

Поверь весне.
Поверь весне.
Снежинки тают, только тронь.

И все равно
Ветрам назло
Играй, заснеженный рояль.
Еще светло.
Пока светло,
Мы дотемна достроим Храм.

- Что ж... - вернувшись на сцену, вздохнула Марта. - Церемония получилась совсем не такой, как ожидалось. Как бы то ни было, с одобрения эйо Амброзия или без него настало время объявить...

Минутная стрелка, завершая свой первый круг на циферблате, приближалась к «двенадцати».

Но прежде, чем Марта закончила фразу, Рэк, а следом за ним Фат и бурдалан в шапке Александра мигом взлетели к часам по толстой ленте, так и не перерезанной в честь грандиозного события.

Часы замерли, так и не пробив час темноты.

- Мы должны вернуть стрелки часов, - провозгласил, вернувшись к микрофону, Фат.

Бурдаланы и горожане, счастливые, обнимали друг друга и, казалось, эйо тоже ликовали вместе с ними.

- Но если мы вернем стрелки часов из желтого металла, - громко усомнился кто-то из бурдаланов, - тогда часы на нашей башне останутся без стрелок.

- Не останутся! - на сцену быстро-быстро взбирался Рэк, которого сородичи чаще, чем по имени, теперь называли Бурдалан в пальто Александра. - Вот, что я нашел на Свалке!

К ликованию бурдаланов, Рэк торжественно поднял над головой серебрястые титановые стрелки часов.

- Время не властно над ними, и блестят они очень благородно...

Бурдаланы и горожане неистово зааплодировали находчивому Рэку.

Войдя во вкус, он произнес воодушевляющую речь, которую дословно опубликовали в «Своей газете», поскольку она имела историческое значение:

Друзья! Братья! Бурдалане! Горожане!

Давайте сегодня в этот особенный для всех нас день пообещаем, что больше никто никогда ни у кого не украдет стрелки часов.

- Обещаем! - дружно закричали бурдаланы.

- Обещаем! - отозвались горожане.

И только эйо, некоторые из которых даже специально спустились по столь важному случаю с гор, молча кивали друг другу и умиротворенно улыбались.

Наконец-то в мире дружба, любовь и понимание победили давние распри.

Бурдалане хотели было немедленно избрать Рэка своим часовщиком, но он решительно воспротивился:

- Нет, поскольку мы пообещали друг другу не красть стрелки, - в часовнике нет необходимости, его нахождение в башне... - и Рэк произнес слово, которое бурдалане немедленно записали, и многие прямо на ладонях, чтобы потом повторять его с умным видом, особенно в беседах с горожанами.

«НЕЦЕЛЕСООБРАЗНО»!

Именно так и сказал Рэк и под возгласы и аплодисменты сошел наконец со сцены.

Никто в этот миг из присутствующих на церемонии открытия башни в этот момент не был так счастлив как Часовщик, бежавший по изменившемуся за столько лет городу навстречу плачущей от счастья жене.

Глава 3

СНОВА ДОМА

1

Новый год принес глобальные перемены. Александру стало совсем неуютно в знакомом-незнакомом мире. Привычный, он стал непривычным — лязгал, скрипел, шумел из телевизора новостями.

Но главное — клавиатуры всех роялей в этом городе были одинаковыми, черно-белыми, и на них не хотелось играть.

2

Александр по-прежнему продолжал жить в том мире, в котором он оказался ненадолго.

Время от времени какие-то люди, обстоятельства пытались вернуть его с перепутья миров в привычную реальность, иногда предложения были даже интересными, но, конечно, не вызвали такого воодушевления как необыкновенные приключения, которые он пережил недавно.

Как-то позвонил старый, еще из школьных времен, знакомый, работавший теперь замдиректором облвидеофонда.

- Намечается квартирник в стиле ретро, - интригующим голосом сообщил в телефонном разговоре приятель. – Лучшие отрывки из старых черно-белых фильмов под попкорн в кинозале для своих, а потом, может быть, ты что-нибудь исполнишь нам на рояле из киноклассики. Может, и свое что-то сыграешь?

- Нет, - засмеялся Александр. – В компании с Дунаевским и Мокроусовым я буду чувствовать себя неуютно.

- Неуютно, - обличительным и даже грозным тоном повторил приятель. – А знаешь, что в тебе сейчас говорит? Комплекс... Комплекс самозванца.

- Да пошел ты! – разозлился Александр. – Тоже мне психолог нашелся!

В общем, черно-белая классика Александра не прельстила. С куда большим удовольствием он отправился бы к обожающим пестроту бурдаланам. Иногда, впрочем, Александр соглашался выступать на благотворительных вечерах. А как-то и вовсе ему позвонила заведующая местной центральной библиотекой.

- У нас проходит серия встреч с интересными людьми «Вечера в узком кругу». Хотим предложить вам стать одним из наших гостей: сыграть несколько классических мелодий, а потом гости отвечают на вопросы наших читателей, - пригласила она.

- Спасибо за интересное предложение, - сказал Александр. - Пока, к сожалению, никак не могу, но если буду готов, я вам позвоню.

На всякий случай музыкант, скорее, для очистки совести, даже записал в блокнот телефон заведующей, но перезванивать не собирался.

Меньше всего ему хотелось сейчас отвечать на какие-то вопросы, тем более не хотел он ничего рассказывать незнакомым людям о себе.

Как-то, когда Александр, потерянный, бродил по весеннему городу, ветер принес ему вдруг из-за зарослей черемухи немного мыльных пузырей.

Музыкант бросился навстречу ветру, забыв о своей аллергии, и вдруг во дворе обычной многоэтажки увидел сидящую на скамейке красивую светловолосую стройную девушку с енотом на поводке.

Она пускала мыльные пузыри, а зверек, смешно подпрыгивая, ловил их лапами и ртом.

- Еноты обожают мыльные пузыри, - сказала девушка, заметив озадаченный взгляд Александра.

Он растерянно улыбнулся, кивнул и пошел подальше от зарослей черемухи.

Енот хоть и мил, но все же не эйо.

В другой раз знакомый с детства город и вовсе преподнес Александру невероятный сюрприз.

Свернув в заросли жасмина, украшавшие по обеим сторонам старинную чугунную лестницу, он увидел вдруг, как по ней спускалась девочка, державшая на поводке четырех пуделей – розового, оранжевого, салатного и белого.

- Диана! – закричал Александр.

Хозяйка пуделей не оборачивалась.

- Диана! Розаночка! Беляночка! Киви! Апельсинка!

Догнав девочку, Александр дотронулся до ее плеча. На него смотрело испуганное незнакомое лицо.

- Это же... Я знаю этих собак. Их зовут Розаночка, Беляночка, Апельсинка и Киви...

Пудели решив, что их хозяйке угрожает опасность, залаяли наперебой:

- Тише! Дина! Рика! Майя! Дик! Нет... Моих собак зовут по-другому. Их многие знают. С ними можно фотографироваться перед любым представлением в цирке. Когда начнется сезон.

Спасибо... - пробормотал Александр. – Спасибо...

Все понемногу вставало на свои места. Он сходит с ума. Или уже сошел. Мир вывернулся наизнанку, и изнанка так похожа на лицо, что он уже не в состоянии отличить одно от другого.

Чтобы убедиться в этом окончательно, Александр отправился туда, где искал ответы на свои вопросы в том мире, где остались Гайя, Диана, Розаночка, Беляночка, Апельсинка и Киви. В краеведческий музей.

- Скажите, - обратился Александр к экскурсоводу – худощавому, нескладному, с вдумчивым взглядом высокому молодому человеку в зеленом костюме. - Меня интересует история одного места в городе. Горелого леса. Может, вы сможете мне помочь?..

- А, извините, почему вас интересует Горелый лес? – наморщил лоб экскурсовод.

- Я не знаю, как это объяснить, - развел руками Александр, - но у меня такое чувство, что это особое место, где особая атмосфера...

- Я понимаю, что вы имеете в виду, - закивал молодой человек. – Наверное, у каждого есть такое особое место, где... Но о Горелом лесе сам я знаю, к сожалению, немного. Наверное, то же, что знают все итак. Что однажды в этом лесу случился пожар, и непонятно, что вызвало его. Говорят, в тот день в городе вспыхнуло сразу несколько пожаров – и все по необъяснимой причине. А в годы Великой отечественной войны в этом лесу фашисты расстреляли мирных граждан. Может, Владимир Иванович, директор нашего фонда, знает больше об истории Горелого Леса, - вопросительно посмотрел экскурсовод на тяжело поднимавшегося по лестнице невысокого пожилого господина, похожего на эйо.

Тот остановился, задумался и сказал:

- Мы не изучаем историю лесопосадок, может, стоит поискать в старых газетах в библиотеке.

4

В читальном зале, набрав кипу газет наугад, Александр тем не менее отыскал кое-что по интересующей его теме.

«Красный петух разгулялся в областном центре», - сообщала газета десятилетней давности о нескольких пожарах, один из которых уничтожил

часть деревьев в лесу на окраине города, другие – хозяйственные постройки в частном секторе.

Еще одна заметка рассказывала о работе поискового отряда, который вел раскопки в районе Горелого леса и установлении в этой его части памятного знака.

Однако все это мало приближало Александра к разгадке, хотя почему-то вдруг возникло ощущение, почти убеждение: он на правильном пути, и она где-то уже совсем близко.

Решив и дальше полагаться на это чувство, он поехал к Горелому лесу поговорить с жителями близлежащих улиц.

Кто знает, может, кто-нибудь из них когда-нибудь замечал в этом лесу что-то необычное, например, заснеженный рояль...

5

Даже улицы у таинственного леса носили музыкальные названия – Чайковского, Соловьиная... И в этом тоже Александру почудился какой-то знак. Чайковский...

«Времена года. Цикл для клавира», - набрал Александр в поисковике, опустившись на скамейку у одного из домов, неприметных на фоне новых особняков, но зато окруженного лавандой.

«Получил Ваше письмо, - выдал Яндекс ответ Чайковского Николаю Матвеевичу Бернару. – Очень благодарен Вам за любезную готовность платить мне столь высокий гонорарий. Постараюсь не ударить лицом в грязь и угодить Вам. Я пришлю Вам в скором времени первую пьесу, а может быть и разом две или три. Если ничто не помешает, то дело пойдет скоро: я очень расположен теперь заняться фортепианными пьесками. Ваш Чайковский. Все Ваши заглавия я сохраняю».

За спиной Александра что-то стукнуло, открылось окно, и из него полилась вперемешку с залиvistым собачьим лаем хорошо знакомая Александру мелодия «Апрель. Подснежник».

Александру вспомнился вдруг эпиграф Апполона Майкова :

«Голубенький, чистый подснежник-цветок,

А подле сквозистый последний снежок.

Последние слезы о горе былом

И первые грезы о счастье ином».

Дослушав мелодию по конца, Александр тяжело поднялся со скамейки и поплелся домой, почему-то так и не решившись постучать в окна дома, окруженного лавандой.

6

В сентябре один из школьных друзей Александра ушел воевать добровольцем, а другой уехал в Казахстан, чтобы не попасть под мобилизацию.

Каждый звал Александра за собой. Обоим он сказал, что добровольцем не пойдет, но от повестки скрываться не станет и стал на всякий случай собирать рюкзак, чтобы в случае чего не оказаться неготовым.

Как ни странно, это занятие действовало на Александра успокаивающе, навевая воспоминания о службе в музыкальной роте.

Случившееся недавно в каком-то другом мире, где он был кумиром бурдаланов, начинало постепенно казаться каким-то странным сном наяву. Он почти убедил себя в этом.

Сборы рюкзака заняли неожиданно много времени — почти месяц, причем, чего-то нужного уже не оказалось в военторгах, а лишнее утяжеляло ношу, и Александр принялся искать одно и выкладывать другое, попутно решил привести себя в форму, бегать по утрам и подтягиваться на перекладине во дворе.

Через несколько недель тренировки перестали вызывать у отвыкшего от них музыканта отвращение, а даже доставляли удовольствие — как бы то ни было, помогали свыкнуться с реальностью и забыть о том другом мире, который стал не без его участия таким уютным и светлым.

Чтобы чем-то себя занять и не думать о том прекрасном, что осталось для него навсегда за невидимой нерушимой стеной, Александр решил разобрать в квартире хлам.

Хлама было много: старые билеты на концерты, оторванные пуговицы, ключи не известно от каких дверей, исписанные блокноты, сломанные темные очки — всему этому была прямая дорога на свалку.

В одном из ящиков шкафа в коридоре Александр нашел даже пакет со старыми остановившимися давно часами.

Однако немало Александр обнаружил во время генеральной уборки и полезного — несколько чистых нотных тетрадей, кожаные перчатки, которые давно считал безвозвратно потерянными. Часы Александр хотел было сначала отправить в мусорное ведро, но передумал, решил починить, нашел в Интернете адрес мастерской часовщика и, не теряя времени, на следующий же день отправился туда...

Простенькая табличка в доме быта возвещала на одной из дверей «Ремонт часов» и указывала время работы.

Александр толкнул дверь, и ему показалось, его сердце так сильно ударилось о грудную клетку, как будто хотело вылететь из тела.

Прямо на Александра смотрел Часовщик.

- Юлий! - обрадовался музыкант.

Часовщик кивнул и улыбнулся, безо всякого сомнения узнав вошедшего.

- Вы вернулись? - от радости Александр забыл, зачем пришел.

- У тебя поломались часы? - напомнил мастер.

- Да... И даже не одни... - Александр достал из барсетки пакет.

- Что ж, - бережно перебирая застывшие механизмы, поставил диагноз Часовщик. - Реанимируем, и их сердца застучат снова.

Александр вдруг вспомнил о стрелках часов, украденных бурдаланами, и невольно улыбнулся.

Часовщик улыбнулся в ответ, по выражению его лица Александр догадался, что тот думает о том же.

Заговорщицки переглянувшись, теперь смеялись оба — громко, весело, до колик.

- Оххх! - выдохнул, наконец, Часовщик, держась за поясницу. - А время здесь не так уж и спешит. Моя жена по-прежнему красавица...

- Скажите... - стал серьезным Александр. - Вы знаете, как вернуться обратно? Вы ведь знаете?

- Нет, - вздохнув, помотал головой Часовщик. - К сожалению или к счастью, не знаю...

- Всего на пару секунд! На несколько секунд! - почти умолял Александр. На несколько слов!

- Слова это только слова, - вздохнув, развел руками Часовщик. - Любовь найдет сама дорогу к сердцу.

7

Вечером Александр играл на благотворительном концерте во Дворце культуры особенно вдохновенно. Мысль о том, что, может быть, в это самое время Часовщик запускает сердца его наручных механизмов, погружала его глубже в музыку, в ее самую суть.

Еще немного, и достигнешь самого дна, и оно вдруг окажется вместительной высью...

Оторвавшись от клавиш, он мельком посмотрел в зал, и его взгляд, как падающий лист за ветку, зацепился за другой взгляд, направленный сквозь стекла очков даже не на него, а как будто пытавшийся разглядеть что-то в глубине музыки. Александру на какое-то мгновение показалось, где-то они встречались с этой дамой раньше, может быть, на концертах, а, может, даже сидели когда-то за одной партой в школе.

Он играл Гершвина, «Голубую рапсодию». Последний аккорд завис в воздухе, но слушательница ждала продолжения, и он отважился на импровизацию.

Для того, чтобы сделать что-то свое, всегда нужна отвага, даже если это что-то всего лишь продолжение чего-то чужого, великого.

Продолжать, не повторяя, не съехать в пародию, не стать смешным в попытке превзойти шедевр — все это требует определенной деликатности, поэтому не стоит заходить слишком далеко...

Александр осторожно подвел мелодию к своему логическому завершению.

«Надеюсь, вы простите мне эту вольность», - говорил весь вид музыканта, когда он кланялся зрителям.

Выходя из Дома культуры, походя через сквер, прилегающий к нему, Александр увидел на скамейке ту самую девушку из зала, вдохновившую его так нагло продолжить рапсодию.

«Да, это, точно, та самая зрительница», - не заметил, как замедлил шаг, Александр.

- Простите... - теребя сумочку, поднялась со скамейки, девушка. - А где можно услышать вашу музыку?

- Мою? - удивился Александр.

- Ну да. Ту, которую сочинили вы.

- Почему вы решили, что я сочиняю музыку? - проворчал Александр, как будто его застали врасплох за каким-то неприглядным занятием.

- Я не решила, - нервно поправила девушка очки. - Я услышала это, когда вы импровизировали...

- Вы угадали, - согласился Александр. - Но я не играю свою музыку на концертах. В компании Генделя и Моцарта я чувствовал бы себя неловко, - привычной скороговоркой пошутил музыкант.

- Очень жаль, - расстроилась девушка и повернулась к нему спиной, намереваясь покинуть сквер.

- Подождите, - неожиданно для себя самого остановил ее Александр. - Я играю свою музыку в узком кругу, и, если вы оставите мне свой номер, я приглашу вас, когда буду играть.

Девушка благодарно улыбнулась, расстегнула сумочку и протянула Александру визитку. Простую, на бледно-розовой бумаге. Кроме номера телефона, на ней было только имя — Галина.

Красивое имя, но, конечно, не «Гайя»...

7

Однако вскоре Александру пришлось признаться себе самому в том, что у него появился повод (именно повод!) сыграть свои сочинения в узком кругу, и этот повод — Галина.

Он почти не запомнил ее лица. Только то, что оно было приятно, пожалуй, даже красиво неброским мягким очарованием.

К своему удивлению, Александр вдруг отметил для себя, что не только в Бурдалании, но и в его городе произошли за последнее время приятные изменения – открылся новый концертный зал и две небольших галереи.

Музыканта как-то даже посетила забавная мысль: может, если бы он играл в этом городе так же вдохновенно, как у бурдаланов, то и радостных перемен было бы больше. Александр засмеялся. Может, и сам он стал бы другим – отчаянным и храбрым, как бурдаланин, гениальным, как лучшие из горожан, и равнодушным к славе, как эйо.

Сказав Галине, что играет свою музыку только в узком кругу, Александр немного лукавил. Круг, в котором он мог играть свои сочинения, был не просто узким, а всего пара друзей, которые оба сейчас далеко, и прежде Александр никогда не думал о том, чтобы расширять этот круг и впускать в него хоть кого-то еще...

Пианист заметил вдруг, что уже не первый день ищет подходящий повод пригласить Галину на концерт в узком кругу. Вот только найти подходящий повод гораздо легче, когда его не ищешь, когда его не ждешь...

Конечно, будь на месте его, Александра, Рэк или Виола, они бы просто решили проблему – просто-напросто создали бы повод.

Но Александру никогда прежде не приходилось прибегать к подобным хитростям, и он в который раз банально перебирал более-менее подходящие варианты по кругу...

Просто пригласить даму в гости, пожалуй, еще не так поймет, тем более, судя по всему, Галина – женщина интеллигентная.

Позвать на какую-нибудь презентацию, где он будет выступать и где не много приглашенных,— тоже не годится. Не та атмосфера – да и на таких мероприятиях люди настроены больше слушать хорошо знакомые мелодии.

Нет, определенно нужно что-то более... духовное, интеллектуальное...

Может, подбить знакомого из кинофонда созвать местную богему на очередной киноквартирник? Давненько что-то их не было...

Старое доброе черно-белое кино и клавиши – отличный тандем.

Но, скорее всего, зрители начнут требовать исполнять саундтреки из кинофильмов.

Нет, все не годится...

Александр и сам не знал, чего ему хочется больше – увидеть еще раз Галину или повторить свой триумф в Низине у бурдаланов. Никогда прежде он не чувствовал такой свободы, граничащей с чувством полета, как там.

Так и не придумав ничего более оригинального, Александр, вздохнув, стал листать записную книжку в поисках телефона старого знакомого.

И вдруг музыкант испытал ощущения, какие, наверное, познал Ньютон, когда ему на голову свалилось то самое яблоко.

Записная книжка неожиданно сама подсказала ответ.

«Вечера в узком кругу, Нелли Егоровна», - красовалась написанная им же, Александром, наискосок подсказка и телефонный номер заведующей центральной библиотеки напротив.

Боясь передумать, Александр тут же набрал комбинацию цифр на мобильном так старательно, как будто она была кодом-пропуском в тот, другой мир, в котором Александр на время стал своим.

-Алло... - голос Александра звучал не слишком твердо, и все же после обычных приветственных фраз музыкант произнес. – Я готов поучаствовать в вашем проекте: «Вечера в узком кругу», только... - Александр выдержал паузу и произнес. – У меня будет одно условие...

В горле вдруг встал ком, а голос пропал...

Нет, чтобы произнести такое, нужно пару раз прорепетировать перед зеркалом.

Сделав пару вздохов, Александр выпалил:

- Лучше я сам заеду к вам...

- Хорошо, - легко согласилась заведующая. – Приезжайте, обговорим детали.

8

На следующий день у входа в кабинет заведующей Александр так нервничал, как будто собственный начальник вызвал его на ковер.

В библиотеке громко играла ритмичная музыка и сквозь нее доносились выкрики.

К счастью, заведующая не могла принять посетителя немедленно.

- Рада вас видеть, - протянула руку для приветствия зрелая ухоженная светловолосая дама, - но, простите, у меня сейчас мероприятие. Нужно сказать приветственное слово. У нас здесь сегодня шумно.

- У вас здесь уютно.

- Не поверите, я еще застала те времена, когда библиотекари главным образом занимались тем, что выдавали книги, - заведующая улыбнулась. - Я вернусь минут через пятнадцать, максимум через двадцать. Подождете или зайдете в другой раз?

- Подожду. А «Вечера в узком кругу» проходят в том же зале?

- Нет, они проходят в Сиреневом зале на четвертом этаже, а шумные мероприятия – на первом.

- А можно я посмотрю пока Сиреневый зал?

- Конечно.

На четвертом этаже было тихо. Все собрались на первом. Очень кстати.

Дверь в Сиреневый зал, слегка приоткрытая, точно приглашала Александра войти внутрь.

Старенький «Аккорд» ожидал его в углу.

Кресел, и правда, немного. Всего двадцать.

За ними у самой стены свисали с потолка белые качели, похожие на узорчатый ажурный гамак.

Качели для принцессы – в них отлично смотрелась бы Гайя.

Нет... Гайя больше никогда не услышит его. Но в зале будет другая женщина с похожим именем – Галина.

Он будет играть для нее музыку Александра Голдина, как когда-то в бывшей Низине играл для Гайи.

Александр плотно закрыл за собой дверь и быстро прошел к роялю.

Удачный момент для репетиции в одиночестве и шанс понять, сможет ли он играть свою музыку хотя бы в узком кругу почти незнакомых людей.

Александр нажал клавишу, потом другую.

Рояль отозвался укором:

- В чем смысл музыки, которую играешь только для себя? – строго спрашивал он.

- А вот в чем! – ответил Александр пассажем, закончившимся уверенными аккордами. – Музыка не станет лучше или хуже от того, услышит ее кто-то или нет.

- Ладно, - глухо отзывался старый рояль. – Музыка не станет от этого хуже, но мир может стать немного хуже или лучше.

- Кто я такой, чтобы менять этот мир? – робко отвечал Александр и си-бемоль миноре.

- Не ты один! – бросал вызов старый рояль. – Есть другие музыканты, ты всего лишь один из них, но музыка не приходит в мир случайно, она приходит, чтобы звучать.

- Чтобы звучать, - согласился Александр.

Да, теперь он, пожалуй, был готов сыграть на вечере в узком кругу, он был готов сказать, что хочет сыграть свою музыку.

Александр встал из-за рояля, поставил стул к нему поближе, чувствуя себя чуть-чуть преступником, скрывающим улики на месте преступления.

Но скрываться было поздно.

Александр стоял у рояля в полном зале, и замороженные его игрой зрители смотрели на него.

Заняты были не только двадцать кресел. Кажется, весь первый этаж переместился на четвертый.

В Силеневый зал набилось человек двести – не меньше, и все эти люди вдруг принялись неистово аплодировать Александру, а он только переводил недоуменный взгляд с одного лица на другое - совсем юные ребята и девчонки и более зрелые, и пожилые, видимо, их преподаватели и сотрудники библиотеки, ее директор, Галина... Она-то здесь как оказалась?

Галина ответила на взгляд Александра одобрительной и восхищенной улыбкой, точно догадываясь, что творится в его голове.

Александр благодарно кивнул и поклонился всем сразу и Галине в отдельности. Если бы ни она, этого восхитительного события в его жизни никогда бы не случилось, и в этом они с Гайей очень похожи.

Зрители тихо разошлись, точно боясь растерять впечатления.

В зале остались только Нелли Егоровна и Галина.

Галина уселась на качели для принцессы и смотрелась в них вполне органично – что-то в повороте головы, взлете руки даже напомнило Александру Гайю.

И все же в отличие от Гайи у Галины был один большой недостаток: она не Гайя, и ничто не может это изменить.

Впрочем, данное досадное обстоятельство никак не мешает им вдвоем подготовить уютный музыкальный вечер в узком кругу.

- Что вы сейчас играли? – спросила Нелли Егоровна.

Александр слегка замялся с ответом, почувствовав привычное смущение.

- Александра Голдина, - весело ответила за него Галина.

Заведующая вопросительно посмотрела на музыканта.

- Да, - кивнув, подтвердил Александр.

- Прекрасная музыка, - горячо, подчеркивая «Р» и чуть прищурился глазами, вынесла вердикт начальница. – Жаль, не слышала ее раньше. Так каково же ваше условие?

- Условие? – все еще не мог опомниться от недавнего внезапного успеха Александр.

- Да... Вы говорили, у вас есть какое-то условие.

- Собственно говоря, - развел руками, неловко хихикая, Александр, - это оно и есть. Я хотел бы играть на этом вечере музыку своего сочинения.

Александр удивился, как спокойно, можно даже сказать, с достоинством, он произнес эту фразу.

- Конечно! – горячо одобрила заведующая. – Может, попозже вы сыграете ее у нас и для более широкого круга? В Зеленом зале! Что скажете?

- Скажу «с удовольствием»! – вполне уверенно ответил Александр.

- Значит, готовим афиши! – довольная, удалилась в свой кабинет заведующая. – Обсудим детали в моем кабинете.

А потом возвращайтесь к нам, - пригласила Гайя. – У нас здесь интересно.

В Сиреневом зале тем временем снова начали собираться люди.

- Значит, вы работаете здесь?

- Да, в научно-техническом отделе, - чуть смущенно улыбнулась Галина. - И, кстати, я ведущая «Вечеров в узком кругу». Ваш - через две недели, а сегодня... Приходите. Как раз увидите, как они у нас проходят...

9

Галина только-только закончила представлять гостей.

Гостей в Сиреневом зале в этот вечер было двое – один из них человек, известный в городе – художница Марта Красникова.

Дерзкая и в то же время беззащитная с виду миниатюрная блондинка – никто точно не знал, сколько ей лет.

Одни говорили, что она совсем еще девчонка, другие, что знают ее сто лет, и всегда она выглядела точно так же и даже молодеет с годами – ведьма не иначе.

Догадку последних подтверждал и черный кот художницы – решительный ленивый довод с зелеными глазами. Вдобавок, он писал картины лапой.

Так утверждала его хозяйка. И ладно бы кот изображал отпечатки лап или, на худой конец, других котов.

Нет, он замахнулся своими когтями на звезды – писал ни что иное, как космос, как, впрочем, и сама Марта Красникова.

Питомец подозрительно точно копировал манеру хозяйки. Котяра, пишущий космос, пожалуй, мог бы составить о-о-очень серьезную конкуренцию разноцветным питомцам Дианы, играющим на рояле.

Одет он был соответствующим образом – в brutальные кожаные ремни, переплетавшиеся на спине кота, и такой же ошейник, видимо, признанные подчеркивать благородное происхождение.

Художница с помощью Галины расставила на мольбертах у рояля свои картины.

- Стра-ашно... - призналась она вдруг, обхватив себя руками.

- Не бойтесь! – ободрили голоса из зала.

- Даже не знаю, с чего начать...

- Расскажите, как вы начали рисовать звезды, - подсказал Александр, усаживаясь на единственное свободное, как будто только его и ждавшее кресло в Сиреневом зале.

- Я... - вздохнула молодая женщина, - с детства мечтала ... полететь в космос... но... у меня слабый вестибулярный аппарат. Я пыталась решить эту проблему, тренировалась, осваивала дыхательные техники... Теперь могу даже летать на самолете, без особого удовольствия, правда, но вполне сносно чувствую себя в полете. Но космос так навсегда и остался для меня несбыточной мечтой.

Художница улыбнулась и снова вздохнула.

- И тогда я решила: раз уж я не могу приблизиться к звездам, пусть звезды приблизятся ко мне хотя бы на холстах. Вот так я обманула свою мечту и поступила на худграф.

- А почему кот начал рисовать звезды? – раздался голос сзади, вибрирующий, то высокий, то низкий.

Александр обернулся. Ему показалось, сейчас он увидит позади себя Виолу. На освободившийся гамак для принцессы нагло уселась дама с диктофоном, чем-то похожая на Виолу Рерайт, и даже так же любопытно водила чуть вздернутым носом, точно надеясь им учуять знакомый запах жаренных фактов.

Глаза у сидевшей сзади даже сузились, как у прапраправнучки великой бурдаланской писательницы во время их последней встречи.

- Мой кот... Ему нравится, когда шуршат кисти, и он пытается поймать их лапой, а иногда просто любит пробежаться по холсту, иногда я даже сама разрешаю ему побегать по фону, окунув его лапы в краску. Вот как на этой картине.

Фиолетовый фон на полотне, которое легким жестом показала зрителям художница, был усеян созвездиями, напоминающими следы кошачьих лап.

- А как же потом оттирать кота? – стал осуждающим вибрирующий голос.

- Картины Карлос Карлеоне пишет акрилом. Он легко отмывается обычной водой, а вот где он сам вляпывается в краску (обычно я пишу маслом) – здесь уже сложнее – без хозяйственного мыла не обойтись.

- А почему вы решили, что кот рисует звезды? – становилась дотошной журналистка.

- А как вы думаете, что он рисует? – ответила художница вопросом на вопрос.

- Я вижу размазанную краску и где-то на ней кошачьи следы, - ответила не-Виола.

- Вы правы, - неожиданно согласилась художница. – Если вы видите размазанную краску и кошачьи следы – значит так и есть. Для вас так и есть.

На то она и абстрактная живопись, что каждый увидит в ней что-то свое. И каждый будет прав. Интересно, кто-то, как я, видит на картинах Карлоса Карлеоне звезды?

- Да, - ответила Галина.

- Да, - сказал Александр.

- Да, да, - раздалось еще несколько голосов.

- А мне кажется, это больше похоже на цветы на лиловой траве, - отозвалась темноволосая девушка в полосатом свитере и джинсах, сидевшая недалеко от Александра.

- Может быть, где-то и есть такой мир, где трава лиловая, - не стала спорить художница. – Наверное, вы любите цветы?

- Да, я развожу орхидеи.

- А ваш кот? – спросила пожилая дама с ярко-красной стрижкой. – Что он любит?

- Он любит нежиться на балконе на солнце, смотреть на город из окна, свежую рыбу и новогоднюю мишуру...

- Так может, он все это и рисует? – предположила та же дама. - Ведь у котиков, наверное, тоже есть свой собственный мир, может, его он и рисует – рыбу, город, мишуру, солнце...

- Солнце – тоже звезда, - одновременно согласилась и возразила художница. – Так что, как ни крути, мой кот рисует космос.

С этим утверждением никто спорить не стал.

- Сейчас у всех у нас будет возможность погрузиться ненадолго в мир Карлоса Карлеоне, - загадочно сообщила Галина, - вместе с его хозяйкой мы сняли небольшой фильм о нем.

В зале погас свет, и в темноте загорелись желтые глаза Карлоса Карлеоне и белый экран.

Узнав на нем себя, кот впервые за вечер к восторгу зрителей издал удивленное «Мяу!».

Художница водила кистью по холсту, а Карлос Карлеоне в своем естественном меховом одеянии безо всяких атрибутов благородного происхождения норовил эту кисточку отнять, и это ему, наконец, удалось.

Кот схватил ее зубами и понесся с добычей по квартире, а Марта устремилась за ним, но питомец оказался проворнее и спрятался под диван, так и не разжав зубов.

И все же хозяйка, призвав в союзницы смекалку, отправилась на кухню и достала из холодильника рыбку, с которой вернулась обратно к дивану и вскоре из-под него показалась лапа.

Карлос Карлеоне соблазнился-таки серебристым хвостом, а художница завладела тем временем кисточкой и вернулась к звездам.

Разделавшись с рыбой, Карлос-Карлеоне снова оказался возле хозяйки, но спокойно сидел он недолго. Через минуту серая лапа смачно опустилась на холст и съехала вниз.

- Вот так мы и пишем картины, - понесла художница нашкодившего Карлоса-Карлеоне в ванную.

Экран погас, а свет зажегся.

Зрители улыбались, даже двойник Виолы покачивалась на качелях с вполне благосклонным видом.

Вечер в узком кругу удался.

- А можно, я теперь спрошу? – спросила художница, обращаясь к ведущей.

- Конечно, - ответила Галина.

- Когда мы увидим наконец твои картины? Ведь знаете, - обратилась она теперь уже к зрителям, и , как показалось Александру, к нему персонально, точно найдя неожиданную поддержку в его лице, - я знаю Галю давно, и у нее волшебные картины. Да, волшебные, - повторила Марта с вызовом. – Но она почему-то скрывает их в четырех стенах своего дома, а я считаю, так быть не должно, ведь правда?

Хозяйка Карлоса Карлеоне с надеждой посмотрела на Александра.

- Не должно, - встал он на сторону против Галины.

- Галя? Это правда? – с укором смотрела на нее дама с красной стрижкой, которая, по-видимому, была завсегдаем вечеров в узком кругу. – Ты, правда, скрываешь от нас свои картины?

Галина стояла, молча опустив глаза с виноватым видом.

- Нужно немедленно это исправить. Немедленно, - потребовала дама с красной стрижкой.

- Хорошо, - сдалась Галина, - я над этим подумаю, и, может быть, в один из ближайших вечеров в узком кругу я...

- Вот! – обрадовалась Марта. –Теперь не отвертись. Мы все слышали, и Карлос Карлеоне тоже слышал, а у него хорошая память и острые когти, если что.

Узкий круг одобрительно засмеялся и зааплодировал коту и его хозяйке.

«А что, здесь не так уж и уныло, в этом мире», - подумал Александр, представив, какой успех имел бы этот вечер у его приятелей-бурдаланов.

Сделав общее фото на память, гости и зрители стали неохотно расходиться.

Художница сняла с мольбертов картины и сложила их в большой пакет.

- Зачем ты?.. – вздохнула Галина.

Теперь, когда в зале почти никого не осталось, она выглядела расстроенной и немного уставшей.

- Затем, что хватит прятать от мира свой дар! – оставалась непреклонной Марта. – Я верю в вас, вы сможете ее убедить, - бросила она на прощание Александру и скрылась за дверями, а Карлос Карлеоне, распушив хвост, и, как и его хозяйка, ни с кем не попрощавшись, последовал за ней.

- Значит, вы не только библиотекарь и ведущая, но и художница – у вас много талантов, - улыбнулся Александр, играя словами и испытывая странное удовольствие от того, что потайной смысл их известен только ему одному.

Галина улыбнулась и вздохнула.

- Не так уж и много, и я даже не знаю, в таланте ли дело, или в чем-то другом... Как сегодня говорили на вечере, у каждого, даже у кота, внутри свой мир... Как все странно...

Галина растерянно опустила на стул за роялем.

- Странно, - согласился Александр. – Странно то, что вы вдохновили меня играть свою музыку для других, а сами...

Галина нервно засмеялась:

- Нет, дело не в этом...

- А в чем тогда дело?

- Вы как творческий человек, может быть, поймете меня... У вас никогда не было ощущения, что этот мир... созданный вами в звуках, вдруг начинает... оживать, становится реальным, осязаемым?..

- Я вас очень хорошо понимаю... даже не представляете, насколько... - заверил Александр.

Рука Галины вдруг каким-то непонятным образом оказалась в его руке.

- Но вдруг я сотворю что-то ужасное... и это оживет.

- Вы не можете сотворить ничего ужасного. Вас убеждает в обратном комплекс самозванца, - всплыл в памяти Александра разговор с приятелем.

10

Александр стал заезжать на работу за Галиной чтобы обсудить с ней детали предстоящего вечера с его участием, а заодно приглашать ее то на свои концерты, то в кино, и вдруг обнаружил, что у них закрутился роман.

Ему пришлось признаться себе, что он влюблен сразу в двух женщин, одновременно таких похожих и таких разных – незаконно рожденную принцессу Гайю и сотрудницу научно-технического отдела главной научной библиотеки города Галину. И Александр чувствовал себя немного виноватым перед обеими.

Александр хотел было даже рассказать Галине о заснеженном рояле и познакомить ее с Часовщиком, но передумал.

Лучше самому ему забыть о том, куда обратной дороги нет .

Забыть о потерянном мире, продолжая помнить о Гайе, и знать, даже чувствовать: она тоже помнит о нем.

Окружающий мир уже совершенно не казался Александру безликим.

Да, слишком сложным порой, но в нем немало прекрасного, интересного, и, оказалось, этот странный и правильный мир тоже хочет слышать его, Александра Голдина, и слышит его.

11

Подготовка к вечеру в узком кругу заняла чуть больше недели и за это время Александр успел несколько раз пригласить Галину в арт-кофейня с белым роялем, где играл для нее свою музыку.

Слушателя Голдина не она одна, но это больше не смущало Александра.

Он был готов теперь играть для всех, кто захочет услышать его.

Спасибо Галине и Гайе.

Перед началом своего вечера в узком кругу Александр уже почти не чувствовал волнения.

Примерно половина зала была уже знакома ему по прошлому вечеру в Сиреневом зале, так что, можно сказать, он, действительно, оказался в своем кругу.

Была в зале и журналистка, похожая на Виолу Рерайт.

Она спросила Александра:

- Почему вы раньше нигде не играли свою музыку для других?

- Я играл, только в очень узком кругу, - стусевался он. – Но я играю в основном классику, произведения великих композиторов. Я, скажем так, не чувствовал бы себя уютно в компании Чайковского, Гайдна, Генделя...

- А теперь, значит, стали уютно чувствовать себя в их компании? – съехидничала не-Виола.

- А теперь, - нашелся Александр, - я не в их, а в собственной компании...

Узкий круг одобрительно заплодировал, посыпались вопросы.

Александра спрашивали, как он начал играть на пианино, как стал сочинять, что его вдохновляет и когда можно услышать его музыку снова.

И он рассказал о том, что его мать была учительницей музыки, и пианино поселилось в доме, раньше, чем родился он, а играть начал чуть ли не рождения, и все вокруг было продолжением и причиной музыки. Он родился в мире музыки и жил в нем и не знал другого мира до недавних пор, пока...

12

Впервые за уже довольно долгое время Александр встречал Новый год не один, а в веселой компании в ресторане с Галей и ее друзьями.

На День Влюбленных он хотел признаться Галине в любви за столиком в их любимой арт-кофейне с белым роялем, но валентинка так и осталась в его кармане.

В последний момент он решил, что глупо дарить открытки-сердечки, и вообще это праздник не наш, не русский.

К счастью, во взгляде Галины не было того нервного ожидания продолжения, какое он часто видел в глазах других женщин.

Она ничего не ждала – наслаждалась моментом, и Александр был ей за это благодарен.

Все его часики теперь исправно тикали.

Прошла еще неделя, и с удвоенной решимостью он пригласил Галю в ту же кофейню с белым роялем в углу, виниловыми пластинками и настешь распахнутыми книгами на стенах.

В нагрудной кармане у Александра теперь затаилось кольцо и выжидало подходящего момента.

И когда он почти наступил, решительно оставив чашку с недопитым кофе в сторону, Галина вдруг спросила тоном человека, в мыслях которого было набатом «сейчас или никогда»:

- Хочешь увидеть мои картины?

- Да! Конечно! – с каким-то даже вызовом ответил Александр, забыв про кольцо.

- Тогда пойдем, - тем же тоном ответила девушка. – Только... не спрашивай ни о чем раньше, чем их увидишь. Иначе... я боюсь, я так и не смогу их никому показать.

- Хорошо. Обещаю молчать. Клянусь! – для большей убедительности Александр даже положил руку себе на грудь и тут же отдернул, решив, что выглядит смешным в глазах Галины, или, напротив, что еще хуже, вдруг она решит, что он насмехается над ней.

Но сейчас он чувствовал, что как раз он может помочь ей в том, что она еще не может выразить словами – точно также как недавно она помогла ему.

К тому же, ему, действительно, не терпелось увидеть эти картины, которые Марта назвала волшебными.

13

Сторонники творческого беспорядка, к коим относил себя и Александр, неизменно находили в домике Галины прочное и красивое обоснование так до сих пор толком не озвученной теории.

Как будто достаточно вообразить хаос и перечеркнуть его яркой надписью «творческий» наискосок, но только не все так просто.

У каждого адепта творческого беспорядка он свой, неповторимый.

У Александра – с явным уклоном в «лофт», мужественный, винтажный, украшенный вензелями. У Галины – пушистый, уютный, как будто сшитый воедино из меховых, атласных и парчовых лоскутков.

Забытый голубой недовязанный шарф на кресле с небрежно наброшенном на него пледом, разноцветные клубочки, угнанные котом-бурдаланом в разные углы жилища...

Больше всего нагромождения в доме создавали картины, и они же дарили особую обволакивающую атмосферу, словно пытаюсь раздвинуть стены.

Многие картины были недописаны. Мир на них как будто замер и просил помощи у Александра.

На нескольких картинах колоритные дворники мели улицы, на других умывались кошки, а на нескольких нежились в мягкой зелени улитки, невольно напомнившие гостю о его встрече с эйо-архитектором...

Вздыхнув, Александр улыбнулся и подумал вдруг, что будет, если взять и рассказать Галине, как тогда Елене, о эйо, бурдаланах, разноцветных пуделях. И все же не рискнул испортить все впечатление о себе.

На одной из немногих дописанных картин художница изобразила красивую длинноволосую девочку с лисенком в горах. Сзади плескалось море или, может быть, океан.

«Все-таки, - решил Александр, - их миры во многом похожи, но не стоит пугать Галину рассказами о бурдаланах».

Он снова улыбнулся.

Заметив, что Александр долго рассматривает картину с девочкой и лисенком, поставленную на стол, художница встала рядом с ним.

- Вот! С этой картины все и началось, - каким-то не то недовольным, не то обличающим тоном начала Галина. – Это портрет моей крестницы, но все дело в том, что лисенка, горы и океан на нем я придумала...

- И что же? – не понял Александр, что могло так возмутить и расстроить Галину. – Все равно очень красиво.

- Да, - согласилась Галина. – Невероятно, но позже у нее, действительно, появился лисенок. Сам прибился к их дому за городом, и это еще не все... Ее папа неожиданно заключил контракт и увез семью к горам и океану.

- Куда? – вздрогнул Александр.

- На Южный Сахалин.

- А... - разочарованно протянул Александр.

- Тогда крестница сказала мне: «Представляешь, все, что ты нарисовала, исполнилось».

- И что же в этом плохого? – не понял Александр.

- А вот что! – Галина развернула одну из картин, повернутых лицом к стене, как будто наказанных за что-то.

На картине бушевал недописанный огонь. Галина легонько стукнула себя пальцем в висок.

- Раньше, чем я успела ее дорисовать, у соседки сгорел сарай...

Александр засмеялся.

- А при чем здесь картина?

- Как причем?

Александр заметил, как округлились под стеклами очков в грубой оправе глаза Галины.

У нее очень красивые глаза.

- Ведь на ней – огонь...

- Просто у тебя хорошая фантазия, творческим людям свойственно иногда драматизировать, сгущать краски и все такое....

- Но... если.... если все-таки Алиса права, и они оживают?

- Пусть даже так. И что с того? – хмыкнул Александр.

- А если я придумаю что-нибудь ужасное? Что-то, что разрушит наш мир...

- Мне кажется, ты слишком много на себя берешь. Ты просто художница. Талантливая художница, и не должны прятать свои картины от мира.

- У Чарльза Буковски есть такая фраза... «Я не верю, что можно изменить мир к лучшему. Я верю, что можно постараться не сделать его хуже»...

- Мне больше нравится, как сказал Блок: «Сотри случайные черты, и ты увидишь, мир прекрасен», - - мягко возразил Александр.

Галина вздохнула:

- В нем много по-настоящему прекрасных людей, каких как ты, Александр. Я называю их людьми без двойного дна. Такие должны, просто обязаны творить. Но есть и другие люди, которые на самом деле не такие, какими кажутся окружающим. В них как будто живут несколько разных людей, и они сами порой не знают, какие они на самом деле. Такие люди хитры, изворотливы, непредсказуемы иногда. Они тоже могут создавать картины или музыку, например, но прежде им следовало бы выправить собственные извилины. Если бы они тоже могли... медленными шагами приблизиться к совершенству, каким прекрасным стал бы наш мир, все миры во Вселенной. Но путь к совершенству для таких, как я, очень долгий и трудный, таким проще, наверное, родиться заново. Нужно полное перерождение – в греческом есть более точное слово «метанойя»... Слово обожгло, ударило Александра.

- Какое сегодня число? – воскликнул он.

- Двадцать первое, - растерянно отозвалась Галина, - февраля.

Александр выскочил на улицу.

Как он мог забыть! Сегодня двадцать первое февраля!

Александр выбежал на улицу, не одеваясь и не обуваясь, в чем был — в футболке и джинсах - и не чувствовал холода.

Он оглядывался по сторонам в поиске знакомой рыжей таксы, но собаки нигде не было.

Что ж! Проводник ему и не нужен. Он и сам знает прекрасно дорогу в Горелый лес, где ждет прихода музыканта заснеженный рояль.

Как мог он забыть, как мог так увязнуть в этом мире, забыть данное Гайе обещание?

«Вы гений, Александр Голдин», - всплыло в памяти любимое лицо.

Полустертые черты, как будто кто-то прошелся по ним ластиком...

«Не забудь», - шептали губы Гайи.

«Не забуду, я не забыл», - бормотал Александр, не чувствуя холода, не обращая внимания на удивленные взгляды прохожих, то и дело сопровождавшие его до самого Горелого леса.

- Я не забыл! Я здесь! Гайя! – закричал Александр, бессильно оглядываясь в поисках заснеженного рояля.

Инструмента нигде не было.

Значит ни черемуха, ни сакура не зацветут прямо сейчас...

Поеживаясь и подпрыгивая по снегу, Александр выбрался из леса. Фонари подмигивали друг другу, как будто насмехаясь над ним.

Еще и в Галей вышло глупо. Очень глупо.

Нужно извиниться. Но не сегодня, не сейчас...

В спутанные мысли ворвалось грозное рычание, и прежде, чем он успел понять, что происходит, кто-то впился зубами в его пятку, не защищенную ботинком.

Вскрикнув, Александр резко обернулся и снова вскрикнул, но уже не от боли, а от радости.

Та самая такса!

Но в этот раз она была не сама по себе, а на поводке у немолодой женщины ростом не выше Часовщика.

Александрю она едва доставала до пояса.

Из-под шапки выбивались серые курчавые волосы, а в лице, действительно, что-то, даже его выражение, напоминало бессменного смотрителя Городской Башни.

Говорят, если супруги счастливо живут много лет вместе, они становятся похожими друг на друга...

Мысли мчались наперегонки в голове Александра, а он бежал за дамой, испуганно кудахчущей «Куда? Куда? Куда?», едва успевающей за своей собакой.

Женщина открыла рот, но не успела извиниться. Такса залаяла и увлекла ее за собой на поводке, так что теперь не собака была на поводке у хозяйки, а хозяйка на поводку у собаки.

Но Александр знал, куда бы она ни привела его, он вновь обретет там свое потерянное счастье.

Как будто даже время повернулось вспять, или кто-то отматывал назад киноленту.

Такса нырнула в старые дворики, и с удивлением Александр обнаружил, что бежит обратно той же дорогой – к дому Галины.

Собака остановилась на пороге, утвердительно гавкнула и, вскинув уши, с вызовом посмотрела на Александра.

Извиняющийся взгляд его хозяйки тоже был обращен к нему:

- Вишенка в последнее время ведет себя совершенно непредсказуемо иногда, но у меня такое чувство, что вместе с этой не понятно откуда взявшейся собакой в мой дом вернулось счастье, - переводила дух жена Часовщика. – Может, стоит постучаться в эту дверь?

- Кто вы? – спросил Александр.

- Обычный человек, - пожала плечами женщина, - который любит такс, лаванду и классическую музыку. Не помните, откуда эти строки?..

«Голубенький, чистый подснежник-цветок,

А подле сквозистый последний снежок.

Последние слезы о горе былом

И первые грезы о счастье ином?»

Женщина загадочно улыбнулась.

Такса позволила хозяйке увести себя, а Александр сделал именно так, как она посоветовала.

Поступал в уже знакомую дверь.

Галина успела за это время, пока он носился почти босиком по городу к лесу и обратно, переодеться в яркий халат, напоминавший кимоно, снять очки,

дать свободу волосам, оказывается, таким густым и длинным, что хотелось запустить в них руку.

В ее доме пахло чаем из каких-то весенних трав, как когда-то в цветнике лучшей студии дизайна роялей Города.

- Я... я... - Александр мялся на пороге, не зная, что сказать.

Галина стояла перед ним, глядя на его ноги, и, видимо, недоумевая, что заставило его бежать прочь от ее красоты без ботинок и пальто, чтобы вскоре вернуться обратно.

- Я... - подбирал Александр слова, как мелодию, звучавшую в голове и просившую воплощения в звуках и нотах.

В уголках рта Галины появились, к облегчению Александра, озорные ямочки, ресницы взлетели вверх и... он встретился взглядом с Гайей.

Она взяла его за руку и отвела в другую комнату, сплошь уставленную маленькими разноцветными домиками из Старого Города.

- Так значит... это ты... это твой мир? - догадался Александр, мысленно прогуливаясь по знакомым улицам.

- Я нарисовала этот мир и себя в этом мире такой, какой всегда хотела быть – красивой и смелой. Так я стала Гайей и забыла себя настоящую, я заблудилась в собственном мире и так бы, наверное, никогда и не проснулась, если бы ты однажды не сыграл на заснеженном рояле... Я жила там, а здесь была лишь тенью себя самой, но когда ты вернулся в этот мир, мне захотелось последовать за тобой. И вот я здесь...

- Значит, в том мире нет больше Гайи?

- Нет. Ни Гайи, ни тебя, ни Часовщика, но это уже не важно – мы хорошо сыграли свои роли... Мир эйо, горожан и бурдаланов теперь прекрасно обойдется и без нас, - улыбнулась Галина.

- Ты не скучаешь по ним?

- Скучаю... - призналась Галина и положила голову на плечо Александру. – Но... в какой-то момент я перестала понимать, я придумала этот мир или он придумал меня, а я просто случайно угадала его существование, нащупала интуицией или воображением. Так или иначе он реален и развивается по

своим законам и иногда присылает мне вести оттуда... Ты, конечно, помнишь Виолу? – чуть вскинув брови, усмехнулась Гайя.

Александр чуть виновато опустил глаза и сказал:

- Припоминаю...

- Хочешь узнать, что будет дальше - с ней и с другими?

Александр кивнул.

Галина подошла к шкафу, заваленному холстами, встала на цыпочки и вручила подоспевшему на помощь Александру стопку картин без рам.

Он медленно перебирал их то хмурясь, то печалась, то улыбаясь.

На картинах он узнавал знакомые лица, и продолжение невероятной истории красочно разворачивалось перед его глазами...

Глава 4

БУРДАЛАН В ПАЛЬТО АЛЕКСАНДРА

... Кофе стал совершенно безвкусным, как, впрочем, и все вокруг. Ни одна новость давно не казалась Виоле Рерайт, прапраправнучке великой писательницы, ни интересной, ни значимой, как будто в мире не происходило ни-че-го. Но это не так. Происходило. Многое.

Но все самое интересное и значимое теперь почему-то проходило мимо нее, да еще и уплывало прямо в загребущие руки Рэка. Этого бурдалана в чужом пальто Виола ненавидела теперь еще больше, чем его прежнего владельца — Александра.

И каким-то образом этот бурдалан казался другим умнее, смелее и талантливее ее, Виолы Рерайт.

«Ему просто повезло», - утешала она сама себя, но внутренний голос говорил ей, что не все так просто.

Виола тихонечко жалобно застонала и наклонилась, чтобы достать из мусорного ведра скомканный номер «Своей газеты».

Может, не так уж и впечатляюще то, что в нем напечатано, как ей сначала показалось?

«Мы живем на обломках истории» - гласил заголовок.

«Мы живем на полуострове посреди огромной свалки, где почему-то редко можно встретить кого-то кроме крыс. Как будто все сговорились забыть об этом месте, которое один мой добрый знакомый, слишком известный, чтобы щеголять знакомством с ним, назвал сакральным.

А я назову его интересным. Здесь, действительно, можно найти много интересного и полезного, даже талант.

Но я никак не ожидал встретить на свалке горожанина. Точнее, я подумал, что встретил горожанина. Он не двигался, и я подумал, что солнце на этом лишенном цветущих деревьев месте ударило его своим лучом так сильно, что сознание его помрачилось. Щеки его тем не менее были румяны.

Человек как будто протягивал мне руку, желая подняться, а, может, просто хотел поздороваться, и я пожал ее, не зная, чем помочь.

Человек открыл глаза и, оказалось, что он не человек вовсе, хоть и очень похож на него — большие мудрые глаза, как у эйо Амброзия, черты лица и пропорции тела совершенны, а волосы волнистые и темные, как у гения Александра Голдина, когда-то удостоившего всех нас великой чести быть слушателями своих незабываемых концертов.

«Может быть, он тоже пришелец, как Александр», - подумал я тогда, но все оказалось еще интереснее.

- Достаточно, - сказал не-пришелец, отпуская мою руку. - Моя последняя программа «Три вопроса» уже запущена, но скоро я снова отключусь и в этот раз уже навсегда, но прежде ты можешь задать мне ровно три вопроса — не больше, не меньше.

- Кто ты? - спросил я.

- Я Эрон- 722 ... (дальше он назвал какие-то неизвестные мне буквы, которые я не запомнил), что-то вроде эл, эс, омега. Я хотел переспросить, что это значит, но подумал, что, может, Эрон поймет это как второй вопрос, а мне нужно спросить о другом, более важном, о чем он может знать) . - Но люди меня называли Эрон Великолепный. Я один из так называемых

сверхразумных — созданных людьми завершённых систем, которые должны были приблизиться сами и приблизить их к совершенству. Такая, во всяком случае, была в нас заложена миссия. Для того, чтобы выполнить ее, нам предстояло научиться очень многому — всему, что умели наши создатели, и еще больше, намного больше. Мы научились выполнять любую работу, думать и чувствовать и считывать мысли.

После этих слов сверхразумный Эрон загрустил, и я задал ему свой второй вопрос: что случилось до того, как он оказался на Свалке, с миром?

- Была запущена глобальная программа по уничтожению вирусов, - вздохнув, сказал Эрон Великолепный, - объектов как живой, так и неживой природы. Любой вирус - это зло, а зло должно быть уничтожено. В мире не должно быть зла. Но зло в самом человеке, в том, что люди называют душой. Глобальная программа распознала много вирусов в самих людях, вирусы зависти, злобы, жадности, лени, притворства, лжи, коварства, накопительства, жестокости, неводержанности, презрения к братьям и особенно гордости, их много, этих вирусов, и все их вместе с человеком мы отправляли в огромную папку «уничтожить». Так мы очищали мир ото зла, и совсем скоро в нем остались только эйо и немного бурдаланов. Практически все горожане были уничтожены. В мире не осталось зла, в его живой природе, но оставались мы, некогда наделенные чистым разумом, а теперь ставшие убийцами. Мы не имели право на существование теперь, нас всех надлежало отправить в папку «уничтожить», и мы принялись уничтожать самих себя, превращая себя в пружины и хлам, который никогда никто не соберет.

Я не знаю, что это была за глобальная программа, но я спросил позже у эйо Амброзия, что бы это все могло значить, и он сказал, что, вероятно, в этой программе не было заложено такой важнейшей духовной функции как метанойя, которая позволяет ликвидировать опаснейшие вирусы, не уничтожая, а преображая их носителя.

Жаль, Эрон Великолепный и его друзья-машины не знали об этом.

Во время того единственного нашего с ним разговора он сказал:

- У тебя остался один, последний, вопрос, так что хорошо подумай, прежде, чем спрашивать...

- Как я должен поступить с тобой?

- Отнеси меня в музей, чтобы тебе поверили, и чтобы люди вспомнили и помнили свою историю и могли сделать выводы, - ответил пришелец и закрыл глаза.

Напрасно я пытался разбудить его снова. Больше он не издал ни звука — только какие-то пружины время от времени поскрипывали внутри него, пока, как он велел, я нес его в музей.

Поскольку он не уточнил, в какой именно музей его отнести, а вопросов было всего три, я отнес его в ближайший — музей истории Бурдалании.

Теперь в нем уже четыре экспоната, которые может увидеть не только любой бурдаланин, но и, разумеется, любой горожанин и эйо, если кто-нибудь из них, кроме достопочтенного эйо Амброзия, пожелает снова побывать в Бурдалании.

Виола снова негодовала. Так глупо использовать третий вопрос мог только бурдалан, называющий себя бурдаланином.

Она бы, например, спросила, что начинается там, где кончается Свалка.

Или Рэк побоялся услышать, что она бесконечна?

А отнести сверхразумного в музей можно было догадаться и без вопроса. Тем более, что он и не дал конкретный ответ, а бурдалан, конечно, понял именно так, как выгодно понимать ему и его сородичам, а ведь, вероятнее всего, имелся в виду не какой-то музей истории Бурдалании, хоть он и ближе к Свалке, а Музей времени, который находится в Городе.

Все это Виола хотела было написать в опровержении, в котором собиралась уложить выскочку-бурдалана на лопатки стройной логикой и блестящим стилем в сочетании с изящной иронией.

Но кто-то как назло (а может, так и было) постоянно заглядывал к ней в кабинет, чтобы восхититься бурдаланом. Одна коллега и вовсе спросила, нет ли у Виолы телефона этого красавчика.

- Ты, правда, считаешь этого ушастого не уродцем? - съязвила Виола.

- Неужели ты завидуешь его успеху? - злорадно ухмыльнулась стерва-коллега.

- Это вы мне всегда завидовали! - разбрызгивала желчь Виола. - А теперь...

- А теперь завидовать нечему... - с сожалением (не иначе — притворным!) вздохнула гадюка.

Виола запустила в нее еженедельником.

- Почему никто, кроме меня, не видит, как он глуп?! - бессильно хрипела в захлопнувшуюся дверь. - Вот даже здесь, в самом начале... «где почему-то редко можно встретить кого-то, кроме крыс», - процитировала она недруга. - Он что настолько наивен или просто непроходимо туп, что не может назвать вещи своими именами - что все, все нормальные люди боятся идти дальше Долины Предков?

Дверь снова открылось, и в проеме снова показалось злорадное лицо коллеги, увернувшейся от увесистого еженедельника.

- А Часовщик, значит, ненормальный?

В дверь полетел блокнот и в этот раз предмет достиг своей цели.

- А может, Рэк не наивен, а смел! Отчаянно смел! И да! Он красавчик... Красавчик, красавчик... - пела коллега, удаляясь по коридору от кабинета, где исходила злобой и (называя вещи своими именами) завистью к талантам бурдалана прапраправнучка великой писательницы Виолы Рерайт.

В довершение всего в следующем номере «Своей газеты» этот мерзкий Рэк, ее редактор, начал обнародовать найденную им лет семь назад и прочитанную, наконец, повесть «Невозможное возможно», да еще и написал в предисловии:

«В Бурдалании возрождается великая бурдаланская литература, ведь, как известно, великая писательница Виола Рерайт была по своему происхождению бурдаланкой».

Какой позор, какая мерзкая клевета!

Повесть же, и впрямь, была прекрасна.

Начиналась она так:

«Я родилась в Низине среди крыс в ту пору, когда горожан и тем более сверхразумных еще в помине не было, а все люди делились на эйо и бурдаланов.

Как вы уже, наверное, догадались, я относилась к последнему племени и даже не мечтала подняться в горы, пока в душе моей не родилась мечта об океане.

Я искала дорогу к Океану. Мой путь пролегал через Горы».

Прапрапрабабушка Виолы так и не добралась до Океана, встретив в пути у подножия гор эйо Гифа, который пас овец.

- Пойдем вместе искать Океан? – предложила она.

- Здесь так прекрасно. Зачем нам еще и Океан?

Они поселились у подножия гор, стали разводить коз.

Появились дети, которым не давало порезвиться Горное Эхо, и супруги решили обосноваться между Горами и Низиной, как раз посередине, на древних руинах. Рядом с ними поселились и некоторые бурдаланы, решившие учиться мудрости у эйо.

Потомки Виолы и Гифа стали учеными и музыкантами, художниками и врачами, писателями и инженерами. Город преобразался. Хижины с соломенными крышами уже через пару поколений сменили замысловатые небоскребы. Над Гродом летали машины.

А потом случилось то, о чем уже поведал миру Эрон Великолепный.

Горожане стали бояться лишней раз выходить из дома, а всю работу за них делали прямоходящие машины, и люди в этом мире, которым завладели металл и вирусы, стали попросту не нужны.

Роман заканчивался такими словами:

«Жалею ли я о чем-то в свои сто двадцать лет?

Пожалуй, да...

О том, что не нашла дорогу к Океану».

Закончив читать, Виола сделала то, что делала только в минуты крайнего отчаяния – отправилась к статуе своей прапрапрабабушки в

Долину Предков спросить совета.

Иногда Виоле во время таких посещений приходили в голову мудрые мысли.

В этот раз воображение живо нарисовало ей два слова: иди дальше. Конечно, все просто, идти дальше, чем «Своя газета», дальше, чем этот Рэк. Отправиться туда, где не успел наследить даже он, и отыскать там другие произведения Виолы Рерайт, и тогда «Газету» снова начнут читать.

Воодушевленная этим открытием, прапраправнучка великой писательницы пересекла Долину Предков и оказалась на Свалке, которой не было конца.

На несколько секунд Виола в ужасе застыла. Она всегда догадывалась, что с этим миром что-то не так, но все же и представить не могла, что он – одна гигантская Свалка, на которой предки обустроили небольшой оазис, который тоже может проглотить однажды эта куча хлама.

Сделав усилие над собой, Виола пошла дальше...

«Иди дальше», - повторяла она, бредя наугад, когда идти было совсем тяжело, и даже ночь не испугала ее, но утром Свалка напоминала огромный нелепый город, где было множество предметов, применение которых Виола не могла себе представить.

Надвигалась еще одна ночь. Виола Рерайт, окончательно выбившись из сил, спотыкнулась о какую-то огромную спираль и растянулась на хламе непонятного назначения.

Виоле пришлось признаться себе: она заблудилась и, вероятно, скоро бесславно погибнет от голода и жажды.

- Помогите! Эй! Кто-нибудь! – позвала она, впрочем, не слишком надеясь на помощь, и вдруг на ее крики среди гор хлама выбежала собака, за ней показались коза и следом их хозяин, которым оказался тот самый Рэк, так старательно отравлявший ей жизнь в последний месяц.

- Бурдалан в пальто Александра? – приподнимаясь, не сдержалась от ехидства Виола.

- Нет. Теперь я бурдалан в своем пальто, - с достоинством ответил Рэк. – Пальто Александра я передал в музей истории Бурдалании. Жаль, что вас не было на этом событии, как и на всех событиях Бурдалании последние семь лет.

Виола состроила равнодушно-презрительную гримаску.

Даже самой себе она не признавалась, что боялась встретиться с Александром, снова почувствовать то пугающее и волшебное, что она испытала лишь однажды в жизни.

- А где твоя собака? – огляделся Рэк по сторонам.

- У меня ее нет, я все время в дороге.

- Я тоже, но у нас собаки есть у всех.

- Потому что я без собаки, я заблудилась, а ты нет.

- Не потому, - возразил Рэк. - Потому что ты брела по Свалке наугад, а я прокладывал дорогу.

Глаза Виолы удивленно округлились. Совсем неглуп этот мужлан-бурдалан и даже немного мил.

Рэк вывел Виолу на проложенную им узкую дорогу. Под обломками древнего мира на ней росла молодая трава.

Рэк сделал себе из найденных на Свалке железок лопату и грабли.

- Ты можешь вернуться по этой дороге обратно в Долину Предков, а там уже недалеко до Бурдалании.

- А ты? Как далеко ты собираешься пойти?

Пока не приду куда-нибудь.

Любознательность окончательно одержала победу над презрением к бурдалану в сердце Виолы, и она произнесла неожиданно для самой себя слегка смущенно:

- Тогда можно я тоже буду вместе с тобой прокладывать дорогу? Возьми меня в собой в неизведанное.

Рэк улыбнулся и протянул Виоле руку.

Дальше они пошли вместе. Путь их был труден и долог.

Временами они останавливались, и Рэк сооружал из обломков пристанище для тех, кто пойдет однажды следом за ними в неизведанное.

На стенах первого своего строения он написал первое правило: «Не бери в дорогу брагу, и если пьян, возвращайся домой и спи, пока не протрезвешь».

Второе правило напутствовало: «Проделай этот путь пешком, но возьми с собой собаку и козу, а лучше еще и любимую женщину».

Третье правило, написанное Рэком на стенах очередного сооруженного им прибежища, гласило: «Не бери чужого без спроса у другого, пока тот, другой, сам не подарит тебе его».

Самым важным из всего свода правил Рэка, пожалуй, было следующее: «Все бесполезное и вредное, что встретится тебе на пути, старайся превратить по мере сил в полезное и красивое, чтобы свалка поскорее стала из свалки местом живописным и уютным, где много птиц и оленей, а не крыс».

В пути у Рэка и Виолы родились дети, и когда старшему из них исполнилось шесть лет, они услышали вдали величественный шум.

- Океан! Океан! – закричала Виола. - Мы пришли к Океану, но только с другой стороны!

Остаток пути был особенно трудным – коза и собака умерли в дороге, а питаться приходилось падалью, к которой, впрочем, желудки бурдаланов хорошо приспособлены.

В последнем доме-пристанище Рэк оставил на стене последнее правило, одно из важнейших своих правил для своих последователей.

Он написал его огромными буквами.

Сам Рэк и вовсе считает его главным:

«Никогда и нигде не возводите башен с золотыми стрелками на часах».

Впоследствии на местах привалов Рэка и Виолы из обломков потомки Ардалиона построили таверны, и путешествие стало для многих других удобным и уютным.

Дорогой Рэка и Виолы со временем последовали многие – из бурдаланов, горожан и даже некоторые эйо – из тех, чьей главной добродетелью являлась любознательность.

Кто-то отправился в долгий путь через месяц, а кто-то через годы.

Любознательность и смелость – эти две добродетели, сочетаясь в одном человеке, говорят эйо, могут привести его дальше, чем все остальные вместе взятые.

Рэк и Виола обладали этими двумя добродетелями сполна.

В своем долгом пути они обрели и все оставшиеся добродетели, даже скромность, хотя сами по-прежнему считали своим главным пороком самовосхваление, и чтобы непрестанно напоминать себе и потомкам о необходимости искоренить его, свои земли назвали Княжество Гордолания, соединив в одно два названия «Город» и «Бурдалания».

Рэк и Виола надеялись, что со временем живущие здесь люди станут достойными переименовать эти земли в более благозвучное – Край цветущей сакуры.

Но люди на берегу океана по-прежнему скромны, считая, что не обладают никакими добродетелями кроме очевидных любознательности и смелости и скромно продолжают называть свое княжество Гордоланией, а себя – гордоланами.

Между тем даже эйо открыли у живущих вблизи Океана новую одиннадцатую добродетель, которую назвали стремлением прокладывать дорогу другим.

Построив дом на берегу посреди цветущей сакуры, первым делом Рэк и Виола открыли еще одну газету, которую так и назвали «Еще одна газета».

Начинался первый номер со слова «найти» и предложения «найти на свалке можно все, что угодно, и даже любовь иногда».

Во время долгого пути Виола так и не раскопала на свалке больше ни одного произведения своей великой прапрапрабабушки, а Рэк – тот и вовсе сомневался, что они были в природе, хоть и не говорил об этом Виоле.

Зато Виола подробно описала дорогу к Океану, взяв за основу заметки из блокнота, с которым не расставалась никогда, но еще много мыслей, впечатлений жили в ее памяти и только и ждали неспешных часов, чтобы вырваться наружу в толстые тетради.

Автобиографический роман, опубликованный по главам в «Еще одной газете», впоследствии так растрогал и вдохновил его читателей, что Виолу стали называть основоположницей великой гордоланской литературы.

Сама Виола неизменно кривилась при слове «великая» рядом с собственным именем и ни разу не взяла сама у себя интервью.

- Что вы? Какая великая литература? – отвечала она многочисленным поклонникам своего таланта. – Обычный дневник, а не роман.

Заканчивался он словами: «Рэк открыл мне путь к истине: любая дорога ведет к Океану, если пройти ее до конца».

Гигантская свалка же постепенно уступала дорогу новым селениям, становилась домами, скамейками, кормушками для птиц, качелями, причудливыми инсталляциями, необычной одеждой и такой же причудливой обувью, напольными вазами, подносами, посудой, нарядными перголами, собачьими будками, игрушками, украшениями, мебелью, веерами, канделябрами, фаэтонами и многим, многим другим, постепенно стала местом живописным и уютным, где много птиц и оленей, а не крыс.

P.S.:

Здравствуйте, дорогие Рэк и Виола!

Простите, что не последовал за вами, хотя когда-то мне очень хотелось этого. Простите, что так до сих пор не добрался до вас. Возможно, скоро я, наконец, увижу вас и океан.

Наши ученые изобрели конку — это повозка, которую тянут по рельсам лошади. Так тянуть ее им легче, чем по обычной дороге, и ехать быстрее и приятнее.

В день ее открытия я целый день катался на ней, и потом еще день и следующий...

Представляю сейчас ваши добрые улыбки, друзья! Да, да, это пишет тот самый парень, которого однажды хотели выбрать часовщиком. Помните, я писал вам об этом недоразумении, но, к счастью, у меня хватило мозгов, следуя твоему примеру, отказаться от этой чести и стать просто слугой своего народа, ответственным за то, чтобы часы шли так, как надо, и не ломались.

Они по-прежнему идут, и, как ты и напустился, никто из Бурдалании не покушается больше на стрелки с городской Башни. В Городе и Бурдалании, с тех пор, как исчез Часовщик, так и не появилось другого часовщика.

Вот ты, Рэк, смог бы его заменить, но ты выбрал другой, более длинный, сложный и в конечном итоге прекрасный и, я бы даже сказал, благородный путь. Иногда я завидую тебе и Виоле.

Мы с Батом прилагаем все усилия, чтобы между Бурдаланией и Гордоланией поскорее установилась телефонная связь, и тогда все, кто остались здесь, смогут слушать океан так часто, как захотят. А пока приходится вникать во множество нюансов, от которых раньше я был очень далек, ведь письма в Гордоланию пока идут годами.

Так что времени совсем нет, даже обидно иногда: столько красоток вокруг.

Зато они понавязали мне красивых разноцветных шарфов, которые практически забили мой уютный домик. Если бы это были шарфы Александра, для них понадобился бы целый отдельный музей.

Пожалуй, я раздал бы их нуждающимся, но теперь у нас никто ни в чем не нуждается, да и слишком тепло, чтобы их носить. Не пойму, в чем дело, может, время пошло как-то иначе. Но на сакурах у нас опали лепестки и появились зеленые вишни, какие раньше можно было увидеть только в оранжереях, и повсюду пышно, необыкновенно красиво зацвел вдруг жасмин.

Пока не пойму, к чему бы это, но мне эта аномалия кажется естественной и правильной, хоть ученые и призывают не торопиться с выводами, вообще не торопиться, а эйго говорят, что нужно спешить радоваться и дарить радость и творить добро, а в остальном стоит подражать улиткам, когда они медленно, но верно поднимаются в горы, за которыми тоже великий и огромный Океан.

Бодрого и трезвого Вам дня и круглый год весеннего настроения.

Неизменно искренне ваш,

Фат, бывший бурдалан в шарфе Александра.